

МИХАИЛ ГАСПАРОВ

Михаил Гаспаров

**Собрание сочинений в шести
томах. Т. 5: Переводы. О
переводах и переводчиках**

«НЛО»

Гаспаров М. Л.

Собрание сочинений в шести томах. Т. 5: Переводы. О переводах и переводчиках / М. Л. Гаспаров — «НЛО»,

ISBN 978-5-4448-1284-6 Первое посмертное собрание сочинений М. Л. Гаспарова (в шести томах) ставит своей задачей по возможности полно передать многогранность его научных интересов и представить основные направления его деятельности. В пятый том, посвященный переводческой работе Гаспарова, вошли как его собственные переводы, так и статьи о труде переводчика и переводе как области филологии, представленные здесь в максимальной полноте. Том открывается монографией «Экспериментальные переводы», изданной Михаилом Леоновичем в 2003 году в качестве итога многолетней работы над переложениями на русский язык текстов античных и средневековых авторов, а также поэтов Возрождения и Нового времени. Переводческая деятельность Гаспарова включала научное редактирование и осмысление трудов предшественников, поэтому не могла не коснуться общих вопросов искусства перевода, которым он посвятил специальные статьи. Отдельного внимания заслуживают его схолии и комментарии, сделанные к переводам «трудных» поэтов Возрождения и Нового времени. В русле его научной работы написаны статьи о русских переводчиках от Брюсова до Маршака, а также заметки *in memoriam* С. В. Шервинского, М. Е. Грабарь-Пассек, Ф. А. Петровского и С. А. Ошерова.

© Гаспаров М. Л.

© НЛО

Содержание

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ПЕРЕВОДЫ	13
ВЕРЛИБР И КОНСПЕКТ 1	13
ОДЫ	19
ПИНДАР	20
ПЬЕР РОНСАР	20
ДЖОН МИЛЬТОН	30
ФРИДРИХ ГЁЛЬДЕРЛИН	35
ФРЭНСИС ТОМПСОН	40
ПОЭМЫ	43
СИЛИЙ ИТАЛИК	44
ЛУДОВИКО АРИОСТО	48
ЙОРГОС СЕФЕРИС	53
ТРАГЕДИИ	63
ЕВРИПИД	65
Орест	68
СОНЕТЫ	108
ДЖОН ДОНН	108
ЭЛЕГИИ, 1	116
Мечта 35/211	116
Жизнь 33/62	117
Дружба 39/92	118
Любовь 12/56	119
Ободрение 7/36	119
Разочарование 16/68	120
Осень 8/36	120
Уныние 23/98	120
Руины 31/209	121
Гений 23/100+37	122
Конец 10/32	123
ЭЛЕГИИ, 2	124
АНРИ ДЕ РЕНЬЕ	124
Сбор 16/46	125
Песнь 1 24/58	125
Двойная элегия	126
Призрак	126
Песенка 10 14/31	127
Припев 15/30	127
Сосуд 25/128	128
Песенка 2 17/28	128
Часы 5/20	129
Песенка 3 20/39	129
Ночь богов	130
Песенка 9 19/33	131
Былое 7/28	132
Спутник	132
Песенка 6 18/31	133

Незримое присутствие 6/24	133
Песнь 4 28/52	133
Ноша 18/40	134
Ключ	135
«Моя песня...»	135
КАРТИНЫ, 1	137
ЭМИЛЬ ВЕРХАРН	137
Рыбаки 15/88	137
Столяр 12/75	138
Звонарь 15/78	138
Канатчик 21/106	139
Могильщик 21/115	139
Из «Полей в бреду»	140
Из «Городов-спрутов»	141
Биржа 20/95	142
Порт 21/65	142
Бунт 33/104	143
Из «Представших на пути»	144
КАРТИНЫ, 2	145
ГЕОРГ ГЕЙМ	145
Вечер	146
Зима	146
На севере	147
Слепые женщины	148
Офелия	148
Госпиталь	149
Адская вечеря	151
СТАНСЫ	155
ЖАН МОРЕАС	155
ПЕСНИ	159
ПОЛЬ ФОР	159
У меня цветочки	159
Колыбельная с игрушками	160
Царица в море	160
Киты	162
Жалобная песня про короля и королеву	162
Проза в вечернем свете	163
Смерть пришла	163
Она умерла	163
Смерть светла	164
Голова святого Дениса	164
Король Клавдий	165
Гамлет	165
Фортинбрас	166
Лондонская башня	166
Шарль Орлеанский в Лондонской башне	167
Горе	168
Морское прощание	168
Морская любовь	168

ПОДРАЖАНИЯ ДРЕВНИМ	170
ЭЗРА ПАУНД	170
БАЛЛАДЫ, 1	184
КОНСТАНТИНОС КАВАФИС	184
Фермопилы	184
Измена	184
Троя	185
Итака	185
Демарат	186
Эсхил («Сидонские юноши»)	186
Артакеркс («Сатрапия»)	186
Лакедемоняне («Год 200 до Р. Х.»)	186
Деметрий	187
Филэллин	187
Герод Аттик	187
Безымянный («Вот он»)	187
Феодот	188
Цезарь («Иды марта»)	188
Александрия («Александрийские цари»)	188
Антоний («Дионис покидает Антония»)	189
Юлиан («Ты не познал»)	189
Юлиан, посвящаемый в таинства	189
Симеон	189
Посидония	190
В ожидании варваров	190
Предстоящее	191
БАЛЛАДЫ, 2	192
ЗБИГНЕВ ХЕРБЕРТ	192
Пан Когито и его бездна 11/39	192
Пан Когито и его мысли 11/28	193
Пан Когито видит сны 12/19	193
Пан Когито представляет себе мифологию	193
Пан Когито еще раз представляет себе мифологию	194
Пан Когито представляет себе историю 18/30	194
Пан Когито рассказывает про искушение Спинозы 36/65	195
Иногда пан Когито получает странные письма 25/52	196
Пан Когито ищет поддержки 14/39	197
Пан Когито размышляет о последнем	197
РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ, 1	199
ЛЕКОНТ ДЕ ЛИЛЬ	199
СЮЛЛИ-ПРЮДОМ	199
Тень 7/14	199
ШАРЛЬ ВАН ЛЕРБЕРГ	200
«Вечер. Тени...» 12/29	200
ЭМИЛЬ ВЕРХАРН	200
Дерево у дома 10+7/88+84	200
ФРАНСУА ВЬЕЛЕ-ГРИФФЕН	201
«Добрые часы, ровные часы...» 10/19	201
«Зелень, синь, лазурь...» 9/20	201

«Вечер выцвел, как осенний цветок...» 15/26	201
На смерть Малларме 16/21	202
СТЮАРТ МЕРРИЛЬ	202
«Дождь, снег...» 27/72	202
ЖАК РОДЕНБАХ	203
«Глушь, рассвет, колокольный звон» 7/12	203
«Дождь: Слезы вечера...» 13/25	203
«Нежный вечер. Клубящиеся тени» 11/20	204
«Траурные стены монастыря...» 8/24	204
СЕН-ПОЛЬ РУ	204
Голгофа	204
ГЮСТАВ КАН	205
«Он пришел такой бледный, бледный...»	205
«Осенние вечера, испуганные леса...»	205
КАМИЛЬ МОКЛЕР	206
Памяти 6/16	206
ЭРНЕСТ РЕЙНО	206
Брюгге 7/14	206
ФЕРНАН ГРЕГ	206
Молитва 10/32	206
АЛЕН БОСКЕ	207
«Пророков спросили...»	207
«Два дивана...»	207
РАЙНЕР МАРИЯ РИЛЬКЕ	208
О фонтанах	208
РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ, 2	210
Т. С. ЭЛИОТ	210
Первый хор из «Убийства в соборе»	210
Второй хор из «Убийства в соборе»	211
Первый священник	213
У. Б. ЙЕЙТС	213
Византия	213
Плавание в Византию	214
РЕДЬЯРД КИПЛИНГ	215
Руны на Виландовом мече	215
Лесная тропа	216
У. Х. ОДЕН	216
Вольтер в Фернее	216
Х. Л. БОРХЕС	217
Шахматы	217
Пределы	218
МАРГАРЕТ ЭТВУД	218
Начало	218
Х. М. ЭНЦЕНСБЕРГЕР	219
Финское танго	219
ЭДНА СЕНТ-ВИНСЕНТ МИЛЛЕЙ	220
Плач	220
ХИЛЬДА ДОМИН	220
Марионетка	220

О нас	221
«Срежь себе веки...»	221
«Умиравший рот...»	221
ЛЕЯ ГОЛЬДБЕРГ	222
Тель-Авив, 1935	222
ПОЛЬ ЭЛЮАР	222
Здесь	222
А. Э. ХАУСМЕН	223
Революция	223
ХАЙНЦ ПИОНТЕК	223
Простые предложения, 1968	223
Под ножом	224
На меди	225
ЙОРГОС СЕФЕРИС	225
Последний день	225
КАРЛ СЭНДБЕРГ	226
Трава	226
ЭРНСТ МАЙСТЕР	227
Положись на себя	227
Заячья зима	227
«То, что нужно познать...»	228
ЭРИХ ФРИД	228
За смертью посылать	228
Страх и сомнение	228
Ното liber	229
Бессловесно	229
БАСНИ	231
КЛЕМАН МАРО	231
Лев и мышь	231
ГАНС САКС	233
Льстивый и честный пред обезьяньим царем	233
ЖАН ДЕ ЛАФОНТЕН	234
Лисица и виноград	234
Ворон и лисица	235
ЖАН-ПЬЕР КЛАРИ ДЕ ФЛОРИАН	235
Истина и басня	235
Философ и сова	236
Мальчик и зеркало	237
ДЖУЗЕППЕ ПАРИНИ	237
Кот и крестьянин	237
ЛУИДЖИ ФЬЯККИ	238
Молодой дрозд и его мать	238
ЛОРЕНЦО ПИНЬОТТИ	239
Взбитые сливки	239
ТОМАС ДЕ ИРИАРТЕ И ОРОПЕСА	240
Медведь, обезьяна и свинья	240
ХРИСТИАН ФЮРХТЕГОТТ ГЕЛЛЕРТ	241
Умиравший отец	241
ФРИДРИХ ФОН ХАГЕДОРН	241

Медвежья шкура	241
ЭВАЛЬД ХРИСТИАН ФОН КЛЕЙСТ	243
Раненый журавль	243
КОМЕДИЯ	244
КВЕРОЛ	244
CURIOSA	251
А. Э. ХАУСМЕН	251
Отрывок из греческой трагедии	251
ДЕЦИМ МАГН АВСОНИЙ	253
Молитва ропалическая 5	253
Послание двуязычное	254
Свадебный центон	256
СПИСОК ПЕРВЫХ ПУБЛИКАЦИЙ	269
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ПЕРЕВОДОВ, ВКЛЮЧЕННЫХ В КНИГУ	
АНТИЧНОСТЬ	271
ПАРМЕНИД 58	271
ИЗ ПОЭМЫ «О ПРИРОДЕ»	271
АРИСТОФАН 59	277
ФРАГМЕНТЫ	277
ФЛЕГОНТ ИЗ ТРАЛЛ	318
УДИВИТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ	318
ДИОГЕН ЛАЭРТСКИЙ 61	332
О ЖИЗНИ, УЧЕНИЯХ И ИЗРЕЧЕНИЯХ ЗНАМЕНИТЫХ ФИЛОСОФОВ	332
Книга вторая	332
Книга восьмая. 1. Пифагор	338
«ЭЗОПОВЫ БАСНИ» БАБРИЯ В ЯМБИЧЕСКИХ ЧЕТВЕРОСТИШИЯХ 62	347
ОТРЫВКИ ИЗ ПОЭТОВ-ЛИРИКОВ – СОВРЕМЕННИКОВ	349
КАТУЛЛА	
ЛИЦИНИЙ КАЛЬВ63	349
«Безделки»	349
Эпиграммы	349
Квинтилия	349
Эпиталамии	349
Ио	350
Разное	350
ГЕЛЬВИЙ ЦИННА	350
«Безделки»	350
Эпиграммы	350
Напутствие Поллиону	350
Смирна	351
КВИНТ КОРНИФИЦИЙ	351
ТИЦИДА	351
ФУРИЙ БИБАКУЛ	351
«Безделки»	351
Летопись	352
ПУБЛИЙ ТЕРЕНЦИЙ ВАРРОН АТАЦИНСКИЙ	352

Землеописание	352
Эфемерида	353
Секванская война	353
Элегии	353
ГАЙ МЕММИЙ	353
НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ	353
ПУБЛИЙ ОВИДИЙ НАЗОН 64	355
СКОРБНЫЕ ЭЛЕГИИ	355
Книга III	355
ПИСЬМА С ПОНТА	356
Книга II	356
Конец ознакомительного фрагмента.	359

Михаил Леонович Гаспаров
Собрание сочинений в шести томах. Том
V. Переводы. О переводах и переводчиках

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ПЕРЕВОДЫ

ВЕРЛИБР И КОНСПЕКТ ¹ ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

У Пушкина есть рецензия на элегии Сент-Бёва, где в цитатах выписаны целые стихотворения. Когда я лет в четырнадцать читал эту статью, то французского языка я не знал и цитаты читал по переводу в сносках. Перевод был прозой, но напечатанной построчно, как верлибр. Цитаты мне понравились, они звучали резко и оригинально. Через несколько лет я перечитал Пушкина и цитаты из элегий читал уже по-французски. Они лежали в ровных александрийских строчках, застегнутые на все шесть стоп, и казались традиционными и безликими. Я удивлялся: почему это?

Теперь я знаю почему. У каждого стихотворного размера есть свои смысловые ассоциации: семантический ореол. Поэзия любого содержания в гексаметрах покажется нам стилизацией под античную классику, в александрийских стихах – под французскую классику, в четырехстопных вольнорифмованных ямбах – под Пушкина. А Сент-Бёв был романтик, он не хотел стилизоваться под французскую классику. И оказывалось, что русский перевод прозой как бы соответствовал этому его желанию, а перевод «размером подлинника» противоречил ему: уводил мысль читателя по пути ложных ассоциаций.

Но есть один размер, который абсолютно свободен от всяких содержательных ассоциаций, как ложных, так и не ложных. Это свободный стих, верлибр. Он без ритма и рифмы: единственное средство выразительности в нем – членение текста на длинные и короткие строчки. Единственное, но зато тем более осязаемое. Так вот, кто захочет переводить любого поэта, видя в нем представителя его эпохи, его культуры, его традиции, – тот, конечно, обязан переводить его размером подлинника. А кто захочет переводить его как самобытную индивидуальность, как прямого собеседника нынешних читателей, тот будет переводить его без метрической униформы – верлибром. И то и другое желание правомерно: глядя на поэтов в их историческом контексте, мы познаем чужой культурный мир, воображая поэтов наедине с нами, мы познаем самих себя. Не нужно только смешивать одно с другим.

Мы знаем: на Западе давно уже стихи, писанные строгими формами, переводятся верлибрами. Мы знаем: среди таких переводов гораздо больше плохих, чем хороших, и филологи к ним относятся высокомерно: «ни стих, ни проза – так, переводческая *lingua franca*», было сказано в одной рецензии. Но это не значит, что верлибр от природы прозаичен, бесформен, невыразителен, однообразен. Он требует такой же сжатости, четкости, необычности слога, как всякий стих. Он не бесформен, а предельно оформлен: в нем каждое слово на счету. Это идеальный аккомпанемент, откликающийся на каждый оттенок смысла (если смысл есть!). Он не однообразен: каждый, кто работал с ним, знает, как в нем словесный материал сам стремится под пальцами оформиться то в стих равнотонический, то, наоборот, в перебойный, то в построенный на параллелизме, то на игре стиховых окончаний и т. д. Верлибр – это такой раствор форм, из которого могут выкристаллизоваться многие и многие размеры, теоретически вообразимые, но практически до сих пор незнакомые русской поэзии. А перевод в поэзии всегда был лабораторией форм.

Конечно, не для всякого перевода хорош верлибр. Лучше всего он служит службу тем произведениям, форма которых или слишком отвлекающе сложна, как у Пиндара, или,

¹ Текст дается по изданию: Гаспаров М. Л. Экспериментальные переводы. СПб.: Гиперион, 2003.

наоборот, достаточно привычна, традиционна, устойчива, чтобы опытный читатель держал ее в сознании, читая верлибр. Таковы гексаметры, александрийский стих, октавы, сонеты, драмы, написанные белым стихом (и т. д.), но не свободные лирические формы трубадуров или романтиков. Брюсов писал (в предисловии к драме Верхарна, которую он перевел без рифм): «Шекспир, переведенный прозой, теряет часть своей силы, но Расин в прозе – лишен смысла». Я хорошо представляю себе переведенного верлибром Ламартина, но не представляю Верлена.

Я – филолог-классик, моя специальность – переводы из античных поэтов. Здесь спрос на точность передачи формы – повышенный: я должен знакомить читателей с очень далекой культурой. Размером подлинника я перевел столько поэтов – представителей античной культуры, что решил: а поэтов нового времени я имею право переводить – не для читателей, а для себя – не как представителей, а просто так. То есть вопреки размеру подлинника, верлибром. Все стихи этой книги, за очень немногими исключениями, я начинал переводить для себя: чтобы лучше понять и запомнить. Иногда, если мне казалось, что получается выразительно, я продолжал работу уже для печати: для читателей. Так были переведены Пиндар, Ариосто, Георг Гейм. Ариосто и Гейма я заранее показывал хорошим специалистам. Реакции были одинаковые: при первом чтении – шок, при третьем: «очень интересно!»

Я не переоцениваю перспектив такого перевода. Когда русский Сент-Бёв размером подлинника слишком уж похож на русского Расина размером подлинника, то это нехорошо; но если у переводчика не хватит способности разнообразить верлибр, то и Сент-Бёв верлибром, и Расин верлибром окажутся похожи на самого переводчика, и это будет еще хуже. Пытаясь избежать этого, я испытывал возможности верлибра на разный лад – не знаю, удачно ли. Но думаю, что в верлибре, по крайней мере, гораздо легче отличить плохой перевод от хорошего, чем в традиционном стихе, где он закутан в ритм и рифму. Хороший перевод не-верлибра верлибром хоть сколько-то лучше посредственного перевода «размером подлинника», но плохой перевод не-верлибра верлибром бесконечно хуже даже посредственного перевода «размером подлинника». Об этом стоит подумать тем, кто при советском классицизме изо всех сил старался переводить верлибры правильными размерами, а сейчас, польстясь на мнимую легкость, готов на обратное. Впрочем, «хороший – плохой» – понятия ненаучные. Я хотел только обратить внимание на тот, может быть, крайний случай, когда забота о точности перевода побуждает не воспроизводить размер подлинника, а отказываться от него. Теоретически это очень интересно; мне кажется, что практически тоже.

Отказ от точной передачи стихотворной формы ради более точной передачи образов, мыслей и стиля – это обычный случай закона компенсации в структуре поэтического произведения. По этому пути можно идти и дальше. Ради того чтобы полнее познать самого себя в зеркале переводимого автора, переводчик может отказаться и от передачи стиля – например, заявить, что наш современник (то есть он сам) может адекватно воспринять чувства старинного элегика только на языке уличного просторечия. Эзра Паунд (переведенный в этой книге) перелагал так Проперция ради авангардного эпатажа, а некоторые современные переводчики делают это, кажется, от чистого сердца. Я так не умею. Я предпочел коверкать не стиль, а образы и мотивы. Вот тут-то и начинается эксперимент.

Когда переводишь верлибром и стараешься быть точным, то сразу бросается в глаза, как много в переводимых стихах слов и образов, явившихся только ради ритма и рифмы. Илья Сельвинский любил сентенцию: «в двух строчках четверостишия поэт говорит то, что он хочет, третья приходит от его таланта, а четвертая от его бездарности». Причем понятно, что талант есть не у всякого, а бездарность у всякого, – так что подчас до половины текста ощущается балластом. Когда мы это читаем в правильных стихах, то не чувствуем: в них, как на хорошо построенном корабле, балласт только помогает прямой держаться. Но стоит переложить эти стихи из правильных размеров в верлибр, как балласт превратится в мертвую тяжесть, которую хочется выбросить за борт.

И вот однажды я попробовал это сделать. Я переводил «Небесных гончих» Ф. Томпсона, и они казались в верлибре длинней и риторичней, чем в подлиннике. И я решил их отредактировать: не теряя ни единого образа, в балластных местах обойтись меньшим количеством слов – только за счет стиля и синтаксиса. Оказалось, что объем вещи от этого сразу сократился на пятую часть: вместо каждых десяти стихов – восемь. Повторяю: без всяких потерь для содержания. По обычному переводческому нарциссизму это мне понравилось. Я подумал: а что, если сокращать и образы – там, где они кажутся современному вкусу (то есть мне) избыточными и отяжеляющими?

Есть в риторике такое понятие: амплификация. Это значит: развертывание, раздувание – способы делать из небольшой мысли пространную речь. Большинство стихов сочиняются именно с помощью амплификации. Когда поэтическая культура в расцвете, это ценится, когда наступает смена культур, то именно амплификации первыми начинают раздражать и казаться лишними. Пушкин перевел сцену из Вильсона, «Пир во время чумы»; переводил он очень точно, но из 400 стихов у него получилось 240, потому что все, что он считал романтическими длиннотами, он оставлял без перевода. И такой конспективный перевод очень хорошо вписывался в творчество Пушкина, потому что ведь все творчество Пушкина было, так сказать, конспектом европейской культуры для России. Русская культура, начиная с петровских времен, развивалась сверхускоренно, шагая через ступеньку, чтобы догнать Европу. Романтизм осваивал Шекспира, и Пушкин написал «Бориса Годунова» – длиной вдвое короче любой шекспировской трагедии. Романтизм создал Вальтера Скотта, и Пушкин написал «Капитанскую дочку» – длиной втрое короче любого вальтер-скоттовского романа. Романтизм меняет отношение к античности, и Пушкин делает перевод «Из Ксенофана Колофонского» – вдвое сократив оригинал. Техника пушкинских сокращений изучена: он сохраняет структуру образца и резко урезывает подробности. Я подумал: разве так уж изменилось время? Русская литература по-прежнему отстает от европейской приблизительно на одно-два поколения. Она по-прежнему нуждается в скоростном, конспективном усвоении европейского опыта. Разве не нужны ей конспективные переводы – лирические дайджесты, поэзия в пилюлях? Тем более что для конспективной лирики есть теперь такое мощное сокращающее средство, как верлибр.

Я не писатель, я литературовед. Новейшую европейскую поэзию я знаю плохо. Я упражнялся на старом материале: на Верхарне, Анри де Ренье, Мореасе, Кавафисе. Верхарна и Ренье я смолоду не любил именно за их длинноты. Поэтому сокращал я их садистически – так, как может позволить только верлибр: втрое, вчетверо и даже вшестеро. И после этого они моему тщеславию нравились больше. Вот одно из самых знаменитых стихотворений Верхарна: сокращено вчетверо, с 60 строк до 15. Оно из сборника «Черные факелы», называется —

ТРУП

Мой рассудок мертв —
В гложущем саване он плывет по Темзе.

Над ним стальные мосты,
Лязги поездов, тени парусов,
Красный циферблат с застывшими стрелками.

Мой рассудок мертв,
Не вместив желания все понять.

Мимо стен, где куются молнии,

Мимо мутных фонарей в узких улицах,
Мимо мачт и рей, как кресты Голгоф.

Мой рассудок мертв,
Он плывет в погребальный костер заката,

Сзади – город вздымает дымы,
Вокруг – волны, глухие, как набаты,
Впереди же – бесконечность и вечность
Всем, кто мертв.

Вот для сравнения точный его перевод – старый, добросовестный, Георгия Шенгели:

В одеждах, цветом точно яд и гной,
Влачится мертвый разум мой
По Темзе.

Чугунные мосты, где мчатся поезда,
Бросая в небо гул упорный,
И неподвижные суда
Его покрыли тенью черной.
И с красной башни циферблат,
Где стрелки больше не скользят,
Глаз не отводит от лица
Чудовищного мертвеца.
Он умер от желанья знать,
От страстной жажды изваять
На цоколе из черного гранита
Для каждой вещи лик идеи скрытой.
Он умер, в сердце восприяв
Сок познавательных отрав.
Он умер, пораженный бредом,
Стремясь к величьям и победам,
Он раскололся в пьяный миг,
Когда вскипел закат кровавый,
И над его главой возник
Орлом парящим призрак славы.
Не в силах более снести
Жар и тоску смятенной воли, —
Он сам себя убил в пути,
В цепях невыносимой боли.
Вдоль траурных замшенных стен,
Вдоль верфей, где раскат железный
Тяжелых молотов вещает вечный плен,
Влачится он над похоронной бездной.
Вот молы, фабрик алтари,
И молы вновь, и фонари, —
Прядут медлительные пряжи
Глухое золото в тоске и страхе.

Вот камня вечная печаль,
Форты домов в уборе черном,
Закатным взглядом, скучным и покорным,
Их окна смотрят в сумрачную даль.
Вот верфи скорби на закате,
Приют разбитых кораблей,
Что чертятся скрещеньем мачт и рей
На небе пламенных распятий.
В опалах мертвых, что златит и жжет
Вулкан заката, в пурпуре и пемзе
Умерший разум мой плывет
По Темзе.

Плывет на волю мглы: в закат,
В тенях багровых и в туманах,
Туда, где плещет крыльями набат
В гранит и мрамор башен рдяных,
И остается сзади град
Неутолений и преград.

Покорный неизвестной силе,
Влачится труп уснуть в вечеровой могиле,
Плывет туда, где волн огромный рев,
Где бездна беспредельная зияет
И без возврата поглощает
Всех мертвецов.

Сокращения такого рода вряд ли могли быть сделаны без помощи верлибра. Однообразие приемов легко заметить: выбрасываются связующие фразы, выбрасываются распространяющие глаголы, сохраняются преимущественно существительные, а из существительных удерживаются предметы и выпадают отвлеченные понятия. Со стихами, в которых предметов мало, а отвлеченных понятий много, такие эксперименты получаются хуже. Боюсь, что таковыми получились в переложении, например, романтические элегии. Я не знаю, неизбежен такой номинативный стиль при сокращении или нет. Но я знаю, что и в обычных, традиционно полномасштабных переводах имена существительные подлинника сохраняются в переводе в полтора-два раза старательнее, чем прилагательные и глаголы. Содержание стихотворения опознается прежде всего по существительным – или, проще говоря, читателю важнее, о *чем* говорится в произведении, нежели *что* в нем говорится. Если скажут, что конспективные переводы такого рода годятся только для предварительного ознакомления читателя со стихами, я не буду спорить. Все мы в первый раз читали и «Робинзона», и «Гулливера», и «Гаргантюа» по сокращенным пересказам; я помню адаптированные издания и Вальтера Скотта, и Гюго, и честное слово, дух подлинника в этих сокращениях сохранялся.

Мне не хотелось бы, чтобы эти упражнения выглядели только литературным хулиганством. В истории поэзии такие переработки появляются не впервые. Когда александрийские поэты III века до н. э. стали разрабатывать камерную лирику вместо громкой, то они брали любовные темы у больших лириков-архаиков и перелагали в короткие и четкие эпиграммы, писанные элегическим дистихом. В этом была и преемственность, и полемичность. Такая стилистическая полемика средствами не теории, а практики была в античности привычна: если

Еврипиду не нравилась «Электра» Софокла, он брался и писал свою собственную «Электру» (современный литератор вместо этого написал бы эссе «Читая „Электру“»).

Разумеется, ни мне, ни кому другому не придет в голову полемизировать от своего имени с поэтом Лермонтовым или поэтом Верхарном. Но полемизировать от имени современного вкуса против того вкуса риторического романтизма или риторического модернизма, которыми питались Лермонтов и Верхарн, – почему бы и нет? Если мы не настолько органично ощущаем стиль наших предшественников, чтобы уметь подражать им, как аттицисты аттикам, – признаемся в этом открыто, и пусть потом наши потомки перелицовывают нас, как мы – предков (если, конечно, они найдут в нас хоть что-то достойное перелицовки).

Можно ли утверждать, что именно лаконизм, минимализм – универсальная черта поэтики XX века? Наверное, нет: век многообразен. Но это черта хотя бы одной из поэтических тенденций этого века – той, которая восходит, наверное, к 1910-м годам, когда начинали имажисты и Эзра Паунд написал знаменитое стихотворение из четырех слов – конденсат всей раннегреческой лирики вместе взятой: «Spring – Too long – Gongyle» (Гонгила – имя ученицы Сапфо, затерявшееся в ее папирусных отрывках). Краткость ощущалась как протест против риторики – хотя на самом деле, конечно, она тоже была риторикой, только другой. Впрочем, задолго до Паунда у самого Лермонтова такое стихотворение, как «Когда волнуется желтеющая нива...», было не чем иным, как конспектом стихотворения Ламартина «Крик души»: та же схема, та же кульминация, только строже дозированы образы, и оттого текст вдвое короче. Впрочем, краткость краткости рознь, и не от всякой стихотворение приобретает вес. Марциал писал другу-поэту:

Те лишь стихи коротки, где не сыщется лишнего слова,
А у тебя, мой дружок, даже двестишья длинны.

При обсуждении этих переводов было замечено, например, что Верхарн в них становится похож на молодого Элиота. (На мой взгляд, скорее на Георга Гейма.) Это, конечно, дело субъективных впечатлений. Важнее другое: вероятно, если два переводчика-сократителя возьмутся за одно и то же стихотворение, то у них получатся два совсем разных сокращения: один выделит в оригинале одно, другой другое, и каждый останется самим собой. И очень хорошо: я уже сказал, что через перевод размером подлинника мы ищем познать переводимого поэта, через перевод верлибром – познать самих себя.

А мне лично как литературоведу интереснее всего такой вопрос: можно ли вообще считать получающиеся тексты переводами? Идею и эмоциональное содержание оригинала – сохранено. («Нет, – возразили мне, – от сокращения эмоция становится сильнее». Может быть.) Композиционная схема – сохранена. Объем – резко сокращен. Стиль – резко изменен. Стих – изменен еще резче. Много убавлено, но ничего не прибавлено. Достаточно ли этого, чтобы считать новый текст переводом старого, пусть вольным? Или нужно говорить о новом произведении по мотивам старого? Для этого есть хорошее немецкое слово *Nachdichtung*, но точного русского перевода для него не существует. Здесь есть возможность для многих праздных разговоров – но, конечно, не сейчас.

ОДЫ

Ода Пиндара (470 год до н. э.) написана очень сложным лирическим размером, складывающимся в повторяющиеся «триады» – строфу, антистрофу и эпод; начала их отмечены на левом поле. Ода обращена к сиракузскому тирану Гиерону и его сыну Диному, правителю новооснованного города Этны невядалеке от известного вулкана, под которым, считалось, казнится чудовищный Тифон, символ мирового хаоса, укрощенного богами; так и Гиерон с братьями победил финикийцев и тирренов при Гимере и Кумах, эти победы сравниваются с афинскими и спартанскими победами над персами («мидянами») при Саламине и Платее («Кифероне»). Гиерон тяжело болел, поэтому он сравнивается с больным Филоктетом, сыном Пеанта, без которого, однако, греки не могли победить Трои. Гераклиды – род, из которого вышли спартанские цари; законы Этны были написаны по образцу спартанских.

Ода Ронсара (1550) тоже написана триадами, но более простыми размерами и короткими строками: в подлиннике строфы имеют по 12, 12 и 10 строк, в переводе они смогли стать короче. Она длинная, как поэма, поэтому некоторые триады в переводе пропущены. Ода обращена к канцлеру Мишелю Лопиталю, приближенному Маргариты Беррийской, дочери Франциска I, известному гуманисту, тщетному примирителю религиозных войн. Морелю д'Амбрёну (с его женой Антуанеттой, хозяйкой литературного салона) Лопиталь поручил потом помирить Ронсара с его «завистниками», на которых он так злится. Основная часть оды – апофеоз поэтического вдохновения по Платону, возносящего душу в мир вечных идей; четыре обуюнности, о которых речь, – безумия профетическое, мистическое, поэтическое и эротическое. Начальная часть оды – по мотивам Гесиода и Гомера, но и с упоминанием Фалесовой идеи, что всё в мире – от воды.

«Ликид» Мильтона (1637) – это разноstopный ямб, привычный в английском барокко. Но когда Милтон писал свою «монодию» на смерть молодого Эдварда Кинга, то одним этим термином он назвал свои образцы – Пиндара и Симонида, этих зачинателей поэзии торжественного плача. И я попробовал перевести «Ликида» не так, как Милтон его написал, а так, как он хотел его написать: стихом и стилем античной мелики. Ликид и другие имена – из буколик; сицилийская Аретуза (бежавшая от Алфея) и мантуанский Минций – реки, возле которых родились Феокрит и Вергилий. Гиппотад – бог ветров Эол; Панопея – морская нимфа; над рекой Гебром вакханки растерзали Орфея, и голову его унесло к Лесбосу, острову поэтов. Кэм – речка, на которой стоит Кембридж, где учился Кинг; Мона – остров Мэн в Ирландском море, Дэва – речка Ди; Гебриды – к северу от Ирландского моря, а Беллер с горой св. Михаила, глядящей в сторону Бретани, – к югу от него. Галилейский кормчий – конечно, св. Петр: стихи писались, когда уже сгушалась гроза пуританской революции.

«Патмос» Гёльдерлина (1803) об апостоле Иоанне, интересен как синтаксический эксперимент: он написан бесконечно длинными предложениями, с нарочитой странностью переламывающимися о стихоразделы. Такой «антисинтаксический» стих, модный в XX веке, давался мне трудно, и я попробовал его только в этом стихотворении. Но к концу все равно стал сбиваться на синтаксический. Большое спасибо Г. И. Ратгаузу, помогавшему мне в работе над трудным текстом.

«Небесные гончие» Фрэнсиса Томпсона (1893), английского *poete maudit* – хрестоматийный образец той викторианской (или антивикторианской) религиозной поэзии, которая теперь и в Англии мало кем читается. Кажется, на русский язык эти стихи не переводились. Номера строк на левом поле в «Ликиде» стояли реже, чем в подлиннике: многие строки приходилось в переводе разламывать для интонационной выразительности; в «Небесных гончих» они стоят гуще, чем в подлиннике: перевод конспективнее и на треть короче, но я настаиваю, что ни один образ в нем не потерян: экономия – только за счет соединительной ткани.

ПИНДАР
Первая пифийская ода («Этна») ²

ПЬЕР РОНСАР
Канцлеру Лопиталю

1^c На Диркейских берегах, на лугах
Харит, расцветивающих стихи мои,
Я собираю краснейшие цветы,
Чтобы свить из них тщательными перстами
Троекруглый фивский венок
В честь и славу божественного любимца,
Сведшего к нам с небес
Девять дочерей Элевферийской Памяти —

1^a Мать же Память их понесла
Девятью же лобзаниями Юпитера,
А когда скиталица Луна двенадцать раз
На кругу своем выгнулась, двулобая,
Светом в тьму, то под Олимпийской горой,
Вскрикнув болью к Луцине,
Родила она девятерых сестер
Единым чревом —

1° И небо в них впело
Вечную песню,
Приласкав их губы
Аттическим медом,
Чтоб пеклись вовеки
О льстящих слуху
Стихах, в которых
Чары божеские и людские.

2^c А когда прокатилось семь лет,
Обуяло юных кровное желание
Лицезреть их природного отца —
И обвивши в девять и девять
Нежных рук
Горделивую шею матери,
Умолили светлые голоса
Предвести их пред лицо их родителя.

² Перевод «Первой Пифийской оды» Пиндара исполнен М. Л. Гаспаровым не в «экспериментальном», а в традиционном ключе; в настоящем издании см.: т. I, с. 462–467. – Прим. А. Устинова.

2^a Мать же Память, расплетя их объятия
И лобзая их одну за другой,
Прилелеивает их на груди,
Выдыхая томное слово,
Ибо волновалась ее душа,
Скорое их предведая счастье
Изблизит узреть мощь
Бога, возвышенного их сеятеля.

2⁹ И увив их кудри
Фьялковыми венками,
Препоясав ткани
Над легким шагом,
Повела она юных
Быстрым сонмом
Сквозь дни и ночи
Ко святым брегам Эфиопии.

3^c А как девы, в путевом труде
Неискусные,
Увидевши ярый океан,
В страхе отпрянули,
Как под ветром береговой тростник,
То любящая их мать
Трепещущую их грудь
Обнадежила окрыленным словом:

3^a «Смелей,
Дочери мои и всесильного
Бога, в чьей бессмертной деснице
Рдяный перун:
Над хребтами ревущих волн
Еще грянут ваши укрошающие песни,
И над пучинным царством
Встретит вас державный отец».

3⁹ И длинным взлетом
Скользнула в пену,
Как белый лебедь
Пред орлиным взмахом
И как радуга с высей,
Когда Юнона
Устремляет Ириду
С вестью для смертных.

4^c И вслед пролагавшей след
По гребням вздувшихся вод,

Потупив лбы, окунувши взор
В соленое лоно зыбей,
Пустились юные
Меж смерчей, взметавшихся до небес,
В рыкающую пасть
Алчущей их пучины.

4^a Распростерши белые руки,
Взрыли они зеленые
Пажити океана,
И как свинец тянет невод вглубь,
Так желание зреть отца
Низвело их к подводным вратам
Тех обителей, где отец Океан
Пировал в честь их высшего родителя.

4⁹ У тех вечных врат,
У тех больших столпов,
В шелесте вод
Высилась колесница
О зеленой финифти,
В ночь и в день
Дважды обегаящая мир
Водным приливом и отливом.

5^c В тех водах запечатлела Природа
В тысячах тысяч сосудов
Семена всего сущего на свете;
Из тех вод Тритоны
Гонят реки в земные русла;
К тем чертогам и притекли пришелицы
В час, когда Портумн на пиру
Оплеснул уже стол второю скатертью.

5^a И уже за тем столом Аполлон
Разгонял заботы бессмертных,
Сопрягая смычок с отрадным пением,
Когда вышний Отец оборотил
Взор на сонм, засиявший у порога,
Благородством, прелестью и красой
Изъявлявший знак
Своего высокого порождения.

5⁹ И радуясь видеть
Свою породу,
Он простер к ним длани,
Он объял их лобзаньем
И в усладу пиру

Повелел грянуть
Девяти устам
Светлую песню.

6^c И девять, дохнувши в воздух
Ароматами ста Аравий,
По тончайшей струне Делийца
Повели одушевленную песню
О Минерве и о Кроновом сыне:
Как она явила миру оливу,
А он – ржущего коня,
Знаменье грядущей войны;

6^a И об алмазковой наковальне,
Девять и девять дней
Измерявшей путь от неба до ада,
Чтобы обомкнуть Тартар
Медным оплотом стен
На три полета ночи,
Над которыми высится Атлант,
Выгнув выю под гнетом тверди.

6⁹ А в зеве той бездны
Мягутся сонмы
Бунта, битого
Гигантоборцем,
Которого перун
Злых бьет влёт,
Как ярое копье
Витязя на скаку.
.....

10^a И Юпитер, склоняя слух
К несравненному пению поющих,
Посмеявшись шумному сну
Поникшего у копья
Очарованного песнями Марса, —
Чередой облобызав дочерей, —
Повелел им просить любого дара
По достоинству петых песен.

10⁹ Припали девы
Правыми к его коленям,
Левыми к его бороде,
Но были немы
Пред отчим суровым ликом;
И тогда Каллиопа
Одна за всех

Молвила к нему слово.

11^c Молвила: «Даруй, отче, песням
Сладости превыше, чем сладость,
Даруй, чтобы нимфы полей,
Гор, и рек, и рощ, и скал, и гротов
Ликовали на наших тропах;
Даруй в нашу власть
Божественный сонм пророков —
Песнопевцев, вещателей, прорицателей.

11^a Даруй нашим песням
Чудотворство и чарование,
Даруй им гласить божью волю,
Осени нас двойною благодатью:
Дай попать ненавистный ад
И провидеть круги небесных светочей,
Дай исхитить души из смрадных тел
И родить их вновь в их обителях.

11³ Даруй: пусть
Цари и князья,
Чтящие нас,
Чтимые нами,
Будут, как боги
В своих народах,
Шествуя ли в триумфе,
Над скрижалями ли законов».

12^c Таково было их моление,
Коленопреклоненное,
И единым наклоном головы
Внял ему великий Юпитер,
И прорек: «Когда бы от всех
Жен мне были такие всходы,
Я вменил бы в ничто Юнонин гнев,
Мне родивший и хромого, и буйного,

12^a Ибо вы мне любезней моих зениц,
А посеял я вас на радость
Смертным и богам,
Чтобы вы возвестили миру
Мою славу и вашу честь:
Ваше дело выше всякого дела,
И оно
Да не рабствует тщетному научению:

12³ Правит наука

Плавателем в море,
Витией в преньи,
Царем во брани,
Кователем у горна,
Но кто от нее волен, —
Лишь на том почиет
Святое мое безумье!

13^c Как магнитный дарует адамант
Свою силу тронутому железу,
А оно другому, другое третьему, —
Так мой взвевается дух
В Фебе, а Фебов в вас,
А ваш в боговдохновенных
Певцах, и восторженные они
Восторгают внемлющие им толпы.

13^a И да не помыслят неразумные,
Что и впрямь
Не восторгом, а низменным научением
Ваше движимо горнее ремесло,
На четыре разъятое неистовства —
Тайновидческое, пророческое, любовное
И творящее, в четверной черед
Сотрясающие людские умы:

13⁹ От силы моей,
Как вышний перун,
Святое летит
Безумье в сердца
Отрясших порок,
Облекшихся в чистоту:
Божьи дары
Не для скаредных душ.

14^c И когда на вас низлетит
Восторгающее мое безумье, —
Встрепещите, покорные сердца,
Телом и духом,
Возликуйте,
Как Святая Дева во храме,
Исполняясь божеских тайн
Без науки, и труда, и усилья.

14^a Но блюдите выше всего
Те вместилища моих дарований,
Те сосуды смертных сердец,
От греховной нечистоты

Омывая их сладкою водою,
Чтобы восторгаемый дух
Ярую вспел песнь,
Зароняя ее в людские души.

14⁹ Кто поет без бога,
Того песнь вдовееет
Красой и величьем,
У того родятся
Насильной волей
Выкидышные строки,
Ибо стих – от бога,
А не от людских тщаний.

15^c Милостию моею
Быть моим песнетворцам
Толкователями божеской воли;
Ославят их неведгласы
Безумцами и глупцами;
Но вечно их лику предыдет
Некий помощный демон,
Встречную отстраняя неправду.

15^a В путь же, о моя поросль,
Вечная хвала моя и слава,
Пенные попирая просторы,
Буйному навстречу невежеству!
В путь под водительную руку
Того, чья мудрость
Эллинским ужасом и римским
Расточит непросвещенное полчище!»

15⁹ Это промолвив,
Круглым вздохом
Бог в них вдунул
Божеский дух,
Бог им вверил
Меркуриеву лютню,
И по ревушим водам
Прянули девы прочь.

.....

19^c Отчий окруживши престол,
В лад единокровному Фебу
Пели они Юпитерову мощь,
И не было без них у богов
Ни чинной свадьбы, ни пляски.
Когда же настал им срок

В подлунный воротиться мир,
То нисшел Юпитер

19^а С горнего своего престола
И низвел их в важный покой,
Где Парки, дочери Ночи,
Препоясанные под грудь,
Белую осеня
Седину додонской листвой,
Пряли в кругу,
Восседая на трех квадратах.

19^б Были остры
Медным жалом
Их веретена,
Была пред ними
Кудель людских
Жизненных дней,
Долгих и недолгих,
Вверенных Судьбам.

20^с Выпрядали трое сестер
Под шепот заклинающих чар
Грядущего пряжу Лопиталья,
И Клото девять раз пролепетала:
«Лучшей жизни
Не свивали персты мои вовек!» —
И Судьба вручила ту жизнь
Отпрыску Сатурна и Реи.

20^а Радостной Юпитер рукой
Изваял из кома земли
Лик, и тело, и ноги, и очи,
Две руки, два бока и грудь,
И вдохнул в него дух из божьих уст,
И ста тысячами одарил добродетелей,
И воззвал к девяти певицам,
Обставшим новозданный образ:

20^б «Избудьте страх,
Ибо сей – вам вождь,
Которого длань
Вас хранит от бедств,
И в нем зарок
Ученых побед
Над ратным станом
Невежества».

21^c И рассекши морскую хлябь,
Указуя путь,
Устремился к большой он земле,
А они, в выси, вслед за ним,
Лебединой, журавлиной станицею.
И когда низошли они на сушу,
Грянул слева огненный знак
Добрый вестником их прибытия...

21^a Но, Муза моя,
Что за ветер сбил с пути мой корабль?
Правь ко берегу, моя питательница,
Там простер к тебе очи наш Морель,
Ждущий тебя приветить,
Там тебя призывает к верной пристани
Нимфа Антуанетта,
Чей взор как счастливая звезда.

21⁹ Поторопись же
Сложить мне песню,
Чтобы смолкла Зависть,
Которая рвется
В морской бездне
Потопить мое имя,
Но оно всплывает
Над зыбью к свету!

22^c Не склоню чела перед злобою:
Горько внушать презренье —
Но радостно внушать зависть!
Ведаю, что твои труды,
Вкованные у порога Счастья,
Освятятся в веках бессмертием, —
А выкидыши самоснедающей
Зависти не выживут и трех солнц!

22^a Выплети же, моя лира,
Песню сладкому твоему заботнику!
Ни горы не помеха, ни море
Гласящему почесть честным!
Дерзкою хочу я рукою
Гимн устремить, как дрот,
О том, кто премудр и доблестен
Во славу моим стихам!

22⁹ Семь языков
У лиры моей:
Нелжив их звон,

Высока их песнь
Тому, кто светом,
Верой и правдой
Опередил
Былые века.

23^c Вновь он вывел пред миром
Благодатный хор Пиерид,
Своим украсив их словом,
То в мерных, то в вольных стопах;
Кто любит девятерых сестер,
Тем истинный от него почет,
Их сладости ему в сладость,
Их подвиги в его деснице.

23^a Краса французских небес,
Над суровыми он законами
Лелеет аттический мед;
Святые в руке его весы,
И на них сомненная тяга —
Не выше и не ниже, чем должно;
Незыбким и некорыстным оком
Над правыми он бдит и неправыми.

23⁹ Франция видит:
Стрела моя метит
В достохвальную цель.
Предам ли доблесть,
Умолчав его славу
И не простерши
Имя его
Над широким миром?

24^c Каждому своя забота,
А твоя – лишь правда и благо;
Не это ли уследив,
Царская сестра Маргарита
Доброго возвысила к доброй?
Франциск, озлативший Францию
Златом латинским и эллинским,
Державный усмиритель гельветов,

24^a Лучшего не посеял сева,
Нежели бессмертный цветок
Той, на кого дивится
Круглое небо
Очами возвышенного свода,
Той, для которой

Мой дерзкий стих
Воспрославит ее троянский корень!

24⁹ Но песенный завет

Гласит певцу:
Слишком долго
Тянутся складки
Гордой песни,
И вот я рвусь
К тебе, твой слух
Этою усладить
Одой.

ДЖОН МИЛЬТОН

Ликид

В этой монодии сочинитель оплакивает ученого друга, несчастным образом утонувшего в плавании из Честера через Ирландское море в год 1637. По сему случаю предсказывается конечное крушение развращенного клира, бывшего тогда в силе.

Вновь, о лавры,
Вновь, о темные мирты
И ты, неопалимый плющ,
Я срываю плоды ваши, терпкие и горькие,
И негнушимися пальцами
До срока отрясаю вашу листву.
Едкая нужда,
Драгоценная мне скорбь
Не в пору гонит меня смять ваш расцвет:
Умер Ликид,
До полудня своего умер юный Ликид,
Умер, не оставив подобных себе,
¹⁰ И как мне о нем не петь?
Он сам был певец, он высокий строил стих,
Он не смеет уплыть на водном ложе своем,
Не оплаканный певучею слезою.

Начните же, сестры,
Чей источник звенит от Юпитерова трона,
Начните, скользните по гулким струнам!
Мнимо-уклончиво, женски-отговорчиво
Так да осенит удавшимся словом
Нежная Муза

²⁰ Урну, назначенную и мне!
Пусть оглянется он в своем пути
И овеет миром черный мой покров,

Ибо вскормлены мы с ним на одном холме,
И одно у нас было стадо, и ручей, и сень, и ключ;
С ним вдвоем, когда вышние пажити
Открывались разомкнутым векам солнца,
Шли мы в поля и слышали вдвоем
Знойный рог кружащего шмеля
И свежеею росой нагуливали стада
³⁰ Подчас до поры, когда вечернюю звезду
Вносил поворот убегающих небес,
А в сверленном стволе
Не молкли луговые напевы,
И сатир шел в пляс, и двухкопытный фавн
На ликующий тянулся звук,
И старик Дамет любил наши песни.

Но все уже не так. Тебя нет, тебя нет
И больше не будет никогда.
О тебе пастухи, о тебе леса, о тебе
⁴⁰ Опустелые пещеры, заросшие тимьяном и лозой,
Плачут глухими отголосками.
Ива и зеленый орешник
Больше твоим
Не повеют нежным песням радостными листьями.
Как розе тля,
Как ягненку на пастбище язвящий клещ,
Как мороз цветам в наряде их красы
Той порой, когда белеет боярышник, —
Такова, Ликид,
Пришлась пастухам твоя утрата.

⁵⁰ Где вы были, нимфы, когда невнемлющая глубь
Обомкнула любимого Ликида?
Не играли вы на той крутизне,
Где покоятся бывшие барды и друиды,
Ни на вздыбленных высях Моны,
Ни у Дэвы, плещущей вещей волной, —
Но к чему мечта?
Разве были бы вы сильны помочь ему?
Нет, — как Муза, как Орфеева мать,
Не сильна была чародеющему сыну
⁶⁰ В час вселенского плача природы,
Когда с черным ревом неистовый сонм
Бросил вплавь окровавленный его лик
Вниз по Гебру и к Лесбийскому берегу.

Зачем он неутомимо
Правил пастушью свою недолю,
Острый ум устремляя к нещедрым Музам,

А не так, как все,
Под сенью резвился с Амариллидою
Или с прядями кудрявой Неэры?
⁷⁰ Слава,
Последняя слабость возвышенного ума,
Шпорит ввысь благородный дух
От услад к трудам,
Но когда уже светлая награда впереди
Ждет взорваться стремительным сиянием, —
Слепая Фурия постылым резакон
Рассекает тонкую пряжу жизни.
Но нет —
(Это Феб звучит в трепетном слухе моем) —
Слава – цветок не для смертных почв:
⁸⁰ Не в мишуре идет она в мир, не в молве она стелется вширь,
А живет в выси
В знаке ясных очей всерассудного Юпитера,
И каков его последний обо всем приговор,
Такова и слава ждет тебя в небесной мзде.

Верь, чтимая Аретуза
И тихий Минций в венце певчих тростников:
Это высочайшая прозвенела мне струна!
Но дальше, моя свирель!
⁹⁰ Вот морской трубач предстал во имя Нептуново
Вопросить волны, спросить преступные ветры:
Что за невзгода
Нежному была погибелью пастуху?
И каждый из крутокрылых,
Дующих с каждого острия суши,
Ответил ему: «Не знаем!»
Мудрый Гиппотад
Принес их ответ, что ни единый порыв
Не вырвался из его узилища,
Что тих был воздух
И скользкая Панопея
С сестрами играла на кромке песка.
¹⁰⁰ Это челн,
Роковой и вероломный,
В час затмения сколоченный, черными проклятьями снащенный,
В бездну погрузил священное твое чело.

Следом медленной стопой притекает чтимый Кэм,
Плащ его космат, из осоки его колпак,
Смутные образы на нем, а по краям
Выписана скорбь, как на том кровавом цветке;
«Кто отнял, – воззвал он, – лучшую надежду мою?»
И последним шел и пришел

Галилейский кормчий,
¹¹⁰ Ключарь о двух мощных ключах, —
(Отворяет золотой, замыкает железный) —
Он сотряс свои увенчанные кудри,
Он сказал:
«Рад бы я сберечь тебе юного,
Видя тех, кто чрева ради вкрадывается в стадо,
Кто рвется к пиру стригущих,
Оттирая званых и достойных,
Чьи губы слепы,
¹²⁰ Кто не знает ни держать пастуший посох,
Ни иного, что довлеет верному пастырю!
Что нужды им и до чего нужда им?
Песни их, скудные и нарядные,
Чуть скребутся сквозь кривые их свирели,
Овцы их, голодные, смотрят в небо,
Пухнут от ветра и гнилого тумана,
И зараза, выедаю их, расходится вширь,
А черный волк о скрытых когтях
Походя пожирает их день за днем,
¹³⁰ И двурукое оружие у двери
Готово разить, но никого не разит!»

Воротись, Алфей,
Грозный глас, претивший тебе, умолк.
Воротись, Сицилийская Муза:
Воззови к долинам, и пусть они принесут
Цветы в стоцветных венчиках лепестков.
Вы, низины, нежным полные шепотом
Листьев, непутевых ветров, льющихся ручьев,
Свежих, редко зримых смуглой звезде, —
Бросьте сюда
Ваши очи, яркие, как финифть,
¹⁴⁰ Из зеленой травы пьющие медовый дождь,
Вешним цветом обогряющие землю:
Торопливый первоцвет, умирающий забытым,
Хохлатый лютик и бледный ясмин,
Белую гвоздику и сияющую фьялку,
В черной ряби анютиных глазок,
Душистую розу и нарядную жимолость,
Томные буквицы с поникшей головой,
Каждый цветик в своем пестром трауре.
Пусть померкнет амарант,
¹⁵⁰ Пусть наполнится слезами нарцисс,
Устилая лавровое ложе Ликида,
Пока тщетная наша мысль
Меж неверных отдыхает догадок:
Где прах твой,

Дальними омываемый морями, гремящими в берега?
У бурных ли Гебрид
В отымающей волне
Нисшел ты к глубинным чудам,
Спишь ли, неподвластный слезным зовам,
¹⁶⁰ Под древним сказочным Беллером,
Где мощный лик с хранимой им горы
Взирает туда, где Наманка и Байонна?
О архангел, оборотись и тронься!
О дельфины, вынесите злополучного на свет!

Не плачьте, скорбные пастыри, не плачьте!
Он не умер, Ликид, наша горесть,
Он скрылся под гладью вод,
Как солнце скрывается в океане,
Чтобы вскинуть вновь поникшую голову,
¹⁷⁰ Просветлеть лучами и в новом золоте
Запылать на челе заревых небес, —
Так и Ликид
Доброй мощью Грядущего по волнам,
Опустясь на дно, вознесся в ту высь,
Где иные рощи, иные реки,
Где чистый нектар смоем ил с его кудрей,
И невыразимо зазвучит ему брачная песнь
Во блаженном царстве радости и любви.
Там приветил его чтимый строй угодников,
¹⁸⁰ Там певучие сонмы движутся во славе своей,
И в очах навек высыхают слезы.
Не плачьте же, пастыри, о Ликиде:
Щедрая тебе мзда,
Дух твой отныне
Будет блюсти этот берег,
Осеняя странников опасных пучин.

Так пел неумелый пастух
Дубам и ручьям
В час, когда рассвет шел ввысь в седых сандалиях.
На тонких скважинах свирельных стволов
Страстной думой ладил он дорийский лад;
¹⁹⁰ И вот солнце простерлось по холмам,
И вот кануло в западные моря,
И он встал, окинувшись в синий плащ:
С новым утром к новым рощам и новым пажитям.

ФРИДРИХ ГЁЛЬДЕРЛИН

Патмос

Ландграфу Гомбургскому

Близок
Бог, и неуловим.
Но где опасность,
Там и спасенье.
Во мраке
Гнездятся орлы, и без страха
Над бездною шагает альпиец
По легкозданным мосткам.
Дыбятся вокруг нас горы времени,
¹⁰ И возлюбленные нами вблизи
Томятся в разлучных высях.
Так излей же нам девственные воды,
Дай нам крылья,
Чтобы верным сердцем
Ниспуститься к ним и воротиться!

Так сказал я, и вот умчал меня
Нечаемо быстро и негаданно далеко
Гений
²⁰ Из обители моей. На лету
Брезжились в рассветных сумерках
Темный лес и страждущие потоки
Родины моей, и потом неведомые
Земли, и наконец
В свежем блеске,
Полная тайны,
Расцвела в золотом дыму
Солнечных шагов
Распускающимися лепестками
³⁰ С тысячи благоухающих гор
Азия, и мой ослепленный
Тщетно взор искал знакомого места,
Ибо новы были мне широкие русла,
По которым с Тмола
Златоубранный катится Пактол,
И стоят Мессогис и Тавр,
И цветистый пышет сад, как застывший огонь,
И в небесном свете серебряный
Расцветает снег,
⁴⁰ И в знак жизни, не ведающей смерти,
По невступным скалам

Вековечный взвивается плющ,
И на кедрах зиждутся и на лаврах,
Как живых столпах,
Богозданные торжественные палаты.

От порога Азии
Разбегаются вдаль и вширь
По неверным морским равнинам
Распростерты солнечные пути,
⁵⁰ Но знакомы пловцам их острова —
И когда уведал я,
Что единому из недалних
Имя – Патмос,
Обуяло меня желание
Обратиться туда и там
К темному приблизиться гроту,
Ибо не в блеске —
Как влагообильный Кипр или как иные
Острова —
⁶⁰ Обитает гордый Патмос средину моря,

Но гостеприимствует под смиренными
Кровами, и когда
Изверженный ли судокрушением,
Томящийся ли по отечеству
Или по отъятому другу
Приближается к нему чужестранник, —
Остров преклоняет к нему слух,
И сыны его, голоса
Жаркой рощи, и сыпучего песка,
⁷⁰ И взрезанных трещинами равнин,
Любовным откликаются отзвуком
На стенанья страждущего.
Так некогда
Остров оберег боговозлюбленного
Прозорливца, который в светлой юности

Неотлучен был
Сыну Господа Всевышнего, ибо
Возлюбил простодушного Громовержец,
И взирал он внемлющими очами
⁸⁰ Изблизы в Божий лик,
Когда к таинству винной лозы
Восседали они в пору трапезы,
И в величии спокойной души
Возвещал им Господь Свою смерть и всевышнюю Любовь,
Ибо неустанны были добрые Его слова
Взвешать души

Перед зримой яростью мира.
Все есть благо. И Он умер. Сколь многое
Можно вымолвить о том. И с победным
⁹⁰ Взором, радостного, зрели Его в тот миг

Те друзья, но печалились и дивились,
Ибо вечер был, и скорбели души,
Величайшим обремененные свершением, —
А мила им была жизнь под солнцем,
И сердца их не волили отрешиться
От Господнего лика
И родного края. Это в них вожглось,
Как огонь в железо:
Их Любимый истаивал с ними об руку.
¹⁰⁰ И тогда ниспослал Он им
Духа, и воистину дрогнул
Дом, и Господня буря
Дальним громом грянула над зрячими
Лбами и тяжкими сердцами
Совокупных подвижников смерти,

И с прощальным словом
Он предстал им в последний раз,
И померк день солнца,
Царственный, богоскорбный,
¹¹⁰ Преломив
Светлый скиптр о прямых лучах,
Чтобы вновь восставиться ему
В должный срок. Недобрая настала пора
И неверная, преломилось человечье
Дело, и единая оттоле
Пребывала радость —
В чистом взоре сквозь ласковую ночь
Дозирать глубины
Мудрости, меж тем как живую
¹²⁰ Зеленью зеленели горные впадины.

Но страшно, когда по всем путям
Расточает Господь живущих Господом,
Страшно отрешиться от лика
Дорогих друзей
И уйти одинокому в загорные
Дали. Но где встретились двое,
Там единосердный
Их живил небесный Дух в непредреченной
Той внезапности, когда, удаляясь,
¹³⁰ Оборотился Бог,
И схватил их за волосы, и они

Соплелись руками и поклялись,
Зло назвавши злом,
Словно золотыми канатами
Удержать Его во веки веков, —

Но когда умирает Тот,
В Ком жила превысочайшая
Красота, Чье тело
Было чудом, начертанным небесными
¹⁴⁰ Силами, и те, кто единой
Жили памятью, делают друг другу
Непонятною навеки загадку,
Когда время не только сметает прах,
И корчует дерево, и крушит
Капища, когда полубожеская
Слава и тех, кто с Ним,
Избывается, и Всевышний сам
Обращает лик,
Да не узрит
¹⁵⁰ Ничего отныне несмертного
В небесах и на зеленой земле, – что это?

Это сеятель на току,
Взвеивая жито,
В ясный воздух мечет его лопатою,
И мякина шелушится у ног,
Но конец трудов вылегает зернами:
Если нечто сгинет и если
Отзвенит живой голос слова, —
Это не горе,
¹⁶⁰ Ибо дело Божье подобно нашему,
Ибо воля Божья волит не всё и не вдруг.
Как недра таят железо
И Этна – пылающие смолы,
Так мне затаить бы дар
Узреть очами моими
Образ, каким он был —
Христос.

Но когда кто себя взъярит
Злою речью и на меня в расплохе
Грянет, на безоружного,
¹⁷⁰ В Божьем образе скрытый раб, —
В гневе зрится мне небесная сила,
Чтобы я не взрос, но познал,
Что всего ненавистней добрым властная
Ложь,
В человеках истребляющая человеческое,

Ибо правят не они, а бессмертный
Рок, и преобразается сам собою
Труд их, и спешит к своему концу.
Когда всходит к высям небесный
¹⁸⁰ Триумфатор, и солнцеподобным славят сильные
Ликующего Сына Всевышнего —

Знак избранничества! – и жезл
Песнопенья клонится, указуя,
Что не всё для всех. Он подьмет
Мертвых, которых еще не тронул
Тлен. Но медлят
Робкие людские очи
Взвидеть свет, и медлят
Расцвести на острие луча,
¹⁹⁰ Золотою взнузданные уздою.
Лишь когда из-под нависших бровей,
От Святого ниспав Писания,
Тихим светом вспыхнет
Сила позабыть мир, —
Радуясь благодати,
Прозревают их кроткие взоры.

И если небесные силы
Возлюбили меня в меру моего чаянья,
То сколь более возлюбили тебя!
²⁰⁰ Ибо знаю:
Воля Предвечного Отца
Для тебя превыше всего.
Тих Его знак
На гремящем небе. И некто
Встал под ним на всю жизнь. Ибо жив Христос.
Пусть герои, Его сыны,
К нам пришли, и гласят о Нем Писания,
И земные деянья в неудержном
Беге суть лишь изъяснение молнии.
²¹⁰ Но Он здесь. Ибо все, что сотворил Он,
Изначально Ему предведомо.
Долго, слишком долго

Нам не зрелись небесные силы:
Как на поводе, должны они
Нас вести по нашим путям и силою
Восхищать постыдное наше сердце.
Ибо каждый из небесных желает жертвы,
И забыть кого из них – не к добру.
²²⁰ Испокон мы служим матери земле
И недавно – солнцеву свету,

Невгласные, но хочет Отец
Всемогущий, чтобы превыше чтилась
Твердая буква
И чтоб внятно означала бы сущее.
И немецкая песня Ему покорствуует.

ФРЭНСИС ТОМПСОН Небесные гончие

Я бежал от Него
сквозь ночи и дни, под сводами лет,
в лабиринтах мозга, за мглою слез,
на раскатывающийся смех, —
и рушился
в зияющие мраки ужаса
от шагов Погони —
¹⁰ неторопких, спокойных, величавых,
и шаги били в слух, но сильней бил Глас:
«Кто предал Меня, того все предаст».
Я оправдывался пред Ним,
прикрывал мой дух ключьями добрых дел,
но Страх меня гнал, а Любовь за мной гналась,
²⁰ и я знал, она – Любовь, но было тяжело
обрести Его и лишиться всего.

Я скрывался – Он ввивался в щель,
и мой страх был быстр, но Любовь Его – быстрее;
я стучался, где кончается свет,
в золотые ворота звезд и в серебряные – лун,
³⁰ и заре говорил: «спеши!», и вечеру: «скорей!»,
в синий луг небес я закутывался от грозной Любви,
я молил Его слуг,
но их верность была мне отказ.
Я хватался за гривы всех ветров,
⁴⁰ но и в синих степях,
но и в черном плеске молний вокруг громовых осей
Страх меня гнал, а Любовь за мной гналась,
⁵⁰ и все тот же шаг, и все тот же Глас:
«Кто в себе Меня не скрыл, тот не скроется никем».

Я не смел вскинуть взор во взор
мужей и жен, —
но в младенческих лучистых очах,
мне казалось, светится мне ответ.
Я вникал,
⁶⁰ но их ангел, вцепясь в льняные кудри, вносил их прочь.

Я вскричал: Мать Природа,
дай мне долю меж твоих чад:
губы в губы, руки в руки, кудри в кудри,
в четырех ветрах твоих стен,
под лазорью прозрачного шатра —
⁷⁰ причаститься чаше
светлых слез вселенской Весны!

И стало так:
сын Природы, я врос в ее таинства,
разумел, как морщится небо,
как над морем пенятся облака —
⁸⁰ с ними я рождался и умирал,
и со мной они радовались и печалились.
Я смеялся утром, ликовал в полдень,
я был тяжек Истиною,
когда свечи звезд мерцали у гроба дня;
⁹⁰ в сладких ливнях была соль моих слез;
я вжимался сердцем
в жар и трепет красных закатов, —
но не легче было тоске.
По седым щекам небес засыхали
мои слезы – мы не знали друг друга:
Мачеха Природа,
ее звук не шевелил мне ума,
я кричал, а она была нема.
¹⁰⁰ В синей ткани стыли ее сосцы,
и ни капли иссыхавшему горлу.
А Погоня – тот же шаг, тот же Гром:
¹¹⁰ «Ничто – для тебя, если ты не для Меня!»

Гольй,
брошенный на колени,
трепетал я бича Твоей любви.
В похоти силы моей
я сотряс столпы своих дней, —
и вся жизнь моя рухнула мне на темя:
¹²⁰ годы – в груды, юность – прах меж развалин,
всходит дым из расселин дней,
больше нет
снов сновидцу, струн песнетворцу:
рвется цепь цветов,
безделушкой качавшая на запястье
земной шар, слишком тяжкий горем.

Ах, Твоя ли любовь – как стебель
¹³⁰ красноцвета, где нет места иным цветам?

О, Чертежник Бескрайности,
Ты заране ль жжешь стволы на уголь черте?
Сердце мое – болото
слез, что каплют с плакучих ив ума.
¹⁴⁰ Так – днесь; что – впредь?
Мякоть – горечь, какова ж скорлупа?
Дни мои – туман,
лишь гремит труба с оплотов Вечности,
и туман, колыхнув, мелькает башнею.

Но я внял трубе и познал Трубящего,
лишь узрев Его, высящегося ввысь,
¹⁵⁰ в темном пурпуре, в кипарисном венце.
Ах, наши ли жизни – Твоя Жатва?
Наша ль смерть – пережной Твоим полям?
И гнавшийся за мной
грянул Голос разом со всех сторон:
«Где твоя земля?
Эти ли она дребезги и черепья?
Вот: все бежит тебя, как ты бежишь Меня!
¹⁶⁰ Бренный, жалкий, всечуждый,
в ком ты ждешь, – Он сказал, – любви?
Людская любовь – от людских заслуг:
в чем заслуга твоя,
меж глиняных комьев самый грязный ком?
Кто полюбит тебя, ничтожного,
кроме Меня?
¹⁷⁰ Я брал у тебя —
чтобы взятое нашел ты в Моей руке;
ты ли нищ,
коль добро твое в Моих закромах?
Вот тебе Рука Моя: встань!»

Шаг смолк.
Этот мрак —
от ласкающе ль простертой Руки?
«Самый малый, самый темный, самый милый,
¹⁸⁰ Это Я – Кого ты искал!
Тот гонит Любовь, кто гонит Меня».

ПОЭМЫ

Перевод знаменитых поэм прозой – самая естественная дань скромного уважения к ним. В Европе это очень давняя традиция, у нас она не привилась, старые переводы И. Мартынова и А. Клеванова из классических авторов никем не читаются. Нам было интересно сделать такой опыт вот почему. Переводчики привыкли жаловаться, что переводимые стихи трудно втиснуть в стихотворный размер: будто бы в одном языке слова длиннее, а в другом короче. (На самом деле причина – не в лексике, а в синтаксисе: синтаксические средства уплотнения речи в каждом языке свои, и там, где одному языку удается быть лаконичным, другому приходится быть громоздким.) Но есть одно парадоксальное исключение – это перевод латинского гексаметра. В нем шесть стоп, но по-латыни в них обычно укладываются пять фонетических слов, а по-русски должны укладываться шесть, и переводчикам приходится пользоваться бессодержательными «затычками», *chevilles*. Мы попробовали: может быть, если переводить латинские гексаметры прозой, в них удастся достичь большей сжатости? Стиховедческий эксперимент не удался: из нумерации строк видно, что и в прозе, как в стихе, на одну строку оригинала приходится в среднем 17 слогов. Не знаю, удался ли эксперимент стилистический: звучат ли пышные поэтические украшения на фоне прозы эффектнее, чем на привычном фоне стиха? В качестве *corpus vile*, которого не жалко для вивисекции, была взята поэма Силия Италика «Пуника» (ок. 100 года н. э.), образец барокко латинского серебряного века, история II Пунической войны в 17 книгах, расцвеченная всеми стилистическими узорами, а более всего – антономасией. Италия здесь – Энотрия, Гесперия, Авсония, Давния; римляне – тевкры, дарданы, пергамляне, идейцы, Энеады, лавинийцы, лаврентяне; скрещение римского рода с греческим – «рутулийская кровь с дулихийской»; карфагеняне-пунийцы – тирийцы, сидоняне, Агенориды, Кадмиды, Белиды и т. д. Здесь предлагается завязка войны; подзаголовки – конечно, от переводчика.

Перевод «Неистового Роланда» Ариосто (1532) был сделан с другим намерением. Всякий читавший оригинал знает, как убаюкивающе действует плавное течение эпического стиха огромной поэмы, в котором узловое моменты повествования ничем не выделяются из попутных описаний и отступлений. Для перечитывающего в этом есть особая прелесть, но для читающего впервые это немало мешает восприятию. А русский читатель (и я в том числе) читал Ариосто подряд впервые. Поэтому я нарочно старался помогать ему, движением стиха подчеркивая движение событий. Членение на строфы, даже без ритма и рифмы, позволяло сохранять воспоминание об октавах оригинала. В «Неистовом Роланде» октава пассивна, повествование катится по строфам ровным потоком, тогда как, например, в «Дон Жуане» или в «Домике в Коломне» октава активна, то и дело выделяя и подчеркивая острую сентенцию или иронический поворот интонации. Я не решился бы перевести верлибром «Дон Жуана», но перевести «Неистового Роланда» решился. Укладывая слова в строчки, поначалу я стремился лишь к точности и краткости, потом почувствовал, что неволью соблюдаю какой-то ритм. Оказалось, я избегаю в начале строк ямбических зачинов (с ударением на 2-м слоге: «Так бьющий сокол...») и предпочитаю остальные (с ударением на 1-м и/или 3-м слоге: «С пешими моими и конными», «В императорский стан...», «Карл Великий...»). То есть возможен стих, организованный ограничениями не только на окончания строк (только женские или только не-женские), а и на зачины строк. Для стиховеда это интересно.

«Три тайные поэмы» Сефериса (1966) – это не эксперимент, это добросовестный перевод, верлибр здесь в подлиннике. Я включил его в эту книгу, чтобы дать читателю отчет в собственном вкусе: мне нравятся именно такие стихи, сухие, пунктирные, в которых больше нечего сокращать. Вероятно, под этот образец я подгонял и те сокращенные переводы, которые будут в этой книге дальше. Первая поэма – о луче прозрения в сущее и вечное, путь сквозь

тщетный разум, муть, застылость и окаменелость. Вторая – оглядка на классический миф: убийство Агамемнона в кровавой бане, Клитемнестра с Эриниями на сцене, но она сильнее их, потому что нашла в себе силы взглянуть в ту вечную пустоту, бесформенную, как море, которую нельзя передать. Третья – искажение и угасание: огонь становится сущью, прозренье – мороком, а в словах поэта – «твой голос, твой, а не тот, который ты любишь», не голос пустоты; постижение и свершение можно оставить людям, оно им не поможет, а для себя остается только всесождение в пустоту: она обозначена, за неимением лучшего, вечным символом розы. Перевод был сделан совместно с Е. И. Светличной; подлинник написан правильными фразами, но без знаков препинания, – кому это дорого, пусть мысленно отбросит их из перевода. Подзаголовки отрывков я делал для себя, чтобы не потеряться в трудном тексте.

СИЛИЙ ИТАЛИК

Пуника, I

[*Вступление.*] Я приступаю к войне, вскинувшей до небес славу Энеадов и под энотийские уставы повергшей дерзостный Карфаген. (3) Даруй мне, Муза, напоминание о блеске подвигов древней Гесперии и о том, сколько и каких мужей воздвиг Рим для той войны, когда Кадмов род преступил святой договор, поднял битву за власть и долго колебалась Фортуна: которую из твердынь возвысить над миром. (8) Трижды Сидонские вожди рушили недобрым своим Марсом освященный Юпитером союз и договор с сенатом; трижды нечестивый меч побуждал их безумно рвать ими же одобренный мир. (12) Во второй же из этих войн, когда два народа попеременно грозились конечной бедою, грядущие победители ближе всего были к гибели: да, отверзлись Дарданскому вождю Агеноровы твердыни, но и Палатину довелось быть в пунийской осаде, и Риму спастись лишь своими стенами.

(17) Эти завязи столь грозной ярости, эту веками хранимую ненависть, эти брани, завещанные правнукам, – ныне дано мне открыть, обнажая всевышние умыслы; и вот я подступаю к первоначалам великих смут.

[*Юнона избирает Ганнибала для гибели Рима.*] (21) Некогда, бежав сквозь волны из Пигмалионовых стран, опороченных братоубийственным злодейством, пристаёт к роковому ливийскому берегу Дидона. (24) В купленном месте возводит она новые стены – там, где позволено ей опоясать берег воловьим ремнем. (26) Здесь-то (гласит старина) пожелала Юнона утвердить на веки веков то изгнанничье племя, которое ей милее и Аргоса, и Атридовых Микен. (29) Но когда увидела она Рим, вскинувший чело над воинственными градами, и суда его на морях, и победные знамена по всему свету, то пред близящейся этой угрозой взмущает она сердца пунийцев битвенным безумием. (33) Отражен первый бранный натиск, канули обломки ливийской затеи в сицилийскую пучину, но вновь вздымает Юнона войну. (36) Ей, всколыхнувшей землю и готовой возмутить море, надобно теперь лишь одно: вождь. (38) И вот всем гневом богини облекается воинственный Ганнибал: его единого дерзает она выставить против судьбы. (40) Ликуя о кровавом этом муже, о скором вихре напастей на Латиново царство, в предвиденьи грядущих побоищ гласит она так: (42) «Наперекор моей воле привел когда-то троянский изгнанник Дарданию и дважды плененные пенаты свои – в Лаций, победой вручив тевкрам Лавинийские скиптры; (45) но это лишь до поры, когда Тицин не вместит в берегах своих римские трупы, когда покорная мне Требия, преграждаясь оружием и мертвыми телами, хлынет вспять Пергамскою кровью по кельтским полям, когда Тразименская зыбь ужаснется помутненным гнилью собственным затоном (50) и когда увижу я с небес могилу Италии – Канны, Япигийскую равнину в Авсонской крови, и Авфид, с трудом рвущийся к Адриатике из берегов, тесных от шлемов, щитов и отрубленных рук и ног». (55) Так воспламеняет она юного к Марсовым подвигам.

[*Ганнибал и его клятва.*] (56) Был Ганнибал жаден до дела, неверен слову, несравним в хитростях, неохоч до справедливости, в оружии не знал страха божия, на худое доблестен, к миру презрителен и кровожаждущ до мозга костей. (60) В цвете сил своих хочет он загладить отчий позор при Эгатах, затопить договор Сицилийским морем, и Юнона томит ему сердце вдохновенной надеждой на славу. (64) В ночных виденьях он уже врывается в Капитолий или проносится по вершинам Альп. (66) И не раз его слуги, встревоженные во сне у порога диким его криком в пустой тиши, находили его в поту мнимых войн и грядущих битв.

(70) Эту ярость против Сатурновой Италии еще в детстве в нем воспалила отчая неистовость. (72) Был он из Тирийского рода Барка, древних предков своих отсчитывал от Бела. (73) Когда Дидона, лишась супруга, покидала поработенный Тир, то спутником в счастье и горе пристал к ней Барка, юный отпрыск Бела, избегший Пигмалионова нечестивого меча. (77) Этим-то знатным родом не менее, чем ратной десницей, славился Гамилькар, знатный пестун вражды, с первого внятного Ганнибалова лепета сеявший в детском сердце севы войны против Рима.

(81) Был среди Карфагена храм праматери Элиссы, чтимый тирийцами с наследственным страхом; сосны и тисы черною тенью скрывали его от света. (85) Здесь, говорят, отошла царица от смертных мук. (86) В скорбном мраморе высятся здесь образы – праотец Бел и все его правнуки: и славный Агенор, и давший долгое имя народу Финикс, и сама царица с троянским клинком у ног, навеки снова с Сихеем; а вокруг – сто алтарей вышним богам и мощному Эребу. (93) В стигийской одежде, разбросив кудри, здесь взывает жрица к Ахеронту и подземной богине: стонет во тьме земля, страшен в расселинах свист, без огня пылают алтарные огни; на заклятый запев вылетают души из пустот, проступает пот на мраморном лбу Элиссы. (99) Гамилькаровой волею входит в святилище Ганнибал; лик и облик его – под отчим взглядом. (101) Не страшна ему ни массильская менада, ни жестокий обряд, ни порог в крови, ни огни, взвиваемые заклятьями. (104) А отец его ласкает, целует и такими ободряет словами:

(106) «Новой Трои Кадмову роду неправеден гнет. Если откажет судьба моей деснице отвести этот позор от отечества – избери, сын мой, эту славу для себя, зачни войну на погибель лаврентянам, пусть восход твой ужаснет заморскую юность, пусть зарекутся рожать латинские жены».

(113) Так ужалив, внушает он нелегкую клятву: «Огонь и меч на суше и море обрушу я на Рим, как обрушились они на Трою. (116) Не преграда мне ни боги, ни сковавшие Марса договоры, ни альпийская высь, ни Тарпейская скала. В том клянусь нашим богом брани и твоею, царица, тенью».

(119) Черная жертва падает трехликой богине. Жрица, божьего взыскуя ответа, хищно вскрывает дышащую утробу и над вскрытою вопрошает отлетающую душу. (123) И проникши древним пытаньем в божьи помыслы, гласит она так: (125) «Вижу Апулийские нивы, устланные войском, вижу озера, горящие Идейской кровью! (127) Какие скалы взметнулись к небу, на воздушном темени неся твои станы! (129) Ринулось войско с гор; города – в трепете и в дыму; подзакатные земли пышут тирийским пламенем; кровью струится Эридан. (132) Рухнул ярым ликом на мечи и трупы тот, кто громовержцу жертвовал единоборные доспехи. (134) О, какая буря ужасает внезапным ливнем, и в разрывы неба огненный сверкает эфир! (136) Готовится великое; гремит небесный чертог; Юпитер во всеоружии. (137) Но что дальше, на то от Юноны запрет: онемели утробы жертв, скрыты тайною долгие труды и беды».

[*Гасдрубал в Испании.*] (140) Так замкнул в сыновнем сердце сидонский вождь отсроченную войну, а сам двинул ливийские знамена к Геркулесовым предельным столпам, но в лютой сече пал мертв.

(144) Гасдрубал приемлет бразды. Он бушует над иберскими насельниками Бетиса в том краю закатного обилия. (147) Темен его дух, неисцелим его гнев, урожай его царства всходит злобою. Закален кровожадностью, вменял он страх себе в честь. (150) Ярости его не довольно привычных казней: глух к богам и людям, он распял на воздвигнутом столпе древнего родом, дивного видом, славного подвигами государя-Тага и, ликуя, непогребенным бросил его народу. (155) Несший имя золотой реки, оплаканный нимфами берегов и гротов, не отдавший бы свой удел ни за меонийский поток, ни за лидийский затон, ни за Герм, заливающий поля текучим золотом, первым шел он в бой, последним слагал он меч. (161) В седле на скаку, отпустив повода, несдержим ни клинком, ни дальним дротом, мчался Таг, торжествуя, и в обоих войсках узнавали золотой его доспех. (165) И его-то увидев обезображенного смертью на злом кресте, верный его раб похищает любимый его меч, вихрем врывается во дворец и взмахом дважды разит бессердечную Гасдрубалову грудь.

(169) В лютой радости, в жарком гнев и мутной скорби набегают пунийцы, настают пытки. (171) Жгучий огонь, сталь добела, рвущие плоть несчисленные бичи, длани палача, пламя в разрубах ран. (175) Жестоко молвить, жестоко взглянуть: простирается торс по законам мук, иссякает кровь, но долго еще дымятся кости в крошечке мяса. (179) Тверд лишь дух: боль для него смешна. Глядя как свысока, казнимый бранит усталых палачей и кричит, чтобы за хозяином вскинули и его на крест.

[*Ганнибал принимает власть.*] (182) Пока вершится презираемая казнь, смятенное воинство, лишась вождя, единогласно и вперебой требует себе Ганнибала. (185) В нем влечет и образ отцовской доблести, и летящая слава обетной войны, свежий для дерзаний возраст, яркий пыл, хитрый ум и красная речь. (189) Первыми кричат привет ему ливийцы, а потом пиренейские бойцы и иберы, – и злая в нем восстает гордыня, что столько теперь под ним земель и морей.

(193) То ли она третья часть света, то ли исполинский она отрог Азии, опалается Ливия небесным Раком под южными Эолами и знойным Фебом. (196) На розовом востоке грань ей – Лагийский поток, семью устами вздувающий хлябь. (198) А там, где ласковой глядит двумя Медведицами Север, там, отторгнутые Геркулесовым проливом, видятся с гор поля Европы. А дальше – море, в котором молкнет имя Атланта. (203) Отстранись Атлант – и пало бы небо: звезды на подблачном его лбу, ярмо эфира на круче выи, (205) стужею бела борода, сосновая чаща мощно осеняет надбровье, над полыми висками бушуют ветры, пенные реки ливнями рвутся из пасти. (208) Бьются моря о скалы двух его боков, и когда усталый Титан погружает в них задыхающихся коней, паром пышет пучина навстречу огненосной колеснице. (210) Где непаханные заскорузлы степи, там богата Африка лишь змеиным кипящим ядом; а где мягок над полями воздух, там ни Энна, ни Фарос не сравнятся с ней Церериным приплодом. (215) Здесь скачут нумиды, не знающие узд, и гибкая лоза меж конских ушей лучше удил поворачивает их бег. (218) Питательница воинов и войн, не верит земля эта нелицемерному мечу.

(220) А во втором стане – испанские полки, помощь Европы от Гамилькардовых побед. (222) Здесь по лугам – ржание Марсовых коней, здесь взвиваются жеребцы в ратной упряжи колесниц, и сама Элида не ведала осей раскаленнее. (225) Здесь не щадят душ и торопят смерть: кто перерос свой расцвет, тому постыла старость, и судьба его в его деснице. (228) Здесь сошлись все металлы: белым златом от двух отцов сияют жилы, черная жатва халибов израстает из жестокой земли. (231) Вглубь прячет бог истоки всех злодейств: в щели искаленной земли внедряется алчный астур и выходит сам желт, как золото в его руках. (234) Здесь с Пактолом спорят Дурий и Таг, а с ними река Забвения катит яркий песок по землям гравиев и поит племена загробной Летою. (237) И Церере эта земля послушна, и к Вакху гостеприимна, и Палладино древо нигде не выше.

[*Нрав Ганнибала.*] (239) Эти-то два народа приняв под власть, с браздами в руках пускается тирский тиран обольщать племена, то мечами, то дарами руша в прах сенатские договоры. (242) Первый нести труды, первый пролагать путь, первый насыпать вал, он ни на каком не ленив пути к славе. (245) Пренебрегая сном, ночи напролет на голой земле он бодрствовал при оружьи, в полководческом он плаще был неприхотливей грубых ливийцев, верхом на коне вносил свою власть перед длинным войском, с непокрытым теменем шел в грозы и бури рушащегося неба. (252) Не сводили глаз пунийцы, трепетали астуры, когда он гнал уstraшенного коня своего сквозь перуны Юпитера в грозных тучах и вспышки молний от стычек ветров; и под знойным Псом не слабел он в запыленном строю. (257) Когда трескалась земля под огненными лучами и кипел эфир под каленым кругом, он вмнял в позор лечь под влажную тень и шел вдоль ручьев, упражняясь в жажде. (261) Скрутив поводья, переламывал он к бою усталого скакуна, и гордился славою смертоносного удара, и бросался в катящую камни неведомую реку, чтобы с дальнего берега кликать за собою друзей. (265) Первый в приступе на валу, он и в поле куда ни метнет копье в жаркой сече, то и выстелит кровавую межу. (268) Наступая на судьбу, решившись рвать договоры, рад он случаю захлестнуть Рим войной и с края земли стучится в ворота Капитолия.

[*Город Сагунт.*] (271) Первые его трубы грянули пред Сагунтом: ради большой войны ринулся он в меньшую войну.

(273) При широком море на ласковом вскате высятся Геркулесовы стены; освятил их своим именем Закинф, чья могила на вершине холма. (276) Шел Закинф за Геркулесом, спеша в Кадмею, и славил убиение Гериона. (278) Был Герион о трех жизнях, трех телах, трех главах на шее, трех руках в оружьи; не видала земля другого такого чудища, чтобы мало было ему одной смерти, чтобы строгие Сестры в третий раз пряли ему дважды оборванную нить. (283) Этот подвиг и славил Закинф, в полуденный зной гоня к водопою пленное стадо, когда вдруг попанная им змея, вскинув к смертной ране свою пасть, вздутую отогретым ядом, распростерла аргосского мужа на иберской земле. (288) А вскоре приплыли сюда с южным ветром беглые поселенцы родом с острова, что лежит в ахейском море и что слыл когда-то в Лаэртском царстве Закинфом. (291) Скромное это начало окрепло потом италийскими юнцами, которых выслала когда-то в поисках жилья славная Ардея, обильный сынами город благородных царей. (294) Вольность народа и честь предков закрепилась тогда договором, а пунийской власти над городом положен запрет.

[*Осада Сагунта.*] (296) Сломлен договор! придвигает пунийский вождь лагерные огни, сотрясает полками просторные поля, (298) на взмыленном коне объезжает стены, свирепым взором исчисляет трепещущие дома, велит отворить врата и очистить вал. (301) Нет для осажденных ни договоров, ни Италии! нет для побежденных упования на спасение! сенатские решения, законы, присяги и сами боги – вот в этой его деснице! (304) Пущенный дрот подкрепляет слова – вот Каик, стоявший с тщетными угрозами на стене, пронзен сквозь броню, тело его падает с крутого вала, а неостывшее копье он, умирая, возвращает победителю. (310) Многие с криками следуют вождю, черная туча дротов окутывает стены. (312) Численность не умаляет доблести: вождь пред очами, и каждый бьется, словно на нем – вся война. (314) Тот вновь и вновь сеет камни балеарской пращой, трижды раскружив над теменем легкую узду, а потом доверив их скрытному ветру; (317) тот могучей мышцей колеблет разящую глыбу; третий мечет копье с ремнем; (319) а вождь впереди, в отцовском доспехе, и то метнет смольным пламенем дымящийся факел, то грудью стоит против града каменье, и кольев, и дротов, то стремится с тетивы напоенные ядом и дважды смертельные стрелы, радуясь коварству своего колчана. (324) Так дакиец в воинственной гетской земле заостренные отчей отравой стрелы рассеивает по берегам двуименного Истра.

(327) Новая забота: обнять холм, опоясать город стеною с частыми башнями. (329) Где ты, Верность, святыня древних, а нынче – одно лишь имя! (330) Смотрит стойкое юношество: нет путей к бегству, вал запирает город, но для Сагунта пасть, сохраняя верность, – это гибель, достойная Италии. (333) Все туже напрягаются силы: вот фокейская баллиста, оттянув тетиву, устремляет громадные глыбы, а переменив тяжкий свой заряд, посылает в гущу битвы окованные железом стволы. (338) Гром с двух сторон – так схватились два строя, как будто сам Рим у них за стеной.

(340) Вождь кричит: «Нас столько тысяч, сеяны мы в битвах, цепенеть ли нам пред пленяемыми врагами? (342) Замысел нам не в стыд, начало не в стыд: таково ли первое дело и первая гордость вашего полководца? такую ли славу наших побед предсылаем мы себе на Италию?»

(345) Вспыхивают сердца, проникает Ганнибал до мозга костей, зовут грядущие брани. (347) С голыми руками устремляются они на вал, но отбиты – лишь отрубленные руки вокруг.

(348) Насыпают насыпь, нависают бойцы над городом. (350) Но было у осажденных оружие отбить врага от ворот: фаларика, труд многих рук, страшная сила на взгляд. (352) Древесный ствол с Пиренейских облачных круч со множеством клювов на погибель стен дымится, весь в смоле и черной сере: (356) пущенный, как молния, с крепостных твердынь, режет он воздух языками огня, – так пламенный мчится с небес болид, слепя глаза кровавою гривой. (360) Часто, к смятению вождя, этот разящий удар с воздуха разметывал дымящиеся тела бойцов; часто, с лету впившись в огромный бок осадной башни, зароняется в ее недра огонь, и пылающий обвал погребает мужей и оружие.

(365) Но вот, стеснясь черепахой, отступают пунийцы от ворот – теперь исхитряются они темным подкопом взять город, обрушив стену. (368) И вал побежден! в страшный шум канул Геркулесов труд, осыпая огромные глыбы, и неслышанный рев взметнулся до небес. (370) Так в подоблачных Альпах обвалом скал расседаются горы, откликаясь гулом. (373) Струдившись, возводят защитники новый вал, а развалины подрытого не дают наступать ни тем, ни другим, сражающимся между обломками.

[*Битва у вала.*] (376) Первым Мурр цветущею блещет юностью: в нем италийская кровь, но по сагунтинской матери он и грек – дулихийское с рутулийским смешалось наследство в потомке...

ЛУДОВИКО АРИОСТО Неистовый Роланд, II, 37–59

Рассказ Пинабеля о волшебнике Атланте

³⁷ «Сударь (так он начал), я держал мой путь
С пешими моими и конными
В императорский стан, где на выходе из гор
Карл Великий ждал напасть на Марсилия;
И со мною была юная красавица,
О которой пылало мое сердце,
Но у города Родонны нам предстал
Латный воин на крылатом коне;

³⁸ Смертный ли, адское ли исчадь,
Но, завидев прекрасную мою милую,
Он, как хищник,
Соколом на дичь
Пал, взлетел, и в единое мгновенье
Трепетная была в его руках.
Не успел я вспомниться,
Как лишь крик моей дамы слышался с высоты.

³⁹ Так разбойный коршун
У курицы умыкает цыпленочка,
А она вне себя, недоглядевши,
Тщетным криком кудахчет ему вслед.
Как мне было догонять похитителя?
Я в горах, везде отвесные кручи,
Конь устал и еле двигает ноги
По мучительным камням трудных троп.

⁴⁰ Мне казалось, было бы легче,
Чтобы сердце мне вырвали из-под ребер!
Я оставил моих бойцов
Без вождя продолжать свой путь,
А сам, путеводимый Любовью,
По откосам, где было способнее,
Стал держать туда, куда хищник унес
Мой покой и мою утеху.

⁴¹ Шесть дней я шел от зари до зари
По кручам и склонам, чуждым и грозным,
Без дорог, без троп,
Без следа ноги человеческой, —
И пришел в заброшенный, дикий дол
Меж каменных гор и черных берлог,
И там был утес, а на утесе замок,
Неприступный, крепкий и дивно прекрасный.

⁴² Издали сиял он, как пламя,
Не кирпичным был он и не мраморным;
А как ближе подошел я к его сиянью,
Он предстал еще чудесней и прекрасней.
После я узнал: это работные демоны,
Повинуясь заклятьям и куреньям,
Возвели эти стены из булатной стали,
Кованной в аду и каленной в Стиксе.

⁴³ Такой гладью блистала сталь,
Что не брала ее пятнистая ржавчина.
Здесь-то и укрывался злой хищник,

И отсюда он рыскал днем и ночью
Без помехи в своих разбоях —
Тщетны крик и проклятья ему вслед.
Здесь замкнул он мою даму, мое сердце —
Больше нет мне надежды ее вернуть.

⁴⁴ Бедный, лишь издали смотрел я
На утес, затаивший мое счастье, —
Как лиса, которая слышит
Писк лисенка в орле гнесте,
А без крыльев достать его не может,
И теряется, и мечется вокруг.
Крут утес, еще круче – стены;
Только птице взлететь в такую высь.

⁴⁵ Так я медлил, и вдруг я вижу:
Двое витязей, а ведет их карлик,
Вмиг желанье мое вспыхнуло надеждой,
Но и то, и другая были тщетны.
Это были два отважных героя —
Градасс, сериканский царь,
И Руджьер, юный удалец,
Что в чести при африканском владыке.

⁴⁶ „Эти двое, – сказал мне карлик, —
Собрались помериться силой
С владельцем этого замка,
Небывалым всадником четвероногой птицы“.
Я воскликнул: „О, господа,
Сжальтесь над горькой моей бедою,
В час победы (на нее моя надежда!),
Умоляю, воротите мне мою даму!“

⁴⁷ Я повеываю о своей утрате,
Слезы подтверждают мою боль;
Они многие сулят мне посулы
И спускаются к замку с крутизны, —
А я остаюсь видеть бой вдалеке
И молить небеса об их победе.
Перед замком было ровное место
Шириной в два переброса камнем;

⁴⁸ Там, у подножия утеса,
Двое спорили, кому биться первым.
То ли жребий помог Градассу,
То ли меньше это было дорого Руджьеру,
Но вот сериканский царь
Трубит в рог, отгрянули скалы и стены,

И является из ворот
Латный рыцарь на крылатом коне.

⁴⁹ Взлетал он понемногу, —
Как перелетный журавль,
Разбежавшись, вздымается над землей
На локоть, на два,
А потом распахнет свои крылья,
И уже за ними не уследить.
Так колдун плещет взмахами в такую высь,
Где не реют и орлы.

⁵⁰ А в урочный миг поворотил он коня;
Сложив крылья, тот прыгнул вниз —
Так бьющий сокол
Рушится взять горлинку или утку;
Всадник, взяв копьё вперевес,
Грозным шумом рассекает воздух —
И еще не взвидел его Градасс,
Как сотрясся от удара и раны.

⁵¹ Бьет в Градасса волшебниково копьё —
А Градасс разит лишь праздный воздух,
Потому что бивший уже
Отлетел поодаль;
Но удар его бросил на траву
Славную альфанскую кобылицу —
Была у Градасса альфанская кобылица,
И лучше ее не хаживало под седлом.

⁵² До звезд взвился колдун,
И кружит, и низлетает вновь,
И разит не чающего Руджьера,
Руджьера, что весь в тревоге о Градассе.
Руджьер покачнулся от удара,
На шаг отшатнул коня,
А когда размахнулся для ответа,
Тот уже маячил в вышине.

⁵³ То он на Градасса, то он на Руджьера,
То в лоб, то в грудь, то в хребет,
А они к нему тянутся впустую —
За летучим не уследить.
Он витает широкими кругами,
Одному грозит, а другого разит,
И обоим так мелькает в очи,
Что они не знают, откуда ждать.

⁵⁴ Двое на земле, один в небе —
Так они сражались до поры,
Когда темная пелена
Обесцветила всю земную красу.
А потом было вот что – расскажу без примолвки,
Что видел, что знаю, а убеждать не стану:
Такое чудо
Больше похоже на ложь, а не на быль.

⁵⁵ Щит в руке подоблачного всадника
Весь был скрыт дивным шелковым платом,
Я не знаю, зачем так долго
Он держал его под таким покровом,
Ибо кто его увидит открытым —
Тот вмиг ослеплен
И падает, как падает мертвец,
В добычу волшебнику.

⁵⁶ Щит горел, как камень-огнеок —
Нет на свете светлее света!
Блеск вмиг сбил с ног
Всех не видящих и не помнящих.
Я был вдали, но и я лишился чувств
И очнулся лишь по долгом времени:
Ни рыцарей не было, ни карлика,
Пусто поле, во мраке холм и дол.

⁵⁷ И я понял, что чародей
Одним махом прибрал к рукам обоих,
Огнеоким лишив сияньем
Их – свободы, а меня – надежды.
И сказал я „прости“ темнице,
Где томится моя душа.
Рассудите же, какая невзгода
На путях Любви сравнится с моей?»

⁵⁸ Молвив, рыцарь вновь затих в тоске,
О причине которой он поведал.
А был это граф Пинабель,
Сын Ансельма с Высокого Берега.
В своем Майнцском вероломном роде
Не хотел он знать ни верности, ни чести;

⁵⁹ Всеми черными, всеми гнусными пороками
Был он равен другим и больше других...

ЙОРГОС СЕФЕРИС

Три тайные поэмы

В зимнем луче

¹ <Зима>

Листьями ржавых жестянок
в нищем мозге, взвидевшем конец, —
редкие взблески:
листьями в вихре,
вместе с чайками, обозленными зимой.

Как высвобожденный вздох,
танцовщики застыли деревьями —
большой лес обнаженных деревьев.

² <Снег>

Белые водоросли в огне —
Граи, всплывшие без век,
облики былых плясок,
окаменелые пламена.
Снег скрыл мир.

³ <Разум>

Спутники свели меня с ума
теодолитами, секстантами, отвесами
и телескопами, увеличивающими предметы,
которые лучше издали.

Куда ведут нас эти дороги?

Но вставший день,
может быть, еще не угас
с огоньком в ущелье, как роза,
с невесомым морем под шагом Бога.

⁴ <Свет>

Ты сказал здесь годы назад:
«Суть моя – свет».
И теперь еще, когда ты склоняешься
на широкие плечи сна
или даже когда твой путь – на дно,
в онемелое лоно моря, —

ты обшариваешь углы, где тьма

стирается и бессилеет,
на ощупь ищешь копье,
предназначенное пронзить твое сердце,
чтоб открыть его свету.

⁵ <Река>

Что за мутная река нас умчала?
Мы на дне.
Поток льется над нашей головой,
гнет бессвязный тростник.

Голоса
превратились под каштанами в камешки,
ими бросаются дети.

⁶ <Ветер>

Дуновенье, и еще, и порыв —
в миг, когда ты бросаешь книгу,
рвешь ненужные листки прошлого
или тянешься увидеть на лугу
горделивых кентавров в скачке
или юных амазонок, в поту
каждого изгиба тела
соревнующихся в прыжках и борьбе.

Ветер воскресения на рассвете,
когда думаешь, что солнце взошло.

⁷ <Огонь>

Огонь исцеляется огнем:
не каплями секунд,
а мгновенной вспышкой, —
будто страсть слилась с другой страстью
и они, пронзенные, замерли
или будто
музыкальный лад, который застыл
там, в середине, как изваяние,
неподвижный.

Этот вздох – не свершенье,
а кормчий гром.

На подмостках

¹ <Солнце>

Солнце, ты играешь вместе со мной,

и все же это не танец:
такая нагота,
почти кровь
для какого-то злого леса;
и вот —

² <Сцена>

Грянули гонги,
пришли гонцы.
Я их не ждал,
я забыл даже их голоса.
Отдохнувшие, свежеедетые,
в руках корзины, в корзинах плоды.
Я дивился шепотом:
люблю амфитеатры!
Раковина переполнилась по край,
и на сцене померкли огни,
как для славного какого-нибудь убийства.

³ <Действие>

Чего ты ищешь? Лицо твое исковеркано.
Вот ты встала
из постели, где стынут простыни,
и из бани, в которой мечь.
Капли скатывались
по плечам и по животу,
под босыми ногами была земля,
срезанная зелень.
Те —
три лица неистойой Гекаты —
увлекали тебя с собой.
Твои очи – две трагических раковины,
на сосцах твоих два вишневых камешка —
театральный, наверное, реквизит.
Те улюлюкали,
ты стояла, вросшая в землю,
жесты их резали воздух.
Рабы вынесли им ножи —
ты стояла, вросшая в землю:
кипарис.
Они вырвали ножи из ножен,
примеряясь, как тебя ударить.
Лишь тогда ты вскрикнула:
«Пусть, кто хочет, придет меня свалить:
разве я не море?»

⁴ <Море>

Море: как оно стало таким, море?

Я годами медлил в горах,
слеп от светляков,
а теперь жду на этом берегу
человека, плота, обломка.
Море, как оно осквернилось?
Раз! взрезал его дельфин,
а потом
острые крылья чаек.

Но пресной была волна,
где я плавал и нырял ребенком
и где юношей
я высматривал в камешках узор,
искал ритм,
и Морской Старик мне промолвил:
«Я – твое место:
может быть, я – никто,
но могу я стать, кем ты хочешь».

⁵ <Событие>

Кто слышал в полдень
свист ножа по точильному камню?
Кто примчал верхом
с факелом в руке и хворостом?
Каждый умывает руки,
чтоб они остыли.
Кто вспорол
женщину, младенца и дом?
Нет виновного: только дым.
Кто бежал
и подковы звенели о камень?
Вырваны глаза: слепота.
Больше нет свидетелей.

⁶ <Слово>

Когда вновь ты заговоришь?
Наши речи – дети многих отцов.
Они сеются, и укореняются,
и растут, и вскармливаются кровью.
Как сосны
хранят образ ветра,
когда он промчался, и нет его, —
так слова
сохраняют образ человека,
когда он миновал, и нет его.
Может быть, это звезды ищут слов,
когда топчут наготу твою ночью:
Лебедь, Стрелец, Скорпион, —
может быть, они.

Но где будешь ты в тот миг,
когда здесь, в театре, настанет свет?

⁷ <Вечность>

И однако там, на том берегу
под черным взором пещеры —
солнце в очах, птицы на плечах —
ты была, ты выстрадала
иную муку – любовь,
иную зарю – предстание,
иное рождение – воскресение;
и однако там ты возникла вновь
в неоглядном растяжении времени —
капля за каплею, как смола.
Сталактит. Сталагмит.

Летнее солнцестояние

¹ <Жернова>

Огромное солнце с одной стороны,
юная луна с другой —
как те груди, далеки в памяти,
а меж них провалом – звездная ночь,
половодье жизни.

Лошади на току
мчатся, распластавшись в поту.
Здесь все проходит:
и эта женщина,
на миг прекрасная в твоих глазах,
гнется, ломится, падает на колени.
Жернова перемальвают все:
в звезды.

Канун самого длинного дня.

² <Роза>

Каждому видятся виденья,
но никто не хочет признаться
и живет, словно он один.
Большая роза
всегда была здесь рядом
с тобой во сне,
твоя, но неведомая, —
но только теперь, пригубив
крайние ее лепестки,

ты почувствовал плотный вес танцовщика,
падающего в реку времени —
в страшную зыбь.

Не трать дыханья, которым
одарил тебя этот вдох.

³ <Морок>

Но и в этом сне
так легко виденье становится
страшным мороком.
Так рыба, блеснув в волне,
уходит в глубинный ил,
так меняют цвет хамелеоны.
Город стал блудилищем,
сводники и шлюхи
закликают затхлыми прелестями;
девушка, вышедшая из волн,
надевает коровью шкуру,
чтобы даться быку;
поэт
смотрит на кровоточащие статуи,
а толпа швыряет в него дерьмом.
Уходи из этого сна,
как из кожи, иссеченной бичами.

⁴ <Вихрь>

В диком мотовстве ветра
вправо, влево, вверх, вниз
кружится мусор.
Смертный пар
цепенит людские тела.
Души
рвутся покинуть плоть,
они жаждут, но нет воды,
они тычутся, как в птичьем клею,
взад, вперед, наугад,
бьются тщетно,
и уже им не поднять крыльев.

Край иссох —
глиняный кувшин.

⁵ <Ворожба>

Мир укутан в снотворные простыни.
Ему нечего предложить,
кроме этого конца.
Жаркой ночью

высохшая жрица Гекаты,
груди настезь, на крыше дома
исторгает рукодельное полнолуние,
а две маленьких рабыни, зевая,
в медном размешивают котле
душные зелья:
завтра вволю насытятся любители.

Страсть ее и белила —
как у трагической актрисы,
и уже осыпается гипс.

⁶ <Нагота>
Под лаврами,
под белыми олеандрами,
под колючей скалой,
и стеклянное море у ног, —
вспомни, как хитон на глазах твоих
раскрывался, соскальзывая с наготы,
и ложился вокруг лодыжек,
мертвый, —
не так ли упал этот сон
между лаврами мертвых?

⁷ <Сад>
Серебристый тополь в ограде —
его дыхание отмеряет часы твои
днем и ночью —
водяные часы, полные небом.
Его часы в свете луны
тянут черный след по белой стене.
За оградой несколько сосен,
потом мраморы и огни
и люди, изваянные, как люди.
Только черный дрозд
щебечет, прилетая пить,
и порою ты слышишь голос горлицы.

Вся ограда – десять шагов;
можно видеть, как падают лучи
на две красные гвоздики,
на оливу и на малую жимолость.

Будь таким как есть.
А стихи
не отдай утонуть в густом платане:
вскорми их твоей скалой и почвой.
А лучшие
закопай в нужном месте, чтоб найти.

⁸ <Стихи>

Белый лист бумаги, суровое зеркало
отражает тебя таким, как был.

Белый лист, у него твой голос,
твой,
а не тот, который ты любишь.
Твоя музыка – это жизнь,
которую ты растратил.
Если хочешь, верни ее,
коли сладишь с Безразличным, которое
вновь и вновь
отбрасывает тебя к началу.

Ты странствовал,
видел много солнц, много месяцев,
прикасался к живым и мертвым,
знал мужское горе, женский стон,
детскую обиду, —
но все познанное – лишь бесплотная груда,
если ты не доверишься этой пустоте.
Может быть, ты найдешь в ней свои утраты:
юный цвет и глубина праведной старости.

То, что отдал ты, – твоя жизнь;
то, что отдал ты, – эта пустота:
белый лист бумаги.

⁹ <Люди>

Ты рассказывал о том, чего они не видели,
а они смеялись.

Все равно – тебе плыть по темной реке
против течения,
идти по неведомой тропе
упрямо, вплотную
и искать слова, пустившие корни,
как мозолистая олива, —
пусть смеются, —
и стремиться посеять мир иной
в это душное одиночество,
в руины времени, —
позабудь их.

Морской ветер, рассветная прохлада —
они есть, хоть их и не ищут.

10 <Губы>

В час, когда сбываются сны,
в первом сладком свете зари
я увидел, как раскрываются губы
лепесток за лепестком.

Тонкий серп засветился в небе.
Я боялся, что он их срежет.

11 <Море>

Это море называется тишь,
корабли и белые паруса,
тяжкий вздох бриза с сосен и Эгейской горы.
Твоя кожа скользит по коже моря
легко и тепло —
мысль неясная и тотчас забытая.

Но в расселинах
черным соком хлынул раненый спрут
в глубину, —
где конец, как подумать, прекрасным островам.

12 <Зной>

Набухает зной
в венах воспаленного неба.
Кровь взрывается —
она ищет обретения радости
по ту сторону смерти.

Свет – как пульс,
реже и реже,
и вот-вот остановится совсем.

13 <Полдень>

Солнце вот-вот замрет.
Призраки зари
дули в сухие раковины.
Птица пела лишь трижды и трижды.
Ящерица на белом камне,
неподвижная,
смотрит в выжженную траву,
где вьется уж.
Черное крыло резким взрезом метит
синий высокий свод:
вглядись, и он распахнется.

Воскресение в родильных муках.

14 <Всесожжение>

И вот

в плавленном свинце ворожбы —
блеск летнего моря,
обнаженность жизни,
путь, привал, уклон и подъем,
губы и лелеемая кожа —
все хочет сгореть.

Как сосна в полдень,
взбухшая смолой,
рвется родить пламя
и не терпит родильных мук, —

созови детей собрать пепел
и высеять.

Что свершилось, то правильно свершилось.

А чего еще не свершилось,
то должно сгореть
в этом полдне, где солнце пригвождено
в сердце столепестковой розы.

ТРАГЕДИИ

Было три великих греческих трагика: Эсхил, Софокл и Еврипид. Эсхил был могуч и величав, Софокл мудр и гармоничен, Еврипид изыскан и страстен. Трем трагикам повезло на трех русских переводчиков: два поэта-филолога и один филолог-поэт нечаянно сумели сделать эту разницу стилей еще выпуклее. Эсхил у Вячеслава Иванова стал архаичен и таинствен, как пророк; Софокл у Фаддея Зелинского – складен и доходчив, как адвокат; Еврипид у Иннокентия Анненского – томен и болезнен, как салонный декадент. Такими они и запомнились современному русскому читателю.

Всякий перевод деформирует подлинник, но у каждого переводчика – по-своему. Еврипид у Анненского пострадал больше всего. Во-первых – это заметили уже первые критики, – речь в античной трагедии логична, рассудочна, разворачивается длинными сложноподчиненными периодами. Анненскому это претит, он делает ее эмоциональной, романтически отрывистой, разорванной паузами-многоточиями, в которых должно сквозить невыразимое. Во-вторых, он многословен: почти каждые десять стихов подлинника разрастаются до тринадцати-пятнадцати, фразы удлиняются, перестают укладываться своими звеньями в отведенные им строки и полустипхи, прихотливо перебрасываются из строки в строку, и от этого «дикционная физиономия» Еврипида (выражение Ф. Зелинского) теряется окончательно.

Когда я был молодой и читал трех трагиков в русских переводах, я очень радовался, что они стилистически так индивидуальны. Когда я вырос и стал читать их по-гречески, я увидел, что на самом деле они гораздо более схожи между собой – той самой общей «рассудочностью» античной поэзии, – а стилистические их различия гораздо более тонки, чем выглядят у Иванова, Зелинского и Анненского. Рассудочность в поэзии всегда мне близка, поэтому мне захотелось что-нибудь перевести из Еврипида, чтобы в противоположность Анненскому подчеркнуть именно это: логичность, а не эмоциональность; связность, а не отрывистость; четкость, а не изломанность; сжатость, а не многословие. И чтобы показать, что при всем этом Еврипид остается Еврипидом и нимало не теряет своей поэтической индивидуальности. Я нарочно взял для перевода 5-стопный ямб с преимущественно мужскими окончаниями: он на два слога короче греческого размера, такое упражнение в краткости всегда дисциплинирует переводчика. Хоры для контраста переведены свободным стихом, как в переводе Пиндара. Начала строф, антистроф, «месодов» и эподов отмечены на правом поле.

Сюжет «Электры» – один из мифов о конце сказочного «века героев». Главных фигур в нем три: Агамемнон, царь Микен и Аргоса, предводитель греков в Троянской войне, жена его Клитемнестра и сын их Орест. На Агамемноне лежат три древних проклятия. Во-первых, прадед его Тантал, друг богов, обманывал их и обкрадывал и за это был наказан «танталовыми муками» в аду и несчастьями в потомстве. Во-вторых, дед его Пелоп хитростью приобрел себе жену и царство, а пособника своего Миртила погубил, и тот, погибая, успел его проклясть. В-третьих, отец его Атрей преступно враждовал со своим братом Фиестом: Фиест обольстил Аэропу, жену Атрея, ради золотого овна из его стада, Атрей зарезал детей Фиеста и накормил ими отца. За грехи этих предков Агамемнон погибает на вершине своего величия – с победой вернувшись из-под Трои. Его убивают Эгисф, сын Фиеста, и собственная жена его Клитемнестра, дочь Тиндара и сестра Елены, виновницы Троянской войны. Эгисф мстит ему за страдания отца, а Клитемнестра – во-первых, за то, что, отправляясь на Трою, Агамемнон ради попутного ветра принес в жертву богам их дочь Ифигению, а во-вторых, за то, что вернулся он из-под Трои с новой любовницей, «вещей девой» Кассандрой, дочерью троянского царя. После Агамемнона остаются двое детей: дочь Электра и маленький сын Орест. Ореста удаётся спасти и отправить на воспитание к Строфию, царю Фокиды (сын этого Строфия Пилад станет

верным другом Ореста). Проходит лет десять, и Орест, выросши, возвращается, неузнанный, чтобы мстить родной матери за отца. Здесь начинается трагедия.

В трагедии Еврипида – шесть драматических частей, между которыми вставлены лирические части – песни персонажей или хора. В первой части главное лицо – пахарь, за которого выдана Электра; он рассказывает зрителям предысторию событий. Во второй части главное лицо – Электра: к ней приходит неузнанный Орест с вестью, что брат ее жив и готов к мести. В третьей части главный – старик, когда-то спасший маленького Ореста; теперь он узнает Ореста по детскому шраму на лбу, и после общей радости все трое сочиняют план действий. В четвертой части главный – Эгисф: на сцене он не появляется, но вестник подробно рассказывает, как его убил Орест. В пятой части, самой длинной, главная – Клитемнестра: ее вызывает Электра будто бы для помощи после (мнимых) родов, они ведут спор, а потом Орест за сценой убивает мать. После общего плача следует финал, шестая часть: «боги из машины», Диоскуры, братья убитой Клитемнестры, объясняют героям и зрителям, что должно случиться дальше. На Ореста нападут Керы (Эринии), богини мщения за мать; он убежит в Афины, там предстанет с Керрами перед людским судом на Аресовом холме (ареопагом) и будет им оправдан: вереница отмщений кончится. Друг его Пилад возьмет в жены Электру, а тела убитых будут погребены там-то и там-то.

Еврипид не первый разрабатывал сюжет «Электры»: им пользовались все три великих трагика, и каждый вносил свои подробности. Когда у Еврипида Электра говорит, что ни по пряди волос, ни по следу на кургане нельзя опознать человека (ст. 520 сл.), то это запоздалый спор с Эсхилом, у которого Электра именно по пряди и по следу догадывалась о возвращении Ореста. Новых мотивов у Еврипида было три. Во-первых, фигура пахаря, за которого униженно выдана Электра: обычно считалось, что она оставалась в девицах. Во-вторых, Орест убивает Эгисфа, будучи принят им как гость гостеприимцем; в-третьих, Электра зазывает Клитемнестру на смерть, вызвав ее человеческую жалость мнимыми родами. От этого в зрителе сильнее сострадание и к Электре, и даже к злодеям Эгисфу и Клитемнестре: недаром Еврипида называли «трагичнейшим из трагиков». И, конечно, только Еврипиду принадлежит в конце (ст. 1233, 1290) упрек богу Фебу-Аполлону, который приказал Оресту мстить и тем толкнул его на столько мук: у Еврипида была прочная слава рационалиста-богохульника.

Мимоходом в трагедии коротко упоминаются и другие мифы. Например, в песне о походе на Трои назван миф о Персее, победителе чудовищной Горгоны, изображенной на Ахилловом щите (ст. 455 сл.). В песне о предках Агамемнона речь о том, как когда-то Фиест обольстил Атрееву жену и похитил его золотого ягненка, дававшего право на царство, но Атрей взмолился, чтобы в знак его правоты солнце в небе пошло вспять, и этим отстоял свою власть (ст. 695 сл.). А в финальной речи Диоскуров упомянут и древний миф о том, как бог Арес держал ответ перед земными судьями за убийство героя Галиррофия, и свежий миф о том, что Елена будто бы все время Троянской войны находилась не в Трое, а в Египте, где ее и нашел ее муж Менелай, брат Агамемнона. Кроме того, трагедия любит (особенно в песнях хора) перифрастические и синонимические выражения: Агамемнон – Атрид, Клитемнестра – Тиндарида, Аргос – инахийский край (по названию реки), в Микенах – киклоповы стены (по их строителям), Троя – Пергам, Илион, дарданский, фригийский, идейский, симоисский край; крылатый Пегас – «Пиренский скакун»; алфейские венки – венки Олимпийских игр близ города Писы и т. п.

Конечно, я не помышлял вступать в соперничество с Анненским. Его перевод полного Еврипида – подвиг, дело всей его жизни; он, видимо, еще долго будет единственным русским Еврипидом. Я предлагаю не альтернативу, а корректив: если читатель сравнит хотя бы одну страницу в переводе Анненского и в этом и представит себе, что подлинный Еврипид находится посередине, то это, может быть, позволит ему лучше представлять себе ту настоящую греческую поэзию, которая лежит за русскими переводами.

ЕВРИПИД Электра

Действующие лица:

Электра, дочь убитого Агамемнона;

Орест, ее брат;

Клитемнестра, их мать;

боги *Диоскуры*, братья Клитемнестры.

Пахарь, муж Электры;

Старик, воспитатель Ореста;

Пилад, друг Ореста (без речей);

Вестник.

Хор подруг Электры.

Первый актер играет Электру, второй – Ореста, третий – всех остальных.

Действие – перед хижиной Электры в окрестностях Аргоса³.

Переведя «Электру», я решил перевести смежную по сюжету трагедию «Орест». В ней Еврипид переиначивает традиционный сюжет по-другому. Пахаря нет, зато есть вернувшийся из-под Трои Менелай с Еленой, их дочь Гермione и отец Елены и Клитемнестры – Тиндар. Вместо быстрой развязки, обещанной Диоскурами, сочинен новый эпизод: он и составляет содержание трагедии «Орест». В ней три части. Первая – статичная: Орест, уже терзаемый Эринидами, ждет народного суда, который принесет ему оправдание, изгнание или казнь; а Елена, Менелай и Тиндар демонстрируют все более откровенную враждебность к нему. Здесь – эмоциональная кульминация трагедии, бред и изнеможение Ореста; и здесь – смысловая кульминация, спор Ореста с Тиндаром о своей вине. Вторая часть – повествовательная: рассказ вестника о прениях и о приговоре народного собрания: Орест осужден на казнь, Электра и хор плачут. Третья часть – динамичная, сочинение и развертывание интриги: чтобы отомстить и спастись, Орест и Пилад убивают Елену, грозят смертью Гермione и требуют, чтобы Менелай добился им оправдания. Здесь – стилистическая кульминация трагедии, изображение случившегося глазами трусливого евнуха-раба. Концовка – явление Аполлона, весть о вознесении Елены и примирение Ореста с Менелаем. Я начал перевод тем же размером и стилем, что и в «Электре»:

Электра и спящий Орест, потом Елена

Э. – Нет слов таких, нет мук таких, нет бед,
Богами насылаемых на смертных,
Которых бы не вынес человек.

Блаженный – без попрека говорю —

⁵ Тантал, хотя и Зевсом был рожден,
Повис под страшной глыбой в высоте,
Платясь – так говорит молва – за то,
Что он, который из земных людей
Один был зван в высокий пир богов,

¹⁰ Безумно разнуздал о нем язык.

³ «Электра» Еврипида в переложении М. Л. Гаспарова напечатана в т. I настоящего издания, с. 870–904. – Прим. А. Устинова.

Ему был сын Пелоп, тому – Атрей,
Которому прядущая судьба
С Фиестом, братом, выпряла вражду.
Но что о несказанном говорить?
¹⁵ Атрей убил детей во снедь отцу.
Атрею же от критянки жены
Царь Агамемнон, славный, да не впрок,
И Менелай спартанский рождены.
Взял Менелай постылую богам
²⁰ Елену, Клитемнестру же стяжал
Царь Агамемнон – это ли забыть?
Три дочери его – Хрисофемиды,
Вторая – Ифигения, и я —
Электра, и единый сын – Орест —
²⁵ От нечестивой матери, врасплох
Опутавшей и умертвившей мужа;
За что – мне, деве, молвить не к лицу.
Винить ли Феба за неправый глас,
Велевший сыну занести на мать
³⁰ Клинок, бесчестьем грянувший на всех?
Но он повиновался и убил,
А с ним и я, хоть женщиной слыву,
И друг Пилад, помощник всех трудов.
С тех пор томит Ореста злая хворь,
³⁵ И вот лежит он, пав на бедный одр,
Кровь матери ему застлала взор
Безумием, и страх его – от тех,
Кого и не назвать: от Евменид.
Шесть дней с того, как материнский труп
⁴⁰ Объял всеочищающий огонь,
Он ни куска не принимает в рот,
Ни каплею не омывает рук,
В час облегченья плачет под плащом,
А вновь безумясь, рвется с ложа прочь,
⁴⁵ Как жеребец, не знающий ярма.
Народ постановил не уделять
Ни крова, ни огня, ни даже слов
Нам, матереубийцам. Нынче день,
Когда голосованием решат,
⁵⁰ Нам кончить жизнь под градом ли камней
Или согрев своею кровью нож.
Одна лишь есть надежда уцелеть:
Из Трои приплывает Менелай,
Вся Навплия полна его судов,
⁵⁵ Из долгого скитанья по морям
Стремящихся к причалам; а жену,
В которой вся причина всех скорбей,

Сюда прислал он ночью и тайком,
Чтобы никто, чей сын под Троей пал,
⁶⁰ Каменьем не побили бы ее.
Елена здесь и плачет о сестре;
Одна утеха ей в ее скорбях —
Дочь Гермiona, та, кого она
Оставила, бежав, в дому отца,
⁶⁵ А тот привез выкармливать к нам:
Лаская дочь, мать забывает боль.
И вот я не свожу с дороги глаз:
Где Менелай? Бессильны мы спастись,
Коли не он – спаситель нам. Увы!
⁷⁰ Злосчастен род и безысходен рок.
Е. – Дочь Агамемнона и Клитемнестры,
Скажи, Электра, долгая меж дев,
Как стала ты и кровный твой Орест
Убийцами для матери своей?
⁷⁵ Мне речь твоя не в скверну, потому
Что для меня всему виновник – Феб;
Но Клитемнестра мне была сестра,
Которой я с тех пор, как божья страсть
Меня послала на троянский путь,
⁸⁰ Не видела, и плачу, потеряв.
Э. – Что мне сказать, Елена? Посмотри
Сама, в какой беде Атридов сын,
И я над ним без сна: он как мертвец,
С чуть слышным вздохом в жалостной груди,
⁸⁵ Я никого не обвиняю – но
Ты счастлива, и счастлив твой супруг,
Несчастливым нам представшие в беде.
Е. – На это ложе он давно ли слег?
Э. – Тотчас, как пролилась родная кровь.
⁹⁰ Е. – Как страждет сын! и как погибла мать...

То, что получилось, мне совсем не понравилось. Выровненный и судорожно сжатый ямб, стопы по швам, становился сам себе стереотипом, – как будто язык окостенел, все выражения клишировались, и текст звучит утомительно-однообразно. Я отталкивался от Анненского как от крайности словесной вольности – теперь передо мною была крайность словесной строгости, такая же неприятная. Пришлось отталкиваться от самого себя. Я отказался от сковывающего 5-стопного ямба; а чтобы свободный стих не был слишком уж свободным, я постарался, чтобы строки имели преимущественно женские окончания, а длина их, сообразно длине строк оригинала, сама получалась по большей части в четыре слова.

Поначалу показалось, что такой размер действительно более гибок и лучше передает искусную трогательность еврипидовских интонаций. Действительно, жалостливые сцены получались в таком размере выразительнее – как будто герои сходили с котурнов. Но Еврипид не весь насквозь жалостлив, и скоро стало ясно, что текст опять-таки получается однообразен – на этот раз не возвышенным, а сниженным однообразием, какой-то разговорною воркотнею. Чем дальше я двигался по «Оресту» через строгие агоны, четкие диалоги и напряженные сюжет-

ные повороты, тем больше я разочаровывался в выбранном средстве. Четырехударный свободный стих – гибкое выразительное орудие, и я не сомневаюсь, что в нем можно изыскать такие дополнительные ритмические ограничения, которые заставят его звучать и торжественно, и убедительно, и динамично. Но я этого сделать не сумел. При неудачах принято утешительно говорить, что отрицательный результат эксперимента тоже плодотворен. Я хотел, чтобы не утомлять читателя, напечатать здесь только часть этой большой трагедии, но подумал, что это нехорошо по отношению к Еврипиду: все-таки он интереснее, чем его переводчик.

Орест

Действующие лица:

Орест, сын Агамемнона;

Электра, его сестра;

Пилад, его друг;

Менелай, брат Агамемнона;

Елена, дочь Зевса, его жена;

Гермиона, их дочь;

Тиндар, отец Елены;

Фригийский евнух, раб Елены.

Вестник.

Бог *Аполлон*.

Хор подруг Электры.

Первый актер играет Ореста (и Вестника), второй Электру (и Аполлона), третий всех остальных.

Действие – в Аргосе, перед царским дворцом.

Электра и спящий Орест

Э. – Нет такого страшного слова,
Ни страды, ни напасти от всевышних,
Чтоб не пали гнетом на человека.
Блаженный (мне не стыдно сказать: блаженный)
⁵ Тантал, слывущий отпрыском Зевса,
Распростерся в воздухе и трепещет
Глыбы, нависшей над головою.
Это, говорят, расплата за то, что
Он, смертный, принятый в пиры бессмертных,
¹⁰ Не сдержал язык – о, гнусная одурь!
Он родил Пелопа, Пелоп – Атрея,
Которому выпряла богиня участь
Враждовать с единокровным Фиестом, —
Но как сказать мне о несказанном?
¹⁵ Атрей зарезал детей ему для пира...
О, дальше ни слова! Сыны Атрея —
Менелай от критянки Аэропы
И славный (ежели славный) Агамемнон.
Менелай взял в жены Елену,
²⁰ Постылую богам; Агамемнон —
Именитую меж эллинов Клитемнестру,

И родил он трех дев – Хрисофемиду,
Ифигению и меня – Электру,
Да единого сына – Ореста.
²⁵ Но сгубила нечестивица мужа,
Опутавши бескрайнею тканью,
А за что – девице сказать неуместно.
Так вменить ли Фебу в неправосудье,
Что велел он Оресту умертвить
³⁰ Мать его родную? Не все похвалят —
Но Орест не послушался и убил,
А с ним – я, в женскую мою меру,
И Пилад, общий наш сопоспешник.
С той поры несчастный Орест
³⁵ Болен дикою болью и тает
Здесь, на ложе, от материнской
Обезумев крови. Выговорю ли имя
Евменид, истерзавших его страхом?
Шестой уже день, как пламя
⁴⁰ Очистило тело убитой,
А Оресту – ни глотка, ни омовенья.
То, когда его хворь отпустит,
Он, очнувшись, спрячет лицо в одежду
И горько плачет, а то взметнется с ложа
⁴⁵ И, как конь из-под ярма, бунтует.
В Аргосе постановлено не давать нам
Ни огня, ни крова, ни слова,
Ибо мы – матереубийцы.
Сегодня скажет голосование,
⁵⁰ Пасть ли нам под градом камней
Или бросить нас шеями под секиру.
Одна нам надежда на спасенье:
Менелай плывет из-под Трои,
Навплию заполнил кораблями
⁵⁵ И уж правит к берегу после долгих
Плаваний, а виновницу многих
Слез, Елену, выслал перед собою
В дом наш ночью, чтоб никто не увидел
Из тех, чьи сыны пали под Троей,
⁶⁰ И не грянул камнем. И вот в палатах
Она плачет о сестре и о доме.
Одно ей утешение в скорби —
Гермиона, оставленная в Спарте
И которую Менелай перед отплытьем
⁶⁵ Отдал мне и матери в воспитанье.
Ей она рада, с ней забывает горе.
Вот и я гляжу на дорогу,
Не увижу ли Менелая,

Без которого нам, слабым, не уберечься:

⁷⁰ Безысходно в доме злополучье.

Электра, Елена

Е. – Дочь Агамемнона, дочь Клитемнестры,
Вековечная девственница, молви, Электра,
Как, несчастная, ты и брат твой,
Страдный Орест, стал для матери убийцей?

⁷⁵ Говори без страха, мой спрос – не скверна,
Что было неверного – вина на Фебе!

А плач мой – о доле моей сестры,
Которую я с тех пор, как в Трою
Поплыла, как поплыла по страсти от вышних,
⁸⁰ Не видала, и вот – одна кричу над судьбою.

Э. – Что сказать, Елена? Сама ты видишь,
Какая беда на Атридову породу:
Вот я, без сна, сижу при бедном мертвом,
Ибо впрямь он мертв: так едва-едва он дышит, —

⁸⁵ Сижу, никого не вина в несчастье.

Но счастлива ты и муж твой,
Вернувшись к нам, измученным бедою!

Е. – Давно ли он не сходит с этого ложа?

Э. – С тех пор, как пролил родную кровь.

⁹⁰ Е. – Бедный! Но мать – как она погибла?

Э. – Так случилось, и нет исхода.

Е. – Умоляю, девушка, окажи мне услугу!

Э. – Если даст недосужное бдение над братом.

Е. – Сходи за меня к сестре на могилу!

⁹⁵ Э. – К матери? ты просишь? но чего ради?

Е. – Отнести прядь волос моих и возлить возлиянье.

Э. – Не сама взойдешь ты к родному гробу?

Е. – Мне стыдно себя показать ахейцам.

Э. – Срам – бежать, а теперь чиниться поздно!

¹⁰⁰ Е. – Правда твоя, но недобрая твоя правда.

Э. – Чего ж тебе пред микенянами стыдно?

Е. – Боюсь я тех, чьи сыны легли под Троей.

Э. – Да, бойся: весь Аргос кричит о тебе криком.

Е. – Так сложи с меня страх, окажи мне милость!

¹⁰⁵ Э. – Нет: могила матери мне ужасна.

Е. – Невместно мне с этим посылать прислужниц.

Э. – А дочь свою Гермиону?

Е. – Пробираться в толпе – не к лицу девице.

Э. – Это плата умершей: ведь та ее вскормила.

¹¹⁰ Е. – Ты правду сказала, и я тебе послушна:

По слову твоему пошлю Гермиону.

Дочь моя! выйди из покоев;

Вот прядь волос моих и вот возлиянье:
Ступай и вокруг Клитемнестрина кургана
¹¹⁵ Брызни вином, молоком и медом,
Стань над насыпью и так ей молви:
«Льет тебе дары сестра твоя Елена,
В страхе сама прийти ко гробнице
От аргосской черни». Да будет благосклонна
¹²⁰ Она ко мне, к тебе, и к мужу,
И к этим двум, загубленным богом.
Обещай ей все, какие подобают
От сестры сестре приношенья мертвым.
Ступай, дитя, поспеши к могиле,
¹²⁵ Возлей возлиянье и не медли обратно!

(Уходит.)

Э. – Ах, природа, сколько зла в людях
И сколько счастья рожденным в благой доле!
Она и остриглась лишь по кончикам прядей —
Бережет красоту: все та же Елена!
¹³⁰ Да не взлюбят боги тебя, погибель
И моя, и брата, и Эллады! Увы мне!
Но вот и подруги, общницы стенаний.
О, как бы они не разбудили дремы
Затихшего брата и слезным взглядом
¹³⁵ Не глядели бы на его безумье!
Ах, милые женщины, тише, тише,
Ни стука, ни звука, —
Ваша мне любезна любовь, но если
Спящий проснется – настанет горе.

Электра, хор

¹⁴⁰ Х. – Тише, тише... неслышною подошвою 1^c
Ни стука, ни звука...
Э. – Стороною от постели, стороною!
Х. – Слышу, слушаюсь...
Э. – Ах, ах! легче вздоха тростинчатой свирели,
¹⁴⁵ Милая, говори мне!
Х. – Слышу: как под крышу, я скрыла шепот.
Э. – Хорошо...
Бесшумно, бесшумно, не тронувшись, не двинувшись,
¹⁵⁰ Молвите, девушки: что вам?
Только что задремал он!
Х. – Что с ним? молви нам, милая: 1^a
Как ему понесчасьилось?

155 Э. – Дышит, но дышит со стоном.
Х. – Бедный!
Э. – Сладкую благодать дремоты
Не свей с его век: погубишь!

160 Х. – От бога он мучится злодеяньем,
Бедный! страдный!
Э. – Неправо, неправо сказана, приказана
Кривословом Локсием с Фемидина треножника

165 Смерть не в смерть – матери моей!
Х. – Смотри: шевельнулся под тканями! 2^c
Э. – Ах, это ты
Криком из сна его вырвала!
Х. – Думала я: он спит...

170 Э. – Прочь от меня, прочь от него, из дому прочь
Выкружи топочущий след!
Х. – Он спит...
Э. – Да, спит...
Х. – Славная, державная ночь,

175 Многотрудным людям дарительница сна,
Встань из Эреба,
Низкие крылья
Вскинь над чертогом Агамемнона,

180 Где беда, где боль,
Где ближе мы, ближе мы к гибели!
Э. – Топотами, топотами
Тише, тише,
Шумом губ не спугни, подруга,

185 Благодатного сна с его ложа!
Х. – Где конец? 2^a
Э. – В смерти!
Ему уж и корм не в корм.

190 Х. – Видим воочию.
Э. – Феб нас принес в жертву,
Черную повелев кровь нам
Матери-отцеубийцы.
Х. – Правда его – недобрая правда.

195 Э. – О мать,
Ты убила и ты убита;
Погубив отца – погубила и детей,
Ибо мы уже как мертвые:

200 Брат – как труп,
И моя исходит жизнь
Стонами, воплями, слезами еженощными;

205 Вот я, вот —
Безбрачная и бездетная,
Черное мое житье влачу без исхода...

Электра, Орест

Х. – Электра, подруга, погляди: ты рядом, —
Твой родной не умер ли незаметно?
²¹⁰ Не нравится мне, что слишком он размаян.
О. – Ах, сон-ласкатель, недужный целитель,
Как твой приход нуждающемуся сладок!
О, властная мудрость забвенья муки,
Всеми несчастными молимая богиня!
²¹⁵ Откуда я здесь? Как сюда попал я?
Не помню: прежний ум меня покинул.
Э. – Милый, ты спал, и как была я рада!
Хочешь, тебя возьму и приподыму я?
О. – Возьми, возьми и с горьких у страдальца
²²⁰ Губ и глаз оботри спекшуюся пену.
Э. – Вот: сладко ухаживать и нестыдно
Братнее тело сестре лелеять.
О. – Боком к боку придвинься, космы
Откинь от лица: зрочки мои незрячи.
²²⁵ Э. – Бедная голова, сбившиеся кудри,
Как ты одичала, давно немыта.
О. – Нет, уложи меня снова:
Слаб я, точно кости ушли из тела.
Э. – Вот; дорого болящему ложе:
²³⁰ На нем больно, а без него невозможно.
О. – Нет, опять поверни и усади меня прямо:
Не угодишь беспомощному больному.
Э. – Хочешь, ноги обопрю оземь
И протяжно шагни: тело любит перемену.
²³⁵ О. – Хорошо: хоть с виду похоже на здоровье.
Пусть будет с виду, коли не по правде.
Э. – Братец: попробуй меня послушать,
Пока голова ясна от Эриний!
О. – Что нового? Доброе – скажи на радость,
²⁴⁰ А злое – и так с меня его довольно.
Э. – Менелай, отцовский брат, приехал:
В Навплии он уж бросил причалы.
О. – Как? приспел он? свет в наших бедах,
Родич наш и должник отцовский?
²⁴⁵ Э. – Приспел, и вот тебе подтвержденье:
С ним Елена из стен троянских.
О. – Лучше бы ему одному вернуться:
Прибыть с женою – значит прибыть с бедою.
Э. – Да, недобрая слава по Элладе:
²⁵⁰ Все клянут Тиндарееву породу.
О. – Только ты будь не такой, как другие, —

Не такой и в слове, и в думе.
Э. – Братец, братец! глаза твои мутятся:
Ты сейчас был разумен, а стал – безумен.
²⁵⁵ О. – Мать моя, мать, не насылай, отгони —
У них волосы – змеи, лицо – как кровь,
Вот они – травят, травят!
Э. – Бедный, лежи, не вскакивай, не бойся:
Ты их не видишь, а думаешь, что видишь.
²⁶⁰ О. – Феб, Феб! они меня убьют!
Песьи дикие морды, и за ними – ад!
Э. – Не пуцу, не пуцу, обойму руками,
Не дам тебе рваться на твое же горе!
О. – Пусти, Эриния! ты одна из тех:
²⁶⁵ Ты меня хватаешь, чтоб сбросить в смерть!
Э. – Горе мне, бедной! где искать подмоги,
Если сами боги немилосерды?
О. – Дай лук роговой, Локсиев дар,
Им велено мне разить богинь,
²⁷⁰ Нагоняющих безумье, бешенство, страх!
Э. – Смертною ли рукою ранить бессмертных?
О. – Разить, коли не скроются прочь от глаз!
Слышите? видите? с высоты
Крылатые срываются стрелы!
А! а!
²⁷⁵ Не мешкайте! взбейте крыльями эфир,
И – к Фебу, виновнику вещаний!
Как?
Почему я слабну и задыхаюсь?
Куда, куда я бросался с ложа?
Из бурных волн встает затишье.
²⁸⁰ Родная, зачем ты плачешь, лицо укрывши?
Мне стыдно, что я своею хворью
Взваливаю мой груз на девичьи плечи.
Не томись моею бедою:
Ты лишь молвила «да», а я сделал дело —
²⁸⁵ Пролил кровь нашей матери. Вина – на Фебе:
Это он мою поднял руку,
А утешил лишь пустыми словесами.
Если бы мертвого отца спросил я,
Дерзнуть ли мне на мать мою, то, право,
²⁹⁰ Он меня заклинал бы моею бородою
Не заносить меча над родившей:
Ведь ему все равно не увидеть света,
А мне, несчастному, терпеть такие муки.
Открой же голову, сестрица,
²⁹⁵ Отдохни от слез, хоть горя и много.
Когда вновь увидишь меня обуянным, —

Тогда исковерканный мой рассудок
Подкрепи и утешь. Но пока ты стонешь —
Это я должен быть тебе утешитель.
³⁰⁰ Тем, кто любит, легка забота.
Ступай же, бедная, в палаты,
Ляг и сном смежи бессонные веки,
Омойся, подкрепи себя пищей!
Ведь ежели ты меня покинешь
³⁰⁵ Или надо мной заболеешь,
Мы погибли: такой я одинокий.
Э. – Нет! жить с тобою, умереть с тобою —
И только! ведь если тебя не станет,
Что мне делать, женщине? как спасусь я
³¹⁰ Без отца, без брата, без друга? Если
Хочешь, я уйду: только ты останься
И раскинься на ложе, не подпуская
Ничего, что пугает тебя и гонит.
Даже кто здоров, а думает, что болен,
³¹⁵ Безысходной в нашей доле мучится мукой.

Хор

Х.– Гей! гей! с.
Крылатые бегуны,
Буйственные богини,
Дольщицы бесхмельного хмеля,
³²⁰ В плачах, в столах,
Черные Евмениды,
Бьющие крыльями в эфир,
Рвущие плату за кровь, за смерть, —
Молю, молю:
³²⁵ Вызвольте сына Агамемнона
Из-под гона безумящего бешенства!
О, какими муками оглушен,
Гибнешь ты,
Внявши с треножника
³³⁰ Фебово, Фебово слово
Там, где вскрылся слывающий пуп земли
Бездной!

Зевс, Зевс! а.
Смертная жалость,
Смертная грянула борьба
³³⁵ На тебя, жалобный Орест, —
Слезы в слезы
Множит мстящий демон,
Материнскою кровью обуревая

Дом, тебе на безумье!
Скорблю, скорблю:
³⁴⁰ Нет меж смертных прочного счастья!
Так, парус
Быстрой ладьи сотрясая, демон
Топит груженную невзгодами
В крутях гибельных волн.
³⁴⁵ Какой же род
Петь, коли не Танталов,
Поросль от небесных супружеств?

Но вот я вижу: сюда спешит э.
Царь Менелай в великой красе
³⁵⁰ Танталидиных нег,
Потомок владык.
Привет, о погнавший парусный полк
На Азийский брег
Собеседник счастья! Тебе далось
³⁵⁵ От богов по твоим молитвам.

Орест, Менелай

М. – О царский дом, радостно тебя увидеть
После Трои, но горестно оплакать,
Ибо ни единый очаг на свете
Не терзался такой круговертью бедствий.
³⁶⁰ Я уведал, что Агамемнон
Принял смерть от руки супруги,
Когда плыл я сквозь Малейские прибои:
Встал из вод вещун мореходный,
Нелживый Главк, сын Нерея,
³⁶⁵ И прорек мне прямыми словами:
«Менелай, твой родной лежит во прахе,
Пав от жены в последнем омовеньи!» —
И наполнил слезами меня и пльвших.
А коснувшись Навплийской суши
³⁷⁰ И уже пославши сюда супругу,
Когда чаял я объять объятьем
Ореста, Агамемнонова сына,
С Клитемнестрой, обоих благополучных, —
То услышал от неких рыболовов
³⁷⁵ О нечестивом убийстве Тиндариды.
Где же грешник, скажите мне, девицы!
Когда я уплывал под Трою,
Был он у нее на руках дитятей,
И его я, увидев, не узнал бы.
³⁸⁰ О. – Я – Орест, которого ты взыскуешь,

Сам готовый поведать о всех невзгодах.
Но позволь мне прежде припасть к коленям,
Пусть и без просительской ветви:
Выручи! Ты в пору явился.
³⁸⁵ М.– Боги! что вижу! Не покойник ли ожил?
О. – Да, я вижу свет, но от горя мертв.
М. – Дик твой вид, и кудри косматы.
О. – Не страшен вид, но страшны дела.
М. – Сурово смотришь ты сухими зрачками.
³⁹⁰ О. – Минуло тело, осталось имя.
М. – Не таким ждал я тебя увидеть.
О. – Я убийца матери: в этом – всё.
М. – Слышал; сдержись от недобрых повторений.
О. – Сдержусь, но не сдержится демон, мстя.
³⁹⁵ М. – Но что с тобою? Какие снедают хвори?
О. – Совесть: сведомость страшного греха.
М. – Невнятен сказ, а лишь внятное разумно.
О. – Гложет меня тоска...
М. – Бог суровый, но умолимый.
⁴⁰⁰ О. – ...и безумье, казнь за материнскую кровь.
М. – С какого дня безумье? давно ли?
О. – С того, как над матерью встал курган.
М. – Дома или у погребенья?
О. – Ночью, при сборе материнских костей.
⁴⁰⁵ М. – Был ли кто поддержать твое тело?
О. – Пилад, со мной деливший кровь и смерть.
М.– Какими призраками встают недуги?
О. – Три девы видятся, и все – как ночь.
М. – Я их знаю: имен не надо.
⁴¹⁰ О. — Да: их, грозных, лучше не звать.
М. – И они бушуют за матереубийство?
О. – Погоня, погоня, и нет конца.
М. – Кто зло свершил, тот от зла и мучься!
О. – Но есть оправданье моей вине.
⁴¹⁵ М. – Только не смерть: это неразумно.
О. – Сам Феб велел мне зарезать мать.
М. – Он ли не знает добра и правды!
О. – Есть боги в небе, мы их рабы.
М. – Но твоей беде Аполлон не в помощь?
⁴²⁰ О. – Он медлит: таков обычай богов.
М. – А давно ли мать испустила душу?
О. – Шесть дней: могильный прах не остыл.
М.– Быстро же взыскали материнскую кровь.
О. – Пусть я не мудр, но я друг друзьям.
⁴²⁵ М. – Месть за отца пошла ли тебе на пользу?
О. – Нет: бесплодна медлительность богов.
М.– А с горожанами каково ты ладишь?

О. – Мерзок всем: со мною не говорят.
М. – И ты не очистил рук от крови?
⁴³⁰ О. – Куда ни пойду, на домах запор.
М.– Кто из граждан требует твоего изгнания?
О. – Иак, ненавистник Трои и отца.
М. – Я понял: он мстит за смерть Паламеда.
О. – Не мне: я сам стражду за троих.
⁴³⁵ М. – Кто же остальные? друзья Эгисфа?
О. – Они надмеваются надо мной.
М. – И скиптр Агамемнона тебе не отдан?
О. – Нет; а скоро отнимут и жизнь.
М.– Как, если можешь сказать понятней?
⁴⁴⁰ О. – Сегодня – голосование о нас.
М.– Решат: изгнание, казнь иль спасение?
О. – Решат: побить камнями или нет.
М.– И ты не бежишь, не шагнешь через границу?
О. – Медные латы – кольцом вокруг.
⁴⁴⁵ М. – От Аргоса или от врагов порознь?
О. – От Аргоса, на мою погибель.
М.– Ах, несчастный! Ты у последней грани.
О. – Лишь в тебе надежда спастись от смерти!
По счастью придя к несчастным,
⁴⁵⁰ Удели друзьям от своих благополучий,
И чтобы не быть единственным в счастье,
Возьми и от нас долю наших бедствий:
Этим ты долг свой отцу оплатишь.
Кто не приходит в беде на помощь,
⁴⁵⁵ Тот лишь словом друг, а не делом.

Орест, Менелай, Тиндар

Х. – Но вот спешит сюда старческою стопой
Тиндар Спартанский в черном плаще
И обритый от горя по дочери.
О. – Я погиб, Менелай. К нам идет Тиндар,
⁴⁶⁰ Которого мне стыднее всего
Видеть за все его добрые дела.
Он вскормил меня, целовал меня,
На руках носил с женою Ледою
И любил меня, сына Агамемнона,
⁴⁶⁵ Как родных своих Диоскуров.
Злополучны сердце мое и дух,
Что я воздал ему не добром.
Куда мне спрятать лицо? Каким
Заградиться облаком от его очей?
⁴⁷⁰ Т. – Где, где мой зять Менелай?
Я прослышал о возлиянии на гробнице

Клитемнестры и о том, что после многих
Лет вернулся он в Навплию с женою.
Приведите меня, я встану справа
⁴⁷⁵ И скажу долгожданному приветы.
М. – Здравствуй, старец, деливший ложе с Зевсом!
Т. – Здравствуй и ты, Менелай, зять мой!
Горько не ведать того, что будет:
Вот: пред домом матереубийца,
⁴⁸⁰ Как змееныш, мечет больные взгляды.
И ты, Менелай, говоришь с нечистым?
М. – Да: отец его был мне братом.
Т. – У такого отца – такое исчадьё?
М. – Но и его уважим в несчастье.
⁴⁸⁵ Т. – Стал ты меж варваров сам как варвар.
М. – А кто эллин, тот знает, как чтить единокровных.
Т. – Но знает и то, что закон превыше.
М. – Всякое принуждение для мудрого – рабство.
Т. – Делай как знаешь, а я не буду.
⁴⁹⁰ М. – Да: гнев и старость мудрости не подмога.
Т. – Здесь, при Оресте, о мудрости ли спорить?
Кто ясно видит, что благо и что не благо,
Тому ли не видно, что он – глупее глупых,
Позабыв о правде,
⁴⁹⁵ Отшатнувшись от эллинских законов?
Когда выдохнул свой дух Агамемнон,
Пораженный моею дочерью в шею
(Да, гнусный удар, я не перечу!), —
⁵⁰⁰ Вступи в суд о священной крови,
Обвини и выгони мать из дома, —
И прославишься умом, а не злосчастьем,
Будешь законолюбив и благочестен.
А он тому же демону дался,
⁵⁰⁵ Что и мать, и на ее беззаконье,
Убивая, ответил еще худшим.
Менелай, ты только скажи мне:
Вот убей его законная супруга,
А ее за это – его наследник,
⁵¹⁰ И так дальше, убийство за убийство, —
Где тогда конец злополучью?
Правильно судили былые люди:
Кто повинен в крови – тому ни слова
И ни взгляда, пусть уходит в изгнанье,
⁵¹⁵ Чтоб очиститься, но в живых остаться.
Иначе никогда не избыть убийства
И на руках убившего будет скверна.
Я ненавижу нечистых женщин,
И всех больше – мою дочь мужеубийцу,

520 Да и о Елене, твоей супруге,
Не скажу хорошего: непохвально
И что ты за изменницу шел на Трои.
Но я буду поборник закона,
Выкорчевывая кровожадное зверство,
525 Пагубное для земли и граждан.
Что ты чувствовал, злополучный,
Когда мать свои обнажила груди?
Я своими глазами не видел,
Но и то горит слеза на старческом веке!
530 Из речей моих одно истекает:
Ты богам ненавистен, ты за мать
Платишь страхом и безумством. Каких
Мне еще свидетелей, самовидцу?
А поэтому откажись, Менелай,
535 Помогать ему вопрекор всевышним.
Дай народу побить его камнем,
Или пусть не дойти тебе до Спарты!
Дочь моя претерпела по заслугам,
Но не этому казнить ее смертью!
540 Во всем я был удачлив,
Кроме дочерей: в них мое несчастье.
Х. – Счастлив тот, кто удачлив в детях
И кого миновали большие беды.
О. – Страшно мне, старец, тебе перечить,
545 Задевая душу за больное место.
548 Дай мне забыть о твоих седилах,
Которых вид лишает меня слова,
550 И я продолжу, а сейчас я колеблюсь.
546 Я нечестив, что убил мать,
И благочестив, что отмстил за отца.
551 Что мне было делать? Надо мной были двое:
Отец меня посеял, дочь твоя породила,
Как поле, от сеятеля принявшее семя:
Без отца не было бы и сына.
555 И я предпочел родоначальное семя
Той, которая его питала.
А дочь твоя (матерью назвать ее стыдно)
От нецеломудреннейшего брака
Взошла на чужое ложе. Дурно
560 Говорить о ней сыну, но все же – нужно!
Новый муж, Эгисф, укрывался в доме,
Я его зарезал и заклал твою дочь —
Пусть нечестиво, но в месть за отца!
Ты мне за это грозишь каменованьем?
565 Но выслушай: не на благо ли это Элладе?

Ведь если бы женщины в наглости дошли
До мужегубства, а после того
Находили прибежище у детей,
Открывая им груди, – любой предлог
⁵⁷⁰ Вел бы их к убийствам. Я сделал зло,
Говоришь ты, – да, но унял их нрав.
Я справедлив, убив свою мать,
Предавшую мужа, вождя страны,
За всю Элладу принявшего войну,
⁵⁷⁵ Ложе его запятнав грехом.
И зная за собою вину, она
Назначила казнь не себе, о нет,
А спасла себя и убила отца.
Ради богов (хоть богов и грех
⁵⁸⁰ Поминать при убийстве), – если бы я
Молча одобрил мать, то отец
В гневе не взвел бы на меня Эриний?
Или они стоят лишь за мать,
А не за того, кто хуже погиб?
⁵⁸⁵ Да не ты ли, старик, погубил меня,
Родив злодейку, чьей наглостью
Сиротой я стал и матереубийцею?
Сам посмотри: Одиссеева жена
Блюла свое ложе, не меняла мужей,
⁵⁹⁰ И ее не наказал Телемах.
Сам посмотри: над пупом земли
Воссев, Аполлон разверзает нам уста,
Мы покорны ясным его словам, —
И по слову его убил я мать.
⁵⁹⁵ Обвините его, казните его:
Это на нем вина, а не на мне.
Я слагаю вину на бога, и он
С меня снимет грех. У кого спастись,
Если не спасет отдавший приказ?
⁶⁰⁰ Не говори же, что я сделал дурно:
Говори, что дело вышло неладно.
Счастливы те, кому выпал на долю
Хороший брак, – а кому не выпал,
Тот несчастен и в доме и в граде.
⁶⁰⁵ Х. – Да, женщина часто помеха счастью
И часто бывает на горе мужу.
Т. – Дерзок ты и неуступчив,
Говоришь и язвишь меня словами,
Чтоб упорней я желал твоей смерти.
⁶¹⁰ Будь же твоя смерть славной добавкой
К украшению дочериной могилы!
А я пойду в аргосское вече

И невольное или вольное возжгу желанье
Казнить каменованьем тебя с сестрою.
615 Сестра еще достойнее смерти,
Потому что озлобила тебя на мать,
Нашептывая злые слухи
И про Агамемнона в сновиденьи,
И про брак Эгисфа, который будет
620 Ненавистен на том и на этом свете,
Непламенным пламенем дом спаливши.
А тебе, Менелай, слово мое и дело:
Если мы – родня, если гнев мой – правый,
То не перечь богам, не защищай убийства,
625 Дай камням граждан достичь до цели, —
Или не увидишь Спарганского царства.
Вот тебе совет мой во всякой дружбе:
Цени благочестье, отвергай нечестье.
Прислужники! ведите меня отсюда.

(Уходит.)

Орест, Менелай

630 О. – Ступай! Постылы твои седины.
Я без помех поговорю с Менелаем.
О чем ты задумался, Менелай,
Мыслями и шагами надвое кружа?
М. – Не говори: и думаю, и не знаю,
635 Куда обратиться и где удача.
О. – Не торопись: сначала меня послушай,
А потом раздумывай о решеньи.
М. – Говори: ты прав. Бывает молчанье
Сильнее речи, а речь – молчанья.
640 О. – Говорю. Длинная речь сильнее
Краткой, а ясная доступней слуху.
Твоего добра, Менелай, мне не нужно, —
Но что взял у отца, отдай обратно.
Не деньги – жизнь всего мне дороже;
645 Спаси мне жизнь – это лучше денег.
Я неправ? отплати мне за зло неправдой.
Разве правдою собрал Агамемнон
Всю Элладу к походу на Троию?
Но он шел на неправое дело
650 Не за свою обиду, а за Елену.
Настало время мере за меру.
Как друг для друга, тебе он отдал
Ту, что воистину была твоею,

Трудясь под щитом, чтоб отбить тебе супругу.

⁶⁵⁵ Ты получил ее – отплати же

Однодневным трудом, а не десятилетним:

Встань за нас и будь нам спаситель.

В Авлиде пала моя сестра —

Да будет так. Не убивай Гермionу!

⁶⁶⁰ Ты видишь меня, каково мне жить:

Помоги же, добейся мне прощенья!

Подари злополучному отцу

Жизнь мою и жизнь сестры —

Долгодевственной сироты в родимом доме.

⁶⁶⁵ Ты скажешь: невозможно. И я отвечу:

Друзья друзьям помогают в несчастьях.

Когда бог благосклонен, зачем друзья?

Довольно помощи и от бога.

Всеведомо, как ты любишь Елену, —

⁶⁷⁰ Так вот, без вкрадчивости и лести,

Молю тебя во имя ее! (Несчастный,

До чего дошел я, о чем стараюсь!)

Заклинаю тебя отцовским домом:

Ты ведь отцу – брат едиnorodный,

⁶⁷⁵ И хотя его тело – под землю,

Но душа – меж нас, и вещает мною.

Из бедствий, из стенаний, из слез

Вновь и вновь взываю к тебе: спаси! —

Как взывали бы все, а не только я.

⁶⁸⁰ Х. – Я женщина, но и я умоляю:

Спаси несчастного, ты ведь в силах.

М. – Орест, голова твоя мне священна,

И я буду дольщиком твоих несчастий.

Если у человека сила от бога,

⁶⁸⁵ Долг его – помогать единокровным,

А врагов их казнить недоброй смертью.

Молю богов, чтобы дали силы,

Ибо под копьем моим нет копьеборцев:

Сотни сотен изведав бедствий,

⁶⁹⁰ Сохранил я лишь малый отряд подручных.

Нам не по силам Пеласгов Аргос —

Мы только и можем льстивыми речами

Добиться сбывчивости надежды.

Малыми трудами как успеть в великом?

⁶⁹⁵ Нельзя и думать.

Когда народ расцветает гневом,

Гасить его – как гасить пожар.

Если же к пылающему подойти спокойно,

Улучить время, дать ему роcпуск, —

⁷⁰⁰ Тут-то он и выдохнется. А после

Без труда добьешься чего угодно.
Есть в нем жалость и есть в нем пылкость —
Для выжидателя это благо.
Вот так и я, подойдя, попытаюсь
⁷⁰⁵ С пользой унять Тиндара и весь город.
Ведь и корабль, натянув канаты,
Тонет, а расслабив, выплывает.
Ни бог не любит чрезмерного пыла,
Ни граждане. А значит, нужно
⁷¹⁰ Спастись умом, а не силой лучших.
Мне тебя не спасти оружием —
Легкое копье мое не стяжает
Вражеских трофеев, тебя достойных.
Никогда не входил я в Аргос смиренно,
⁷¹⁵ А теперь войду – велит неизбежность,
Пред которой даже мудрец не волен.

(Уходит.)

О. – О ничтожнейший в роде мститель,
Годный только воевать за супругу,
⁷²⁰ Ты бежишь, отвернувшись, забыв о брате.
Ах, отец, ты в доле своей – без друга,
Мы преданы, более нет надежды.
Я ухожу от аргосской казни:
Это единое мне спасенье.
⁷²⁵ Но вот я вижу: лучший из смертных,
Пилад бежит со стороны Фокиды
С весельем в лице: единственный верный,
Отрадный больше, чем затишье мореходу.

Орест, Пилад

П. – Быстрее быстрого спешу я из города:
⁷³⁰ Слышал я собрание, видел его воочию:
Все замышляют погибель на тебя и твою сестру.
Что теперь делать, как быть, скажи мне,
Лучший мой сверстник, друг и брат?
О. – Если тотчас мне не скажешь, в чем беда, – я погиб.
⁷³⁵ П. – Ты погиб – и я с тобою: у нас общая судьба.
О. – Менелай явился гнусен предо мною и сестрой.
П. – Так уж водится: у худших женщин – худшие мужья.
О. – Лучше б он тотчас уехал или вовсе не приезжал!
П. – Но точно ли он приехал или это только слух?
⁷⁴⁰ О. – Долго плавал, но приехал, и вокруг него друзья.
П. – И привез с собою вместе худшую из всех супруг?

- О. – Лучше уж сказать бы: не он ее, а она его.
П. – Где же та, что столько ахейцев погубила – одна?
О. – Она здесь, в моем доме, если только это мой дом.
⁷⁴⁵ П. – И какими же словами ты с Менелаем говорил?
О. – Я просил на растерзанье не отдавать меня с сестрой.
П. – Что же он тебе на это? Говори: хочу я знать!
О. – Осторожен и уклончив, как нехорошие друзья.
П. – И какими же предложениями прикрыл он свой обман?
⁷⁵⁰ О. – Тут как раз отец явился пресловутых дочерей.
П. – Узнаю Тиндара: гневен он на гибель дочери.
О. – И оказался Менелаю тесть дороже, чем брат.
П. – И твоим он злоключениям не посмел положить конец?
О. – Он не воин, он отважен только между женщинами.
⁷⁵⁵ П. – Да, со всех сторон несчастья: остается умереть.
О. – Только граждане сначала проголосуют нашу смерть.
П. – Но о чем голосование? я пугаюсь: говори!
О. – Жизнь или смерть? – большое дело в двух коротких словах.
П. – Так беги же, так покинь же отчий дом и в нем сестру!
⁷⁶⁰ О. – Разве не видишь? встала стража вокруг нас со всех сторон...
П. – Да, я видел, что щиты перегородили улицы.
О. – ...будто мы с тобой в осаде от неизвестных врагов.
П. – Обо мне спроси: я ведь тоже на пороге гибели.
О. – Отчего? твоею горестью умножаются мои!
⁷⁶⁵ П. – Гневный Строфий меня выгнал на все четыре стороны.
О. – Что причина? ваша ссора иль обида гражданам?
П. – Соубийство Клитемнестры – вот мое нечестие.
О. – Ах, несчастный! за мое дело, видно, и тебе страдать.
П. – Я снесу любое страданье: нравом я не Менелай.
⁷⁷⁰ О. – И не боишься, что аргосский суд казнит тебя со мной?
П. – Я не их суду подсуден, а фокидскому суду.
О. – Толпище всегда жестоко, ежели над ним злодей.
П. – А если над ним человек хороший, то и приговор хорош.
О. – Будь же так. Идем на вече!
П. – Я не вижу, для чего?
О. – Я скажу, представ народу...
⁷⁷⁵ П. – Что дело твое правое?
О. – Да, что мстил я за родного.
П. – Тут тебя они и возьмут.
О. – Что же, лучше, дрожа, погибнуть?
П. – Это не дело, ты не трус.
О. – Как же быть?
П. – Остайся здесь, и будет тебе спасение.
О. – Нет!
П. – А разве, выйдя в город, ты надеешься спастись?
О. – Может быть.
⁷⁸⁰ П. – Тогда уж лучше выйдем, чем останемся.

- О. – Так отправимся!
П. – И будет наша смерть достойнее.
О. – Мое дело правое!
П. – Дай бог им так решить.
О. – Ты прав: я покажу, что я не трус.
П. – На это и идем.
О. – Может быть, кто-нибудь пожалеет...
П. – Пожалеет знатный род.
О. – Пожалеют отца убитого...
⁷⁸⁵ П. – ...воистину сраженного.
О. – Так идем же, так умрем же, стыдно медлить!
П. – Теперь хвалю.
О. – А сестре мы об этом скажем?
П. – Ни за что!
О. – В самом деле, будут слезы.
П. – А это – дурное знаменье.
О. – Стало быть, молчанье лучше.
П. – И выигрыш времени.
О. – Есть еще одно одоленье.
⁷⁹⁰ П. – Что еще ты назовешь?
О. – Жало злых богинь.
П. – Но разве не помощник я тебе?
О. – Тяжело с больным возиться.
П. – Только не мне и не с тобой.
О. – Берегись и ты безумья.
П. – Идем, пора!
О. – Не колеблешься?
П. – Кто колеблется, тот не друг.
О. – Так вперед, моя опора!
⁷⁹⁵ П. – Сладкая забота мне.
О. – Направляй к отцовской могиле.
П. – Зачем?
О. – Помолить его о подмоге.
П. – Ты прав.
О. – А могиле матери – ни взгляда.
П. – Да, она врагиня тебе.
Поспешим же, упреждая их аргосский приговор.
⁸⁰⁰ Прислонись к моему боку боком обессиленным,
И пройдем мы через город, невзирая на толпу,
Ибо нам стыдиться нечего. Такой ли я друг,
Чтобы в тяжком покинуть тебя несчастья?
О. – Поистине так. Нам мало родных – цените друзей.
⁸⁰⁵ Пусть муж нам чужой – но если душой он с нами един,
То этот друг дороже для нас, чем тысячи кровных родичей.

(Уходят.)

Хор

– Доблесть и богатство, с.
Славное по Элладе
До самых струй Симоента, —
⁸¹⁰ Пали Атриды из блаженства,
Как древле от родового проклятья —
Когда встала в Танталидах вражда
Золотого ради овна,
И жесток был пир
⁸¹⁵ И убийство царственных отпрысков.
С той поры смерть за смерть
Кровью воздают Атриды Атридам.

Честь не в честь а.
⁸²⁰ Железною рукою рассечь
Материнское тело и черный
Меч явить сиянию солнца.
Где злодейство, там нечестие, там
Людское зломышленное безумье.
⁸²⁵ В смертном страхе
Скорбная кричит Тиндариды:
«Нечестива дерзость
Сына-матереубийцы —
Отчую почитая благость,
⁸³⁰ Вековечное снискиваешь бесславье».

Какой недуг, какая слеза, какая э.
Жалость превыше в мире,
Чем рукопролитие материнской
Крови? Преступник чести,
⁸³⁵ Охмелен безумием,
Травлен Эриниями,
Дико вращает взглядом:
Это ли дитя Агамемнона?
О несчастный,
Из золотоканых пелен
⁸⁴⁰ Материнскую увидевший грудь,
Но пронзивший мать
В отплату за муки отца!

Электра, вестник

Э. – Молвите, женщины: не в порыве ль
⁸⁴⁵ Безумья Орест ушел из дома?
Х. – Нет: пошел он на аргосское вече,

Где спор о жизни:
Жить вам или умереть вам.
Э. – Ах, злополучный! С чьего совета?
⁸⁵⁰ Х. – Пиладова. Но взгляни: поспешает
Вестник с вестью о твоём брате.
В. – Несчастное, достослезное чадо
Агамемнона, чтимая Электра,
Недобрые приношу я тебе вести.
⁸⁵⁵ Э. – Горе! Смерть мне! Молви
Дурные вести, с которыми пришел ты.
В. – Пеласги порешили, что Орест, брат твой,
И ты, красавица, умрете сегодня.
Э. – Горе! Исполнились ожидания,
⁸⁶⁰ От которых я исходила плачем.
Но какой был спор, какие были речи
Нам в приговор на смертную участь?
Скажи, старик, что отнимет душу
У меня и у несчастного брата?
⁸⁶⁵ Камни в руках или острое железо?
В. – Шел я из села к городским воротам,
Хотел узнать о тебе и брате,
Потому что смолоду благодарен
Агамемнону, выросши в вашем доме,
⁸⁷⁰ И хоть беден, но дружбы не забываю.
Гляжу, народ стекается к всхолмью,
Где когда-то Данай правил суд с Египтом,
И все места занимает толпою.
Видя это, спрашиваю кого-то:
⁸⁷⁵ «Что нового в Аргосе? Не враги ли
Всполошили вызовом Данаев город?»
А он: «Не видишь разве Ореста?
Бороться ему не на жизнь, а на смерть».
И тут я вижу (а лучше бы не видеть!):
⁸⁸⁰ Орест и Пилад шагают рядом,
Один понурый, изможденный болезнью,
Другой по-братски сострадающий другу,
Добрый уходом помощный в хвори.
Когда собрание стало полным,
⁸⁸⁵ Встал глашатай: «Кто хочет слова,
Казнить или нет матереубийцу Ореста?»
Тут встал Талфибий,
С твоим отцом ходивший на Трою.
Он, привыкший водиться с вождями,
⁸⁹⁰ Надвое говорил: Агамемнона славил,
Но Ореста не хвалил, искусно вплетая
Дурные слова про новый обычай
Управы с отцами и матерями, —

А сам посматривал на друзей Эгисфа.

⁸⁹⁵ Таков уж род их: всякий глашатай
Льнет к сильнейшим: для них любезны
Лучшие люди в городе и державе.

За ним говорил Диомед владыка —
Ни тебе, ни сестре не желал он смерти,

⁹⁰⁰ А желал угодного богам изгнанья.

Иные всплескали хорошей речи,
Иные молчали.

Тогда встает

Лихой наглец с крутым языком,

То ли аргосец, то ли не аргосец,

⁹⁰⁵ Вольною речью крикливый и грубый,

Отменный убедитель на все дурное,

Сладкий речью, коварный мыслью,

Толпе приятный, а городу вредный.

Лишь те, кто добрые дают советы,

⁹¹⁰ Хоть не сразу, а в пользу бывают людям:

Из таких и нужно искать вождей,

Потому что один и тот же почет —

Облеченному властью и гласящему речь.

А этот встал и призвал камнем

⁹¹⁵ Казнить тебя и твоего брата,

А Тиндар ему подсказывал речи.

Но тут словам его встает противник —

Муж, лицом неприглядный, но крепкий,

Редко заглядывающий в город и на площадь,

⁹²⁰ Сам себе труженик, опора града.

Непорочный, незапятнанный в жизни, —

Когда захочет, он искусен и в слове.

Он сказал: Агамемнонова Ореста

Должно венком увенчать за то, что

⁹²⁵ Он отмстил за отца и убил злодейку.

Если бы не он, то к чему походы,

Когда за спиною пустые дома,

А те, кто блюдет их, впадает в слабость

И вводит жен в прелюбодеянье?

⁹³⁰ Хорошим людям понравились его речи,

Но никто ни слова.

Тогда Орест

Начинает: «Владельцы Инахийской

Земли, потомки Пеласга и Даная,

Ведь я за вас, а не только за отца

⁹³⁵ Казнил свою мать. Если мужеубийство

Станет дозволено для жен, то все вы

Будете жертвами жен или рабами:

Сделайте должное, поступите иначе!

Я убил изменницу отчего ложа —
940 Если теперь вы меня убьете,
То конец закону и каждый под угрозой,
Потому что наглость – не редкость в женах».
Хорошо он говорил, но с толпой не сладил:
Одолел другой, худой увещеватель,
945 Стоявший за казнь тебе и брату.
С трудом Орест избежал каменованья,
Обещав своею рукой зарезать
И себя и тебя до заката солнца.
Сейчас Пилад ведет его из собрания,
950 Сам в слезах, и спутники плачут
От великой жалости, потому что
Видеть это – горшего горько.
Готовь же меч или петлю на горло,
Чтобы больше не видеть света:
955 Ни знатный род тебе не подмога,
Ни Феб-губитель с треножника в Дельфах.

(Уходит.)

Х. – Бедная девушка, ты накрыла
Голову, склонившись к земле, безмолвна,
Но сейчас изольешься в стоны и крики.

Электра, хор

960 Э.– Завожу плач с.
О тебе, земля пеласгийская,
Белыми ногтями впиваясь в щеки,
кровавую долю,
В голову бью руками
В угоду подземельной богине, —
965 Стенают и киклоповы стены,
Режет волосы острое железо —
горе в доме!
Жалости, жалости
По вам, упокоенным
970 Прежним вождям Эллады!
Минули, сгнули а.
Отпрыски рода Пелопова,
Счастьем завидного бессмертным.
Божья зависть
975 Рухнула на тебя кровавым жребьем!
Многослезные, однодневные,
Трудоносные, слушайте, народы,

Э. – Горе мне! Вижу тебя и плачу,
Брат мой, перед могилой, брат мой, перед костром!
¹⁰²⁰ Горе мне дважды! В последний раз
Вижу тебя и схожу с ума!
О. – Женские удержи стоны,
Смирись с решеньем. Сколь ни плачевно,
Но мы должны сносить нашу участь.
¹⁰²⁵ Э. – Как молчать, если божьего света
Больше нам не дано увидеть!
О. – Не добивай меня. Довольно бедствий:
Я уже погиб от рук аргосских.
Э. – Ах, горькая твоя юность, ранняя
¹⁰³⁰ Твоя участь! Жить бы тебе, да некогда!
О. – Не лишай, сестра, меня мужества,
Выплакивая память о бедствиях.
Э. – Это смерть, а о смерти нельзя не плакать:
Всякому живому жалко жизни.
¹⁰³⁵ О. – День назначен: свей себе петлю
Или нож отточи для казни.
Э. – Братец, убей меня сам! Не дай
Аргивянам глумиться над нашим родом.
О. – Мать я убил, а тебя не смею:
¹⁰⁴⁰ От своей руки умирай как знаешь.
Э. – Да будет так. Твой меч мне послужит.
Только дай обнять тебя напоследок.
О. – Праздная отрада идущему на гибель
Обвивать шею белыми руками.
¹⁰⁴⁵ Э. – Братец милый, братец желанный,
Я сестра твоя, и во мне душа твоя.
О. – Ты мне грудь растопила. Вот тебе
Братняя рука. Чего мне стыдиться?
О сестрино сердце, о милые объятья!
¹⁰⁵⁰ Вместо детей и брачного ложа
Нам, несчастным, – лишь нежное слово.
Э.– О!
Если бы пронзил нас единый меч!
Если бы легли мы в один кедровый гроб!
О. – Да, сладкая мечта. Но друзья, ты видишь,
¹⁰⁵⁵ Покинули нас для общей гробницы,
И не замолвил за тебя ни слова
Злодей Менелай, отца моего предатель.
Он взгляда не показал: о нас ли
Думать ему, в мечте о царском скиптре?
¹⁰⁶⁰ Но в нас живет благородный Агамемнон.
Мы сделаем как он и умрем достойно.
Я докажу свое благородство,

Пронзив себе печень; а ты за мною
Сделаешь то же, что и я сделал.
¹⁰⁶⁵ А ты, Пилад, распорядитель смерти,
Сложи достойно оба тела
И похорони у отчей гробницы.
Теперь прощай: пора и за дело.
П. – Остановись! впервые тебе пеняю:
¹⁰⁷⁰ Ты умрешь, так ужели я жив останусь?
О. – Но зачем тебе умирать со мною?
П. – Спроси, а жить мне зачем без друга?
О. – Ты не я, не матереубийца.
П. – Но я твой друг и един судьбою.
¹⁰⁷⁵ О. – Живи для отца, не умирай со мною:
У тебя есть родина, у меня нету.
Есть отчий дом, богатая пристань;
Я по дружбе помолвил тебя с сестрою
И обманул ее злополучьем, —
¹⁰⁸⁰ Но ты возьмешь другую, и будут дети,
А нам, как видно, не породниться.
Прости! Ты был мне лучшим из сверстных.
Радуйся! Это тебе на долю;
А у мертвых радостей не бывает.
¹⁰⁸⁵ П. – Как ты далек от моих желаний!
Пусть плодная земля и яркое небо
Не примут кровь мою, если только
Я тебя предам и останусь в жизни!
Я с тобою вершил убийство,
¹⁰⁹⁰ Я – советник, а ты – казнящий,
Я достоин казни с тобой и с нею.
Ты помолвил нас, я в Электре
Чту супругу. Что я отвечу,
Воротясь к себе в фокидские Дельфы?
¹⁰⁹⁵ Скажу ли, что был я вам другом в счастье,
А когда приспела невзгода – бросил?
Нет: у нас обоих одна забота.
Но если нам умирать обоим,
То зачем бы не погибнуть и Менелаю?
¹¹⁰⁰ О. – Ах, увидеть бы его мне мертвым!
П. – Тогда послушай, а меча не трогай.
О. – Не трону, лишь бы добиться мести.
П. – Тише: этим женщинам я не верю.
О. – Не тревожься: они заедино с нами.
¹¹⁰⁵ П. – Убьем Елену на горе Менелаю!
О. – Как? я готов, была бы возможность.
П. – Зарежем: она ведь у тебя в доме.
О. – Так; но она за семью замками.
П. – Ненадолго: ждет ее брак загробный.

¹¹¹⁰ О. – Но как? при ней варвары на страже.
П. – Фригийские варвары не опасны.
О. – Да: их дело – зеркала и притиранья.
П. – Она не забыла троянскую роскошь?
О. – В эллинском доме теперь ей тесно.
¹¹¹⁵ П. – Рабский род не сравнить с нерабским.
О. – Ради такого умру хоть дважды!
П. – Я тоже, лишь бы отомстить за Ореста!
О. – Так объясни же, как это сделать?
П. – Мы входим в дом, как будто на гибель,
¹¹²⁰ О. – Это я понял. Но что же дальше?
П. – В плаче изливаем ей наше горе.
О. – Пусть прослезится, в душе ликуя.
П. – Точно так же, как мы пред нею.
О. – Но как же мы поведем борьбу?
¹¹²⁵ П. – Мы под одеждой скроем мечи.
О. – Прислужники будут борьбе помехой.
П. – Мы разгоним их по дому, куда попало.
О. – А кто не смолчит, того и прикончим.
П. – Что дальше – увидится само собою,
¹¹³⁰ О. – Дальше – догадываюсь – смерть Елены?
П. – Именно. Выслушай, что я придумал.
Если бы мы обнажали меч
На честную женщину, это было б
Позором. Но нынче ее расплата
¹¹³⁵ За всех отцов и сынов Эллады,
За всех сирот и жен овдовелых!
Будут огни на алтарях и клики,
Тебе и мне вещающие счастье,
За то, что мы казнили злодейку.
¹¹⁴⁰ Больше не будешь матереубийцей:
Вместо старого новое примешь имя:
«Убийца Елены, убившей многих».
Нет, не быть Менелаеву счастьем —
После брата, после тебя с сестрою
¹¹⁴⁵ И той, о которой лучше не помнить, —
Чтоб он сел в твоём доме со своей Еленой,
Которую добыл ему Агамемнон.
Пусть мне не жить, но при мне мой меч!
Если мы не уьем Елены —
¹¹⁵⁰ Подождем дворец, чтобы всем погибнуть!
Славная смерть или славное спасенье,
Но слава подвига будет наша.
Х. – Дочь Тиндара позорила женщин
И ненавистна женскому полу.
О. – Ах,
¹¹⁵⁵ Ничто не лучше, чем истинный друг,

Ни власть, ни деньги; и тот безумен,
Кто на толпу променяет человека.
Ты измыслил, как убить Эгисфа,
Ты не покинул меня в несчастье,
¹¹⁶⁰ И сейчас ты рядом, и сейчас ты знаешь,
Как мстить врагам. Но я замолкаю:
Многая похвала бывает в тяжесть.
Я и при последнем моем дыханьи
Моим убийцам желаю смерти,
¹¹⁶⁵ Чтоб была измена красна изменой,
Чтоб заплакали те, от кого я плачу.
Я сын Агамемнона, того, который
Не царем, а избранником был Эллады,
Силой равным богу. Его я имя
¹¹⁷⁰ Рабской смертью не опозорю
И умру добровольно, отомстив Менелая.
Одного не хватает счастью:
Убить и в живых остаться —
Об этом последнее моление:
¹¹⁷⁵ Желанные слова окрыленно
Вылетают из уст, лаская душу.
Э. – Мне кажется, я нашла, как спастись
И тебе, и Пиладу, и с вами – мне.
О. – Это – воля божья. Скажи:
¹¹⁸⁰ Я знаю, ум у тебя остер.
Э. – Слушай, Орест, и слушай, Пилад!
О. – Слушаем. Хорошего и ждать хорошо.
Э. – Вы знаете: есть у Елены дочь.
О. – Да, Гермiona, и вскормлена у нас.
¹¹⁸⁵ Э. – Она пошла к Клитемнестриной могиле.
О. – Зачем пошла? И какое нам дело?
Э. – Вместо матери жертву принести на гроб.
О. – Какое же в том спасенье для нас?
Э. – Пойдет назад – возьмем ее в плен.
¹¹⁹⁰ О. – И чем это выручит нас троих?
Э. – Менелай захочет мстить за Елену
И тебе и мне из-за нашей дружбы,
А ты скажешь, что убьешь Гермionу,
И приставишь меч к девичьему горлу, —
¹¹⁹⁵ И если Менелай над кровавым телом
Елены даст тебе жизнь за дочь,
Ты Гермionу отдашь отцу;
Если же он не совладеет с гневом,
Прежде, чем он тебя, ты ее зарежешь.
¹²⁰⁰ Но мнится: как он ни разъярится —
Скоро остынет. Он слаб душою
И робок сердцем. Наш путь к спасенью —

В этом. Теперь я все сказала.
О. – Душа у тебя мужская,
1205 А тело женски прекрасно.
Ты достойна жизни, а не смерти.
Если мы останемся живы —
Ты блажен, Пилад, такую женою.
П. – Если мы останемся живы,
1210 Я с почестью ввел бы ее в Фокиду.
О. – Когда же вернется Гермiona?
Ты открыла нам добрую надежду,
Лишь бы взять детеныша злого зверя.
Э. – Она уж близко,
1215 И чем дальше, тем она ближе.
О. – Хорошо. Останься же перед домом
Перенять в пути Гермionу:
Сторожи, и ежели раньше срока
Явится отец или кто из близких
1220 К этому дому, – крикни,
Стукни в двери, подай нам голос.
А мы войдем для последнего боя,
Мечи в руках,
С тобой, Пилад, товарищ трудов!
1225 Отец мой! в черных твоих чертогах
Услышь сына твоего Ореста
И приди на помощь: за тебя я стражду,
Неправо гонимый твоим же братом
За Правое дело. Его супругу
1230 Хочу я казнить: пребудь же со мною.
Э. – Отец, приди, если слышишь нас за гробом:
Здесь за тебя погибают твои дети.
П. – Агамемнон, и я ведь тебе сородич:
Склони же слух и спаси детей.
О. – Я убил мать.
1235 П. – Я подал меч.
Э. – Я отогнала колебания.
О. – Я встал за тебя.
Э. – Я не предала тебя.
П. – Услышь укоры, обереги рожденных.
О. – Ты видишь, я плачу.
Э. – Ты слышишь, я стенаю.
1240 П. – Довольно: к делу!
Если стрелы молний пронзают землю —
Он нас услышал. О Зевс, о Правда,
Будьте в помощь ему, и мне, и ей:
Троим товарищам в единой борьбе,
1245 Где всем спастись или всем погибнуть.

(Уходит с Орестом.)

Электра, хор, голос Елены

Э. – Милые микенянки, с.
Первые в пеласгическом Аргосе!
Х. – Что, владычица?
Так меж нами в данайском городе
1250 Ты доселе прозываешься.
Э. – Встаньте одни на проезжую дорогу,
Встаньте другие охранять хоромы.
Х. – От кого же охранять,
Молви, дочка?
1255 Э. – Страшно мне:
В доме смертная льется кровь:
Не умножил бы кто беду бедою.
Х. – Идем, спешим,
Я встаю на восточную дорогу.
1260 – Я встаю на ту, что к закату.
Э. – Зеницы глаз
Обращайте в сторону и в сторону.
1265 Х. – Повинуемся.

Э. – Сквозь кудри нависшие, а.
Сквозь ресницы водите взглядами.
Х. – Кто-то видится,
Вокруг дома твоего мне мерещится:
1270 Селянин кружит.
Э. – Мы погибли, подруги! Донесет он
Об оружной нашей тайной засаде.
Х. – Ложная была весть, дочка:
Пуста дорога.
1275 Э. – Точно ли?
Добрая ли твоя весть?
Впрямь ли никого перед домом?
Х. – Никого здесь нет:
Пусть в другую сторону посмотрят.
1280 – Никого здесь не видно из данайцев.
Э. – К воротам слух:
Почему так тихо в доме? где жертва
1285 Кровавая?

Не слышат. Горе мне, горе! э.
Красота ли им мечи притупила?
Не ворвется ли оружный аргосец
1290 В палаты помощною стопою?

Смотрите же, смотрите без отдыха:
Вправо, влево кружите взорами!
¹²⁹⁵ Х. – Друг за другом мы смотрим на дорогу.
Е. – О Аргос, о пеласги, я гибну!
Э. – Вы слышали? Мечи занесены.
Вы узнали? Это крики Елены.
Х. – О присносильный Зевс, Зевс,
¹³⁰⁰ Будь на деле друзьям моим подмогою!
Е. – О Менелай, умираю: где ты?
Э. – Бейте, режьте, разите, губите!
Два двуострых меча вонзайте
Твердыми руками
¹³⁰⁵ В нее, в нее, безотчую, безмужную,
В нее, губившую
Эллинов, эллинов копьями, копьями,
Где слезы, слезы
Текли по железу
¹³¹⁰ В битве над крутнями Скамандра!

Электра, Гермиона

Х. – Но тише, тише! Слышатся шаги
По дороге, вьющейся к нашему дому.
Э. – Милые женщины, тише, тише:
Это к убийству подходит Гермиона,
¹³¹⁵ Входит прямо в раскинутые сети:
Если добыть ее – славная добыча.
Станьте покойно, укротите взоры,
Пусть румянец ничего не выдаст.
Я тоже потуплю скорбные очи,
¹³²⁰ Как будто не знаю о том, что случилось.
– Девушка, ты почтила Клитемнестру
И венками, и надгробным возлияньем?
Г. – Да, ублажила. Но я в испуге:
Хоть я и была далеко от дома,
¹³²⁵ Мне послышался крик из царского чертога.
Э. – Как же не плакать по нашей доле?
Г. – Ты утешно молвишь; но что случилось?
Э. – Орест и я осуждены к смерти.
Г. – Да не будет так! Вы – мои родные.
¹³³⁰ Э. – Издан указ, и мы – под игом.
Г. – Оттого-то и шум под этим кровом?
Э. – Это он просителем припал к Елене.
Г. – Кто? Не знаю, пока не скажешь.
Э. – Бедный Орест за нас за обоих.
¹³³⁵ Г. – Был его крик за праведное дело.
Э. – За что же еще и рваться в крике?

Но войди ж и ты, соучастуй в просьбе,
Пади заступно пред матерью своею,
Да не узрит Менелай нас мертвых.
¹³⁴⁰ Моя мать вскормила тебя на лоне —
Пожалей же, вызволи из невзгоды,
Вступишь за нас, последуй за мною,
Ты – последняя наша надежда.
Г. – Смотри: я вхожу в палаты.
¹³⁴⁵ Чем сильна, тем и буду в помощь.
Э. – Эй, вы, в дому, держите добычу!
Г. – Боги! кто это?
О. – Молчи: ни слова!
Не себе, а нам ты несешь спасенье.
Э. – Держите: держите! меч ей к горлу!
¹³⁵⁰ Пусть Менелай хорошо запомнит,
Что здесь – бойцы, а не рабы-фригийцы,
И примет кару, достойную слабых.
Х. – Эй, эй, подымайте шум, шум с.
Перед домом, пока борьба
¹³⁵⁵ Видом крови не устрасит аргивян!
Пусть не сбегаются на помощь
Прежде, чем Еленин труп
Не увижу я в крови
Или не услышу из уст надежных:
¹³⁶⁰ Ведь иное дело знать, иное верить.
Правое сбылось
Мщение богов над Еленою:
Ибо слезы лила Эллада,
Когда с многопагубным Парисом
¹³⁶⁵ Увлекла она эллинов под Трою.

Электра, хор, Фригиец

Х. – Но тише: гремят во дворце засовы,
Это выходит кто-то из фригийцев:
От него узнаем, что было в доме.
Ф. – Я бежал от клинка аргивского,
¹³⁷⁰ По стропилам войлочными подошвами
Меж точеных прокрадываясь выбоин,
Только бы прочь, прочь, прочь!
Но куда убежать мне, варвару?
¹³⁷⁵ Горе мне, чужеземки!
В светлом ли эфире,
В море ли, тесно схваченном
Океаном о бычьем черепе,
Отыщу я землю?
¹³⁸⁰ Х. – Фригиец, раб Елены, что случилось?

Ф. – О, Илион, Илион,
Город над плодной Фригией,
Кручи священной Иды,
1385 Плачу над вами
Азиатским напевом
О ней, лебединородной
Дочери Леды,
Злопрекрасной Елене, —
Ах! – Эринии
1390 Пергамских Фебовых стен,
И о нем, наложнике Зевса,
Ганимеде,
Конная Дардания, плачь, плачь!
Х. – Нескладное твердишь: скажи яснее!
1395 Ф. – Айлинон, айлинон! древний зачин
Варварских песен
Над царскою кровью, о! о!
Железным мечом пролитой
В сени айда!
1400 Поведу рассказ чередом:
Два эллинских львенка явились в дом —
Первый – сын полководного отца,
Второй – сын Строфия, молчун и хитрец,
Новый Одиссей,
1405 Верный друзьям, лютый к врагам,
Свычный в битвах, как ярый змей,
Тихий злоумышленник, сгинь, злодей!
Входят к трону, на троне она,
Лучника Париса браная жена,
1410 У обоих на глазах – слезы.
Сели смиренно,
Слева один, справа другой,
Оба друг другу в помощь.
Обняли, обняли колени Елене
1415 Оба;
Встали мы, встали мы в тревоге кругом,
Мы, фригийцы,
И переговариваемся, нет ли тут
Хитрых ков.
1420 Один говорит, что нет, другой —
Что облегал ее, оплел ее со всех сторон
Змий-матереубийца.
1425 Х. – А ты где был? или в страхе стыл?
Ф. – Фригии, Фригии помня устав,
Веял я, веял я вокруг кудрей
И ланит Елены, Елены
Кольчатым опахалом —

1430 Так у нас водится, —
А руки ее перстами
Скрученную ввивали
Нить на веретено
Из падавшей наземь пряжи:
1435 Это она из фригийских добыч
Соткать хотела льняную ткань,
Багрец на гроб Клитемнестры.
И так Орест сказал тогда лаконянке:
«Зевсова дочь, встань,
1440 Ступай за мною к Пелопову очагу,
Седалищу древних предков,
Чтоб выслушать мои речи».
Он повел ее, он повел ее, и она за ним,
1445 И ни слова – зачем.
А клевет его, злой фокидянин,
Разгонял нас прочь:
«Не толпитесь, зловредные фригийцы!»
И кого в конюшню, кого в горницу, кого куда, —
1450 Разогнал нас прочь от царицы.
Х. – И что же за несчастье приспело?
Ф. – Мать, мать Идейская,
Мать, могучая, могучая,
1455 Смертные страсти, безбожные напасти
Видел я, видел я в царственных палатах.
Из складок пурпура
Мечи повыхватив,
Кинув взгляд,
Не видит ли кто, —
1460 Как горные вепри,
Встали на царицу:
«Умрешь, умрешь,
Нечестивый погубил тебя муж,
Выдав на смерть братнина сына!»
1465 Ах, и как она плакала, плакала,
Била белой рукою в грудь,
Била тяжким ударом в лоб —
Ускользала, золотообутая;
1470 Но Орест в сапоге микенском,
Ей хватившись в светлые кудри,
Ей нагнувши голову влево,
Черный меч уже метил в горло...
Х. – А вы, фригийцы, к ней не поспешили?
Ф. – С криком выбив косяки и двери,
Сбив засовы, кто откуда,
1475 Все на помощь со всего дома,
Этот с камнем, этот с дротом,

А иной и с мечом —
но нам навстречу
Пилад непреклонный, словно, словно
¹⁴⁸⁰ Гектор фригиец и Аянт трехшлемный,
Каким он рвался в Приамовы ворота.
Сшиблись мечи в мечи,
Ярко бились, пока Арес
¹⁴⁸⁵ Не унижил нас эллинскими копьями.
И тогда-то кто мертв, кто в бег,
Кто ранен, кто молит о пощаде —
Спаستись от смерти —
Разбежались мы в темные прибежища:
Кто шатался, кто падал, кто лежал.
¹⁴⁹⁰ Тут вошла Гермiona в дом
К телу матери на земле
И увидела себя сиротою.
А те,
Как вакханки в пляске без тирсов,
Рвать хотели тело, как львицу гор —
Вновь Зевсову дочь на растерзание.
¹⁴⁹⁵ А Елены в тереме нет,
В доме не видно —
Зевс! твердь! свет! ночь! —
Зельями ли, волхвованьями ли —
Нет Елены.
Что дальше – не знаю:
Я прочь прокрался из дома.
¹⁵⁰⁰ Тщетно, тщетно
Многих премногий труд
Вытерпел Менелай под Троею
За жену Елену.

Орест, Фригиец

Х. – Но я вижу новое новому вслед:
Неверными шагами, с мечом в руке
¹⁵⁰⁵ Орест из дворца выходит.
О. – Где тот раб, который из дома бежал от моего меча?
Ф. – Я простерт перед тобою ниц, как все мы, варвары.
О. – Ты не в варварском Илионе, здесь Аргосская земля.
Ф. – Но и там и тут разумному лучше жить, чем умереть.
¹⁵¹⁰ О. – А не ты ли Менелая звал на помощь во дворец?
Ф. – Всех я звал тебе лишь в помощь: ты ведь был почти один.
О. – Полагаешь, Тиндарида умерла заслуженно?
Ф. – Будь три шеи у злодейки – все их перерезал бы.
О. – Это ты лишь мне в угоду говоришь из трусости.
¹⁵¹⁵ Ф. – Две страны она сгубила и по праву казнена.

О. – Поклянись под страхом смерти, что не льстишь в угоду мне!

Ф. – Всей душой тебе клянуся, что я чист перед тобой!

О. – Так ли эллинский меч под Троей повергал фригийцев в страх?

Ф. – Убери свой меч подальше: слишком страшно он блестит.

¹⁵²⁰ О. – Перед ним, как пред Горгоной, ты боишься камнем стать?

Ф. – Про Горгону знать не знаю, только страшно умереть.

О. – Ты ведь раб, ты должен в смерти ждать освобождения!

Ф. – Будь ты раб или свободный, сладко видеть солнца свет.

О. – Славно сказано. Ты спасся! Уходи к себе домой.

Ф. – Не казнишь меня?

О. – Прощаю.

¹⁵²⁵ Ф. – Превосходно сказано!

О. – Впрочем, нет, я передумал.

Ф. – А вот это ни к чему.

О. – Ты глупец: твоею кровью я меча не оскверню.

Ты недаром не мужчина и не женщина меж нас.

Для чего ты этим криком меня вызвал из палат?

¹⁵³⁰ Право, шум такой слышав, целый Аргос будет здесь.

Не боюсь я Менелая, не боюсь и его меча —

Пусть придет себе, как щеголь, кудри русые до плеч.

Если ж он захочет Аргос за собою привести,

Чтобы мстить за смерть Елены, никого не пощадив,

¹⁵³⁵ Ни меня, ни сестру, ни Пилада – всех троих поборников, —

То, клянусь, с Еленой рядом Гермiona ляжет здесь!

Х. – Увы, увы! Новая борьба, *a.*

Новый дом

Рушится над родом Атридов!

– Что же мы, что же нам? Кликнуть по городу?

Или молчать?

¹⁵⁴⁰ – Лучше молчать.

– Смотри: к чему бы

Подымается дым пред домом?

– Это факелы: жечь Танталов дом —

Нет конца убийствам.

¹⁵⁴⁵ – Смертным бог кладет конец

Там, где хочет класть конец.

Бог могуч: чрез демона-мстителя

Рушит дома в потоках крови

С той поры, как пал Миртил с колесницы.

Орест, Менелай

Х. – Но я вижу Менелая, поспешающего к нам.

¹⁵⁵⁰ Он торопится, как будто обо всем уже узнал.

Не задвинуть ли засовы? не закрыться ли в дому?

Страшно, если наступает человек удачливый

На того, кто злополучен, как несчастный наш Орест.

М. – Я пришел на страшные вести:

¹⁵⁵⁵ Два здесь льва, не два человека!

Я слышал странные слухи,

Что Елена не убита, а исчезла.

Эту вздорную сплетню

Кто-то мне сказал с перепугу,

¹⁵⁶⁰ А пустил ее матереубийца

Людам на смех. Отворите засовы!

Настежь двери! Дочь Гермionу

Вырву я из рук смертоносных

Вместе с телом жены моей несчастной,

¹⁵⁶⁵ А те, кто ее погубили,

От моей руки погибнут оба.

О. – Эй, подальше руки от запоров!

Тебе говорю, Менелай надменный!

А не то я на голову тебе сброшу

¹⁵⁷⁰ Зубец крыши, плотникову работу.

Двери на запорах —

Чтобы ты не вторгся своим на помощь.

М. – Что я вижу? Факелы сверкают,

Злодеи встали на крыше дома,

¹⁵⁷⁵ И меч приставлен к дочерину горлу.

О. – Хочешь спрашивать или хочешь слушать?

М. – Ни то, ни другое, но придется слушать.

О. – Так слушай: дочь твоя будет убита.

М. – Убив Елену, убьешь Гермionу?

¹⁵⁸⁰ О. – О, если бы боги не отняли Елену!

М. – И не стыдно отпираться и насмехаться?

О. – Отпираюсь с досадой. Если б мог я...

М. – Что? Меня обымает ужас.

О. – ... свергнуть в Аид мучительницу Эллады!

¹⁵⁸⁵ М. – Отдай мне тело жены для погребенья!

О. – Проси богов. У меня лишь дочь.

М. – Зарезав мать, режешь без счета?

О. – Мшу за отца, преданного тобою.

М. – Мало тебе материнской крови?

¹⁵⁹⁰ О. – Казнить дурных – рука не устанет.

М. – И ты, Пилад, – пособник убийства?

О. – Молчанье – знак согласия, верь мне.

М. – Не радуйся, ты не улетишь отсюда.

О. – Не улечу, но спалю палаты.

¹⁵⁹⁵ М. – И тебе не жалко отчего дома?

О. – Чтобы тебе не отдать – не жалко.

М. – Что ж, убивай! расплаты не минуешь.

О. – Да будет так.

М. – Нет, оставь, не надо!

О. – Молчи, терпи, страдай по заслугам.

М. – А ты заслужил свою жизнь?

¹⁶⁰⁰ О. – И царство.

М. – Какое царство?

О. – Пеласгов Аргос.

М. – И омоешь руки?

О. – И омою руки.

М. – И заколешь жертву?

О. – Тебя не хуже.

М. – Я чист руками.

О. – И нечист душою.

М. – Кто тебе товарищ?

¹⁶⁰⁵ О. – Кто любит отца.

М. – А мать?

О. – Кто любит мать, тот счастлив.

М. – А ты не любишь.

О. – Не люблю недостойной.

М. – Убери свой меч!

О. – Напрасные речи.

М. – Ты убьешь мою дочь?

О. – А вот это правда.

М. – Что мне делать?

¹⁶¹⁰ О. – Моли аргивян.

М. – О чем молить?

О. – Чтобы нас не казнили.

М. – Иначе убьешь мою дочь?

О. – Конечно.

М. – Бедная Елена!

О. – А я не бедный?

М. – Я вез тебе жертву из Фригии...

О. – Мне ли?

М. – Не жалел трудов...

¹⁶¹⁵ О. – Из-за меня ли?

М. – Много вытерпел...

О. – По заслугам.

М. – Я в руках твоих...

О. – Так тебе и надо.

Пора, зажигай дворец, Электра!

А ты, Пилад, из друзей вернейший,

¹⁶²⁰ Поднеси факел к зубцам на крыше.

М. – О данайская конная земля,

О зиждители Аргоса, к нам, с оружием!

Вашему городу грозит Орест,

Убивший мать свою, чтобы выжить.

Аполлон, Орест, Менелай

¹⁶²⁵ А. – Менелай, смири бушующий Дух:

Так велю я, Феб Аполлон.

И ты, Орест, заносащий меч,

Сдержись и выслушай божью речь.

Ты хотел Елену убить

¹⁶³⁰ Назло Менелаю. Напрасный труд!

Ты видишь: в глубях светлых небес

Она жива и навек спасена —

По воле Зевса, нашего отца,

Я ее выхватил из-под меча.

¹⁶³⁵ Она – дочь Зевса, ей смерти нет:

В небесах, где Кастор и Полидевк,

Она воссядет спасать пловцов.

Тебе, Менелай, – другая жена,

А эту боги с ее красотой

¹⁶⁴⁰ Послали зажечь меж смертными рознь,

Чтоб распря эллинов и троян

Сняла с земли дерзновенный груз.

Такова судьба Елены. А ты,

Орест, уйдешь из этой земли,

¹⁶⁴⁵ Пробудешь в Паррасии целый год,

И это место в память тебя

«Орестеем» жители назовут.

Оттуда в Афины проляжет путь,

Ты дашь ответ за материнскую смерть

¹⁶⁵⁰ Перед ликом трех Евменид.

Боги тебе на Аресовом холме

Окажут помощь: ты выйдешь прав.

А та, над которой ты держишь меч,

Гермиона – будет тебе женой.

¹⁶⁵⁵ О ней помышляет Неоптолем,

Но того не будет: дельфийский меч

Его сразит за Ахиллов грех.

Пилад помолвлен с твоей сестрой —

Жени их, и счастлив будет их брак.

¹⁶⁶⁰ Оресту Аргос отдай, Менелай,

А сам цари над спартанской землей,

Приданным жены, над которым ты

Столько несчетных приял трудов.

Я повелел ему убить мать —

¹⁶⁶⁵ И я восстрою Аргосский град.

О. – О вещий бог, нелживый в вещаньях,

Как я страшился, что это мстящий

Демон внушал мне твои веленья

Божьим голосом, – но все ко счастью!

¹⁶⁷⁰ Я повинуюсь твоему слову,

Из-под ножа отпускаю Гермionу

И у отца прошу ее в жены.

М. – О дочь Зевса, радуйся, Елена,
Ныне воссевшая в божьем доме!

¹⁶⁷⁵ Тебе, Орест, по вещанью Феба
Вручаю дочь, и будь нам на счастье
Брак благородного с благородной.

А. – Ступайте каждый, куда повелено,
Забыв раздоры.

М. – Покорно слушаюсь.

¹⁶⁸⁰ О. – И я покорен твоим вещаниям,
О Феб, и дружеству Менелаеву.

А. – А ныне – в путь, чтоб вовеки чтить
Богиню Мира превыше всех.

А я Елену внесу в чертог

¹⁶⁸⁵ Вышнего Зевса средь звездных искр:

Там, где Гера и где Геракл
С юной Гебой, воссядет она
Богиней людям, достойной жертв,
Спасающей плователя в беде,

¹⁶⁹⁰ Как братья ее Диоскуры.

Х. – А ты, благая Победа, будь

Добра к певцу,

Венком венчав его кудри.

СОНЕТЫ

Переводя Донна, нужно было добиться двух мешающих друг другу целей. Во-первых, сонет – строгая форма, в напоминание об этом хотелось сохранить более ровную длину строк, единство окончаний, твердый ритм. Во-вторых, сонет Донна – это барокко, пафос диалектической связности, ради этого хотелось сохранить громоздкие сложносочиненные предложения, не рассыпая их в романтическую дробность. Когда эти тенденции сталкивались, вторая перебивала, синтаксис сминал ритм. Заглавия сонетам даны условно, чтобы легче было следить, как Донн искусно перетасовывает три большие темы: внешнюю (смерть и Суд: 2, 4, 6, 7, 9, 10), внутреннюю (грех и покаяние: 1, 3, 5, 8), разрешающую (любовь и Христос: 11–16); последние сонеты, 17–19, добавлены к циклу позднее.

ДЖОН ДОНН Священные сонеты

¹ <Бог>

Ты меня создал – Ты ли и сокрушишь?
Восставь меня, ибо близок мой конец:
Я к смерти мчусь, смерть мчится ко мне,
А все мои радости – как вчерашний день.

Страшно мне поднять помутившийся взгляд:
Отчаянье за спиной моей, а предо мною – смерть,
В них – ужас, и точит мою слабую плоть
Грех, и груз его – тяга в ад.

Ты один – в выси, и когда хватает сил
Взглянуть в Твою высь, я выпрямляюсь вновь;
Но пытается меня старый лукавый враг,
И ни часа не в силах я быть тем, чем есть.

Окрыли меня благодатью во спасенье от ков
И сталь сердца моего обрати в алмаз.

² <Плен>

По всем статьям я отписан Тебе,
Ибо, Господи, сотворил меня Ты,
Сотворил для Себя, а когда я изгнул насквозь,
Ты кровью Своей откупил Свое же добро.

Я – сын Твой, и отблеск Твой – на мне;
Слуга Твой, которому плачено вперед;
Овца Твоя; образ Твой; и пока я – Твой,
Я – храм Твой, в котором Твой божественный дух.

Почему же на меня посягает враг?

Почему идет на кражу, идет на взлом?
О, встань, поборая за право Творца,
И да не отчаюсь я, вдруг узрев,

Что Ты любишь нас, но не выберешь меня,
А дьявол ненавидит, но не выпустит меня.

³ <Жизнь>

О, воротить бы мне в глаза и в грудь
Каждую траченную слезу и вздох,
Чтобы я в святой тревоге сменил
Праздную скорбь на плодную скорбь!

Идолам служа, сколько мук я окупил
Сердцем, сколько ливней излил из глаз!
Страдание было моим грехом,
И вот за страданье я страдаю вновь.

Жаждающий, пропойца, неспящий вор,
Зудный блудодей, щекотливый гордец
Умягчают памятью былых отрад
Наставшее горе; и только мне

Вызволенья нет: безмерная боль —
И причина, и следствие, и грех, и казнь.

⁴ <Душа>

Душа моя черная! На тебя встает
Вестник и поборник смерти, недуг.
Ты – как странник, бежавший от вины
И которому нет обратного пути;

Ты – как вор, что рвется вон из тюрьмы,
Пока не прочитан последний приговор;
Но как названа смерть и назначен срок,
Он ищет защиты у тех же стен.

Покайся – и не минет тебя благодать;
Но без благодати – и каянья нет.
О, будь черна, но черна святой тоской
И красна стыдом, как была – грехом;

Или нет: омойся в Христовой крови,
И из красной купели выйдешь бела.

⁵ <Мир>

Я – малый мир; и во мне свились
Четыре стихии и ангельский дух;

Но черный грех и его, и их
Предает на смерть в бесконечную ночь.

Вы, открывшие за высью небес
Новые сферы и новый простор,
Влейте мне в очи ваши новые моря,
Чтобы я потопом оплакал мой мир

Или потоком его омыл.
Но нет: его ждет не потоп, а пожар,
А он уже выжжен сквозь похоть и злость
И стал лишь скверней. Отгони же их огни

И сожги меня, Господи, в ревнительном пылу
О Тебе и Твоем доме, – ибо жар сей целит.

⁶ <Грань>

Последний акт моей драмы; верста
Последняя странничьего пути;
Тщетной скачки последний прыжок,
Последний вершок; минуты последний миг, —

И расторгнет во мне пожирающая смерть
Душу и плоть, и настанет дальний сон,
А бдящая часть моя узрит тот Лик,
Пред которым и днесь сотрясает меня страх.

И когда душа взлетит в родную высь,
А земная часть в земной воротится дом,
Будь каждому свое: вы, давящие грехи,
Исчадия ада, ниспадите в ад.

Чаю оправдания, избывши зло —
Ибо «нет» говорю я вам: мир, плоть, бес.

⁷ <Суд>

По мнимым углам округлой Земли
Трубят ваши трубы, о ангелы, и встают
Из смерти несчетные тьмы и тьмы
Душ, облекаясь в прах своих тел.

Вы, кого пожар и кого потоп,
Голод, годы, горе, война, тиран,
Кого случай скосил и кого закон,
Вы узрите Господа, и смерти вам нет.

Но продли им, Боже, сон, и продли мне плач,
Ибо больше греха на мне, чем на них,
И поздно молить о благодати Твоей

В тот час неземной; научи же меня здесь

Покаянью; и будь на прощенье моем
Твоя, Господи, кровь, как красная печать.

⁸ <Отец>

Если праведные души во славе своей
Ангелам равны, то и мой Отец
Видит с небес и блаженствует вдвойне,
Как смело я шагаю над жерлом твоим, ад.

Но если даже им раскрывается наш дух
Лишь косвенными знаками и видима в нас
Наружная явь, а не мгновенная суть, —
Белизну моей правды постигнут ли они?

Они видят: любовник о идоле своем
Источает слезы, богохульник зовет
Господа в свидетели, фарисей
Лицемерно набожничает. О, душа,

Обратись же ко Господу: лишь Ему твоя скорбь
Зрима, – ибо Сам Он вложил ее мне в грудь.

⁹ <Грех>

Ядовитый камень, древесный плод
Нас, еще несмертных, бросающий в смерть,
Похотливый козел, завистливый змей —
Все бессудны пред Тобою, а я – судим?

Разум ли мой или воля моя
Делает неравным мой равный грех?
Милость легка, и ею славен Господь;
Почто же на мне Его грозный гнев?

Но кто я, кто, что дерзаю во спор,
Господи, с Тобою? Не Твоя ли кровь
И не слезы ли мои слились, чтобы смыть
Небесною Летою мой черный грех?

«Помни!» – как о долге, Тебе твердят;
А я, как о милости, молю: «Забудь!»

¹⁰ <Смерть>

Смерть, не гордись, что тебя зовут
Страшной и мощной: ты не такова.
Те, кого тщеславишься ты попрасть,
Бессмертны, жалкая; и бессмертен – я.

Твои подвобия, покой и сон,
Источают отрады, а ты – вдвойне;
Все лучшие наши спешат к тебе:
Ты – отдых плоти их и воля душе.

Над тобой – рок и случай, злодей и царь,
Дом твой – отравы, война, болезнь;
Но и мак и наговор усыпят нас верней,
Чем твой удар; так о чем же твоя спесь?

Ненадолго наш сон, а бдение – навек;
Там – не будет смерти: там – смерть тебе, Смерть.

¹¹ <Христос>

Плюйте в лицо мое, пронзайте мне бок,
Избичуйте, осмейте, взвездите на крест, —
Ибо грех – на мне, грех – на мне, а Он,
Не умевший неправды, умер за меня.

Но и смерти мало для моей вины:
Нечестивее мой грех, чем жидовский грех:
Ими – бесславный единожды, а мной —
Воссиявший во славе повседневно казним.

Дайте надивиться мне чудной Его любви!
Царь лишь милует нас, а Он принял нашу казнь.
Так Иаков облекся в косматый мех, —
Но его в заемный облик влекла корысть;

А Господь облекся в брENNую плоть,
Лишь чтоб слабостью подпасть под смертную боль.

¹² <Тварь>

Почему нам, малым, служит всякая тварь?
Почему все стихии мне и жизнь и корм
Расточают вволю? Ведь они меня
И чище, и проще, и святей!

Зачем ты клонишься, незнающий конь?
Зачем так бессмысленно, кабан и бык,
Ваша мнимая слабость дается под удар
Тем, чья вся порода – на один ваш глоток?

Я слабей вас (горе мне!) и хуже вас —
Ибо вы не грешили и страх вам чужд;
Но есть чудо чудеснее, чем то, что нам
Тварная природа покоряет тварь, —

Ибо сам безгрешный и бессмертный Творец
За нас, тварей, нас, врагов Своих, принял смерть.

¹³ <Срок>

А вдруг эта ночь – последняя в бытии?
О душа моя! В сердце, где твое жилье,
Выпечатлей образ распятого Христа
И скажи, ужасен ли этот Лик,

Чьи слезные очи источают дивный свет,
Чей лоб в струях крови от терновых ран:
Этот ли язык тебя аду обречет,
Моливший о прощеньи злобе лютых врагов?

Нет, как каждой подруге твердил я встарь,
Идолопоклонствуя земной любви:
«Красота – знак милосердия, мерзость – знак
Бессердечия», – так я ныне Тебе

Твержу: злые силы – и на вид темны,
А где светел Лик – там милостив Дух.

¹⁴ <Борьба>

Бей в мое сердце, трехликий Бог!
Этот взлом, вздох, свет, – он волеет мне сил
Восстать над собой и попать себя,
Чтоб Твой горн, мех, млат вжег мне новую жизнь.

Я – как город, в котором враг,
Я рвусь впустить Тебя, но нет, не могу:
Разум, Твой наместник, был мне оплот;
Но он – в плену, он – неверен, он – слаб.

Я Тебя люблю, я хочу Твоей любви,
Но я отдан в обет Твоему врагу;
Разлучи нас, разорви, разруби нашу связь
И похить меня к Себе, в небесный острог,

Ибо в узах Твоих – свобода моя,
И моя чистота – под насилием Твоим.

¹⁵ <Выкуп>

Рвешься ль ты о Господе, как Он – о тебе?
Уясни тогда, душа моя, целебную мысль:
Бог-Дух, кого ангелы небесные поют,
Свой храм утвердил в твоей земной груди;

Бог-Отец, от кого рожден блаженный Сын

(И вечно рождается, ибо начала Им нет),
Снизолел избрать тебя Себе в сыновья,
Сонаследником славе и субботе Своей;

И как обокраденный свое добро
Должен, сыскав, потерять или откупить,
Так Сын Его славы сошел на казнь
Вызволить нас, тварь Свою, из краж Сатаны.

Дивно, что был человек как Бог;
Но пуще – что Бог стал как человек.

¹⁶ <Завет>

Отче! долей прав на царствие Твое
Сын Твой делится с малым мной:
Он, совместник Троицы, тройного узла,
Дарит мне победу, поправшую смерть.

Агнец, чья смерть даровала миру жизнь,
Он, закалаемый от начала веков,
Двумя Заветами отписал свое
И Твое наследство Твоим сынам.

Но строг Твой устав, и не молкнет спор:
Посильны ли условия людским трудам?
Пусть и нет, – но кого буквой убил Закон,
Духом воскрешает целящая Благодать.

Твой краткий закон, твой последний завет
Есть рубеж любви; о, да властвует любовь!

¹⁷ <Любовь>

С тех пор как та, кого я любил,
Роду и природе отдала последний долг,
И добро мое – в гробу, и душа ее – в раю,
Мой ум вперяется лишь в небесную высь.

Обожает он – ее, а рвется – к Тебе,
Господи, к Тебе как к истоку струй;
И я Тебя нашел, и Ты меня напоил,
Но святая жажда меня плавит вновь и вновь.

Можно ли искать полнейшей любви?
Ты сосватал наши души, все приданое – Твое;
Но Ты боишься, что расточу
Я любовь мою вышним ангелам и святым;

И больше: Ты тревожно и нежно ревнив,
Что Тебя теснят из нас – мир, плоть, бес.

18 <Церковь>

Яви мне, Иисусе, невесту Свою
В свете и блеске! На чужом берегу
Не она ли красна? Не она ли в нищете
Страждет и стонет в Германии и здесь?

Спит тысячу лет и пробуждается в год?
Истинная – и блуждает? Новая – вдруг стара?
Прежде, ныне, после – явлена ли она
На холме? на семи? или вовсе не на холмах?

С нами она? или мы ее должны,
Рыцарски странствуя, доискаться для любви?
Добрый супруг, открой нам лик жены,
К горлице Твоей влюбленную мою душу взвей, —

К той, что тем вернее и милее Тебе,
Чем боле отдается в объятия всех.

19 <Покаяние>

Два несходства сходятся меня терзать:
В непостоянстве зачато постоянство мое.
Против естества и воле вопреки
Переменчива моя благость, переменчив обет.

Покаянье мое – как мирская моя любовь,
Забавно и забвенно в недолгий час:
В нем ни веса, ни меры; в нем холод и жар;
Мольба и немота; бесконечность и ничто.

Вчера я не взглядывал в небо; а теперь
Обхаживаю Господа в лесте и мольбе;
А завтра трясусь пред Его жезлом.
Эти приступы веры – как прибой и отбой

Вздорной горячки; но знаю я одно:
Тем лучше мне день, чем больше во мне страх.

ЭЛЕГИИ, 1

Это переводы с русского на русский. Когда-то мне пришлось писать статью о композиции элегий пушкинского времени. Это оказалось очень трудно по неожиданной причине. Я перечитывал по многу раз давно знакомые стихи и ловил себя на том, что, дочитав до середины страницы, не могу вспомнить, о чем была речь в начале: стихи были так плавны и благозвучны, что убаюкивали сознание. Чтобы удержать их в уме, я стал, читая, пересказывать их про себя верлибром. Верлибр не заглушал, а подчеркивал содержание: можно стало запомнить последовательность тем и представить себе план лирического стихотворения. Когда через много лет я задумался о возможности конспективных переводов, я вспомнил это мысленное упражнение и попробовал сделать его письменно. Пусть это не покажется только литературным хулиганством. Во-первых, мне хотелось проверить: что остается от стихотворения, если вычесть из него то, что называется «музыкой»? Мы читаем мировую поэзию в переводах, о которых нас честно предупреждают, что передать музыку подлинника они бессильны; как относится то, что мы читаем, к тому, что было написано на самом деле? Вот так, как предлагаемые стихотворения к тем, которые мы читаем в собраниях сочинений русских романтиков. Во-вторых, мне хотелось дать себе отчет: что я сохраняю из подлинника XIX века, что мне кажется художественно живым и выразительным, а что вялым, многословным и надоевшим? Мы любим притворяться, что нам близко и дорого все, все, все, – а на самом деле? Нам говорят: переводы нужно делать так, чтобы они вызывали у нас те же художественные эмоции, какие оригинал вызывал у своих первых читателей. Я попробовал придать этому переложению такую степень формальной новизны, какую, по моему представлению, имели романтические элегии для первых читателей. Я получил картину своего художественного вкуса: как мало я вмещаю из того, что мне оставлено поэтами. Одну четвертую или шестую часть – как если я читаю на малознакомом языке без словаря. Картина эта мне показалась очень непривлекательной, и мне это было полезно. Было бы интересно сверить ее с картиной вкуса моих ближних и решить, что здесь от общего нашего времени, а что от моей личной душевной кривизны. При всех сделанных сокращениях я ничего не вносил от себя и пытался сохранить, не огрубляя, стиль подлинника – настолько, насколько я им владел. Это оммаж поэтам, которых я люблю, но без того панибратства, которое было у Эзры Паунда. Я даже старался почти в каждом переводе сохранить дословно строку или полторы из подлинника – чтобы легче было сравнивать. Заглавия этих стихотворений в подлинниках – «Мечта», «Вольное подражание св. Григорию Назианзину», «Вечер», «Любовь одна...», «Поверь, мой милый друг...», «Осень», «Гебеджинские развалины», «Гений», «К моему гению», «Уныние», «Уныние», «Элегия». Цифры на полях, как везде, показывают, сколько строчек получилось из скольких.

Мечта ^{35/211}

Где ты ищешь счастья, моя богиня?
Грозные скалы, шумные бури,
Задумчивые закаты,
Благоуханные рощи над воспетыми берегами.
Воротись, я жду
Ночью, в тишине, у лампы, горестный,
Уносясь мечтою
В дикий север, к туману и океану:
Скалы, лес, луна в облаках,

Пышущие костры,
Хриплым арфам внемлют воины над щитами,
Дух героя над тризной взлетает ввысь
В радужные раздолья храбрых.
Я там был, в тех каменных дебрях,
Ветер, град и дождь били в кровлю хижины, —
Ты спасала меня и там,
Как спасаешь гонимых, скудных, слабых:
Узник, цепи, каменный свод,
Пук соломы, кувшин, бледный свет в решетке,
Но он ясен и тверд:
Кто сердцем прав, того ты не покинешь.
Друг в могиле, но память смыкает души.
Милой нет, но сон ласкает сладострастьем,
И поэт мечтой побеждает смерть.
Тщетны мудрецы меж обломков жизни,
Им весна без радости и лето без цветов, —
Но весне и лету жизни спешит конец,
Отлетают сны и вянут цветы,
Тусклым светом дрожит светильник опытности,
И могила зияет черным ртом.
Пусть!
Слава – дым, и золото – прах,
Драгоценны сердцу – покой и воля,
И кому их осенила мечта —
Ночью, в хижине, у лампы, – счастлив.

Батюшков

Жизнь 33/62

Целительно беседовать с душою.

Дремлет тишина,
Дышит весна,
Лес, журчанье ручья, цветы и птицы,
Догорающий пламень дня
Утоляют меня,
Но я медлю рассеять мое горе:
Печаль дорога душе.

Что я есмь? что я был? что я буду? – Не знаю:
Я лечу ниоткуда в никуда
В дымном облаке обманчивых чувств,
В лживом сне,
В безысходном круге.
Та волна, что была в лицо пловцу, —
За его спиною уже не та.

С кем я встретился и расстался на пути, —
В новой встрече мне будет как чужой.
Как далек вчерашний день и вчерашний я!
Доживу ли я до ближнего утра,
И кем проснусь?

Я – как та волна:
Льюсь – стремлюсь – исчезну навсегда —
Навсегда ли?
Нынче – жив, завтра – прах, а после завтра?
Тайна скрыта,
Но душа трепещет надеждою —
От кого?
Кто облек тебя, душа моя, в мой труп?
Сбрось цепь,
Слей свой пламень с небесным пламенем,
И не станет тайн.

Страх исчез —
Смерклась ночь, но просветлело сердце.

Козлов

Дружба ^{39/92}

Вечер,
Поля уже в тени,
В багряном блеске лес над зеркалом воды,
С золотых холмов стада бегут к реке,
К дому гребет рыбак,
По неровным бороздам отъезжает пахарь,
Меркнут облака, угасают струи,
В тростнике последний плещет ручей,
Дышат травы и колышутся листья,
Из дубравы всплакался соловей.
Встал полумесяц,
Искрами осыпался в волны,
Бледным блеском рассеялся по листве
Над моей печалью.

Отошла весна моих дней,
Иссякают струи юной радости,
Расточается дружный круг:
Песни и пиры, огонь души, клятвы братства.
Погибли призраки волшебных заблуждений:
Всяк своей тропой, со своей печалью,
И уже один отцвел, как минутный цвет,
И безвременный гроб его оплакан,

И уже другой – но ни слова...
Каждому свой путь,
Честь, и лесть, и улыбка света,
Но в памяти живут
Дружба, любовь и Музы:
Дерзнем ли мы друг другу чужды быть?

Мне брести неведомою стезей,
Мне любить тишину природы,
Сумрак роц, плеск струй и дыханье Муз,
Чтобы петь Творца, друзей, любовь и счастье.
И когда за вечером встанет утро,
И туман в полях,
Голубые роци под первым солнцем,
Пусть поэт до птиц,
Лиру согласив с свирелью пастухов,
Поет светила возрожденье, —
Но долго ль, и когда мой час?

Жуковский

Любовь 12/56

В розах любви – счастье,
В терниях любви – песня:
Будьте блаженны, будьте бессмертны —
Я люблюсь вами, любовники и певцы.

Я люблюсь вами из сумрака,
Из седого шума дубрав и волн,
Из холодного сна души, —
Слишком много боли:
В мертвом сердце мертва и песня,
Слабый дар отлетает, как легкий дым.

А любовь —
Пусть поет ее любящий и любимый.

Пушкин

Ободрение 7/36

Несчастливцы – мы богаче счастливых.
Счастье – лень, счастье – праздность, счастье – скука.
Лишь в ненастье волна узнает берег,
Где опора – друг,
И целенье, пусть краткое, – подруга.

Не равняйте нас: праведные боги
Им дали чувственность, а чувство дали нам.

Баратынский

Разочарование 16/68

Яркою бороздою прорезать время,
Пожать золотые колосья бессмертья —
Нет мне славы на этой меже,
Порастет забвеньем моя могила.

Быть врагом тирану и братом жертве,
Пировать любовью и ласкаться дружбой —
Нет мне счастья на этой стезе,
Чашу отрад отравляют слезы.

Недозревши отцвели наслаждения,
Светлые сокровища расточились,
Грядущее с прошедшим разочлось,
Где бесчестен бой, там не радуется победа.

В сумраке уныния гаснет юность,
Минули обманы, уснули раны,
Полдень крадется в тишине,
Труд мне благо, и Муза – моя надежда.

Вяземский

Осень 8/36

Рощи, ручьи, цветы, переклички птичьи —
Где вы?
Ветер сквозь вечер, и зима приходит, как старость,
Молча.
Я не печалюсь: утро взойдет, и весна откроет очи,
Вспыхнет цветок, блеснет мотылек, и душа взовьется
В небо.
У Бога мертвых нет.

Гнедич

Уныние 23/98

Меркнет день,

Молкнет шум,
Низлетает сон,
Незримый журчит ручей,
Незримые веют цветы,
И тесно душе в мироздании.

Лунный свет
Пал на кладбищенский дерн,
И под ним земля из нашего праха.

Церковь,
Жилище немых молитв,
Роща,
Одряхлевшая под шумящим холодом,
Волны,
И над мутным берегом – ни утр, ни полдней.

День на склоне,
Год на склоне,
Жизнь на склоне.
Молчание летит под маковым венком.
Грудь —
плачем облегченная, Дух —
скорбию ободренный, Смерть —
Мыслью укрошенная.

Милонов

Руины ^{31/209}

Руины,
Каменные столбы,
Высящиеся над рухнувшими,
Как несжатые колосья над сжатыми,
Как раненые бойцы над мертвыми,
Заветы предпотопных племен,
Теменами подпиравших созвездия, —

Эти кости, изглоданные временем.

Но меж павшими перевивается плющ,
Но на каменных туловищах зеленый плащ,
Но из раненых глыб цветут душистые
Поросли, и на месте колонн
Острый тополь устремляется ввысь,
И звенит соловей, и льются ящерицы.

Дайте мне свить венок из ваших листьев.

Выцвело вечернее золото,
В яхонтовой мгле небосклон,
И луна – как челн по эфиру.
Тени зыблются меж седых камней,
Словно мертвые веют над мертвым городом:
Где мечты их? Для всех – единый круг:
Вольность, слава, роскошь, порок, ничтожество.

Я изведал восторг, тоску, гонение:
Юный жар застыл, как черный металл.

Меркнет ночь,
Утро трепещет в листьях,
Стоном к свету вздохнули камни.
Просыпается спутник, бьет копытом конь:
В путь —
Все равно куда:
Прах былого, прости мое пристанище.

Тепляков

Гений 23/100+37

Свищет буря, бушует море:
Челн меж волн,
Вихрь,
Ни звезды приветной во мраке.
Страждет сердце,
Просит душа покоя,
Жаркие мои мольбы фимиамом в небо —
Кто мне скажет: воскресни и живи?
Нет:
Он забыл меня, мой путеводный
Метеор,
Он, одетый клубящейся лазурью,
Из праха без страха
Бившийся крылами в эфир,
и когда Господь
радужным перстом извлек вселенную из бездны,
в голубом пространстве рассеял ночь и день,
слил в гармонии громы и вздохи,
Заронившийся искрою в меня.
Угасает моя душа —
Одинокое звено в цепи творений:
Появись же, мой прихотливый,
Выведи плователя из пучин.

Полежаев

Конец 10/32

Берег, ночь, скала, одиночество.
Вдалеке – рыбаки вокруг костра.
В черной памяти – блеск и пляска города,
И сквозь боль – незабываемый светлый взор.
Жить бы мне здесь —
Как много был бы я судьбою одолжен, —
А теперь у ней нет прав на благодарность.
Это юность стала раскаяньем,
Опыт – пустотой,
И желанья мои – изгнанием.

Лермонтов

ЭЛЕГИИ, 2

Я занимался русской поэзией начала XX века, мне приходилось читать стихи французских символистов, которым подражали русские. Чтобы читаемое не смешивалось в голове, я старался запомнить суть, схему каждого стихотворения, отбросив все амплификационные приемы. Стиль от этого менялся так катастрофически, что иногда я стал это записывать. Больше всего записей у меня оказалось по Анри де Ренье. Это потому, что я очень не люблю Анри де Ренье – может быть, в переводах это чувствуется. Подойти к нему мне помог И. Коневской, начинатель русского символизма. В его архиве в РГАЛИ безнадежно ждет публикации множество прозаических переводов стихов и прозы самых разных авторов – от Эмерсона до Верхарна и от Ренье до Ницше, и все – тем монументальным прарусским языком, каким писал только он. Это Коневской подсказал мне несколько неожиданных слов; опираясь на них, я стал переводить остальное. Почти все стихи – из ранней книги «Игры сельские и божеские». Я прошу прощения за то, что элегии здесь перебиваются, как в оригинале, песнями и песенками.

АНРИ ДЕ РЕНЬЕ

Кошница ^{18/49}

Ива над рекой. Сплети прутья. Дно будет круглым.
Вечер. В эти струи смотрело Время.
Спи. Ты прожил день, и ты сплел кошницу.

Это Оры-часы босой походкой
Из Сегодня в ненасытное Вчера
Унесут в твоей кошнице свои цветы:

Друг за другом, рука с рукой. И настанет утро,
Улыбнется ива тайному лету.
Ты устанешь от ее гибкости. Ты ударишь

Резцом в резкое серебро, чеканя
Все те же цветы. Опечаленные Оры вернутся
С горьким яблоком, жесткой гроздью, сухой веткой.

Выцветут серебристые ивы. Умчатся птицы.
Ты захочешь вспомнить былую радость
И вместо серебряной выковать золотую кошницу.

Снова Оры, любя, придут на зов твой,
Но затем лишь, чтобы собрать в нее твой пепел.

И пред их наготою смежишь ты очи.

Сбор 16/46

Синяя волна, золотая пена взмелась на берег.
Белая и нагая, твои пальцы в соленой гриве.
Ты стоишь, смеешься, море лижет нежные ноги.

Заря брызжет тебе навстречу.
Травы тянутся цветками к твоей ладони.
Над тобой весна, под тобою лето.

Поле ходит золотыми волнами.
Плющ и грозд обвивают ленивый жезл.
Мох ласкает ноги. Ручей сверкает.

Отдохни. Престол твой – из солнца.
Но из низин к нему уже вползают сумерки
И хватают тебя за руки. Тропы круче

И колючки злее. Цветы облетают под пальцами.
Дождь и мгла клубятся вокруг бледной плоти.
Ты лишь тень меж голых стволов. И слышишь:

Ржут вдали морские кони. Их шпорит Время.

Песнь 1^{24/58}

Сентябрь!
Спят бок о бок двенадцать месяцев в лоне года.

Сентябрь!
Наступал твой черед настать,
Вились ржавые листья винограда над вертоградом.
Листва золотилась плодами.
Ветер был как время в полете.
Я не знал и, плача, шел по меже.

Сентябрь!
Если бы я знал: ты придешь
На развязку всех извившихся троп,
На порог вертограда под виноградом, —
Я не бился бы лбом в затвор зимы,
Не рыдал бы цевницами апреля,
Не считал бы кружащиеся листья,
Как песчинки золота в часах,
И не задыхался бы летней страстью,

А сказал бы только:

Сентябрь!
Вот ты ждешь меня, и Любовь с тобой рядом,
На порог легла ваша двойная тень,
Ветер свеж, как время, и над водой
Распускаются фонтаны, как пальмы,
И как лилии лебединые шеи.

Двойная элегия

– Там, где нежилась горлица, стонет филин.
Из твоей могилы растут цветы.
Воротись: твой сад тебя ждет.
Необутый и постарелый,
Воротись из забывчивых твоих мест
Долгою тропой
К нашему источнику, который плачет,
А потом смеется своим слезам.

Двери смазаны оливковым маслом,
В ясеневых чашах – молоко и вино,
Яблоки – на столе.
Я так любила тебя мертвого, что ты будешь жив.
А когда не станет во мне надежд,
То не станет в часах воды и в лампаде масла.

– Пусть горит лампада, а часы плачут, —
Мне к источнику твоему не прильнуть,
Потому что поцелуи умирают с губами.
Я прах под мрамором,
Я тень неслышная,
И твоим рукам меня не обнять —
Разве что во сне,
На пороге, где ты замрешь, почувствовав,
Как я приближаюсь к тебе сквозь ночь,
Ибо только там ты достойна призрака.

Призрак

Вглядись в свет, взглядишь в тьму.
Вечер красен кровью, рассвет – румянцем.
Плачет влага, страждет душа.
Вечер мчится, держа кого-то за руку.
Путь раздваивается, как копыто фавна.

В сущем звере скрыт мнимый бог,
Как в кремне – огонь,
Как в тебе – призрак,
Как в зеркале – отражение зеркала.
Твой поющий голос – и тот,
Когда ты испьешь смертных струй,
Не пойдет ли тенью вслед твоей тени
Выть
От крыльца до крыльца и от ворот до ворот?

Песенка 10^{14/31}

Нежный рассвет.
Нежно льются отары по нежным тропам:
Баран белый, баран черный, ягнята пестрые.
Голубеет луг,
И деревья поют навстречу солнцу.

Полдень полон пчелиным звоном,
Тяжелеют гроздья,
И быки спят в траве, как зодиаки.

В вечер нивы колосьями уперлись
В небо, умолкают леса,
И два колокола, ближний и дальний,
Один густ, другой светел,
Звоном борются за синее небо,
Чтобы не увял ни один цветок.

Припев^{15/30}

Водоросли как мысли,
Серебряные в синем,
Золотые в зеленом.
Водоросли как змеи
На забвенном жезле Меркурия.
В водорослях раковины,
В раковинах поет прошлое,
Печали мои и радости.
Водоросли узорами,
Как жилы, которыми
Наша кровь оживляет
Песок и камень.
Убаюкайте, водоросли,
Колыбельную раковину,

В которой поет мое прошлое.

Сосуд ^{25/128}

Сосуд рождался из обряжаемого камня.
Я отбросил свой резец и стал ждать.
Плод за плодом слышно падал с ветвей.
Ветер веял далекими цветами.
За ручьем, за лугом пела свирель.
Фавн, буланый, плясал в листве из охры с золотом.
Шли по краю небосвода женщины с снопами на плечах.
Утром трое их было у источника,
И одна заговорила со мной, нагая:
«Изваяй сосуд по образу моему».

И тогда сад, и лес, и поле вздрогнули,
Сплелись в пляске нимфы от трех тростин,
Огнекожими стали фавны,
Вспыхнули свирели,
Загудел кентаврами горизонт, —
Средь толчков копыт, стука пят
В граде хохотов, ржанье морд, криках губ,
В душном запахе пота и растоптанных плодов,
Строгий и думный,
Я ваял вихорь жизни на круглом камне.
Пали сумерки, и я оглянулся.

Сосуд высился, нагой, среди тишины,
Хоровод взвивался по нем спиралью,
Ночь кончалась,
И я плакал, и проклинал зарю.

Песенка 2 ^{17/28}

Ничего у меня нет,
Только три золотые листика,
Только посох, только пыль на подошвах,
Только запах вечера в волосах,
Только отблеск моря во взгляде.

Золотые они, с красными жилками,
Я их взял из пальцев спящей осени,
Они пахнут смертью и славою
И дрожат на черном ветру судьбы.
Подержи их:

Они легкие, и припомни,
Кто к тебе постучался в дверь,
И присел у порога, и ушел,
И оставил три золотые листика
Цвета солнца и цвета смерти.

А потом раствори ладонь и дай
Улететь им в ветер и вечер.

Часы ^{5/20}

В каждом часе картинка. То волк, то агнец.
То кусает, а то ласкает.
Каждый час несет подарок году:
Розу, яблоко, голубку, корзину, зеркало.
Взгляни в зеркало: в нем лицо забвенья.

Песенка 3 ^{20/39}

Постучись:
Над высокой дверью лозы и плющ
Въелись в старый камень,
И ночной забвенный дом
Улыбается розовой заре.

Весна,
В окнах свет и на плитах пола блеск.
Улыбнись на пороге.
Хочешь – сядь у очага, чтобы прясть,
Хочешь – вот тебе
Деревянная чашка, оловянная тарелка,
Хлеб, вода и яблоко.
Поживи здесь: дорога нелегка.

Но улыбка твоя уже
Как прощальный поцелуй.
Ну что ж,
Вот тебе цветок,
Золотой светильник и три опала,
Плащ, сандалии, пояс, а на поясе
Ключ, —
А теперь в дорогу: туда, где люди.

Ночь богов

Я шла за тобою и перед тобою,
А ты не видел и не слышал меня.
Обезбоженный, ты искал богов,
Но дриадин ствол
Лишь царапал тебе руку пустой корою.
Не струилась текучею наготой
По излучине вытянутая нимфа,
Ни Пегас не вбивал копыт в песок,
Ни сатир не прохаживался в припляске.
Я предстала тебе, и ты не удивился.

Обеги всю степь,
Пустыри, дубравы, вертограды, пахоты,
Взойди в город, где люди живут, смеются, поют и умирают,
Жжет жаровня, пляшет костер, дымится печь,
Ярый молот кует металл к металлу
Для брони и для серпа, – но в дыму
Нет над городом дымки фимиама,
И под молотом не ваяется божий лик.
Ничего нигде.

Отчего же ты нас ищешь, ловец без стрел?
Разве пашни не пышны и без Кибелы,
Рокот моря не слаще Сирен,
Разве ты не рад, что не нужно
Отдавать охранительным богам
Самый сочный плод, самый тяжкий грозд, самую белую телицу?
Пожинай свой хлеб, ешь и пей, плачь и смейся вровень с миром,
Человеку боги не надобны.

Но я вижу, слова мои напрасны.

Тогда слушай. Я одна из тех,
И одна еще вижу этот свет,
Потому что я земная и подземная.
Вот плод, вот семя его: вкуси,
И закрой глаза от золота ночи,
И безмолвствуй.
Шаг, другой. Осторожней. Ниже. Стой.
Теперь смотри.

Смутный мрак, темный свет,
Черная и тинистая река, кольцом
Обомкнувшая то крутой, то пологий
Остров, где ютятся боги. У них

Белые волосы и седые бороды.
Толстый Вакх
Опускает пересохший кувшин:
Тирс без лоз, жезл без змей,
Сломлен рог на ширококостном лбу
Фавна, и тоскливые спят сатиры
В бестелесной тиши.
Мартс подвязывает медную подошву,
И Венера щупает черный Стикс
Все еще прекрасной ногой,
И Нептун ищет брод концом трезубца.

Это они
Были встарь и судьба и прорицание,
Клик волхва и отголосок пещеры,
Лира и кимвал, лавр и роза,
Колесничный гром,
Шепот неба, трепет земли,
Волны нив, долгий ветер над дубровой,
Говор моря, родник, ручей, река,
Стрелы в тело, молнии в скалы,
Дрожь любви между небом и землей,
А теперь ничего. И только тишь.

Поворачивая голову, они
Водят взглядами, следя круговой
Бег Пегаса: он вскинется, он грянется,
То помчит, то вздымется на дыбы
И заржет, но ни звука в воздухе,
И разбросит крылья, и вновь, и вновь,
А они тяжелы и опадают.

Это все, сын мой.
Ступай назад,
В жизнь —
А мне пробил мой преисподний час
Меж земной и подземной половиною,
Полупленнице, полустраннице.
Но пред тем, как переступить
Твой порог, отряхни с своих подошв
Черный прах,
Еще влажный брызгами Стикса.

Песенка 9 ^{19/33}

Вчера была зима,
Сумрак, ветер, море, дождь и снег,

Жесткая подстилка.
По булыжнику шла с мертвым лицом
Рослая Печаль,
И я молча клонился у обочины
И ловил слезами ее ладонь.

Апрель смел снега,
Вывший ветер шепчет и нежит,
В море – лодки, в саду – цветы,
И с цветком на пороге – ты
Улыбаешься моему приходу,
Встав под сводом узловатых ветвей,
Где в кровавых шипах родятся розы.

Что сказать тебе? Давай помолчим.
Замирает моя поступь. Ручей чуть плачет.
Помолчим.
Опахнули нас широкие крылья вечера.
Завтра я расскажу тебе светлый сон.

Былое ^{7/28}

Зрелые плоды, красные цветы. Море.
Мост на черных ногах и в белой пене.
Желт закат. Блеск резной сирены на корме.
Борт плывет. Ветер с моря, ветер с гор.
Те цветы были в ветре еще душистее.
Дух как парус. Сердце спит, как сирена.
Память моря – как якорный канат.

Спутник

По следам твоим ступает Былое.
Смутный спутник, невидимый для видящего,
Он у тебя за спиною,
Но оборотись, и он послышится впереди.
Мы собираем цветы, а он – их тени.
Мы вкушаем гроздь с его посадок.
Мы обсохнем у огня, он – у пепла.
Отраженье его – в твоём ковше,
Его голос – в отголоске твоих выкликов.
Где паук ткёт ткань, там и он,
И одежда твоя соткана из прошлого.
Он спит в твоём сне,
Он идет за тобой с зари до вечера,

Чтобы в полдень протянуть тебе зеркало.
И увидишь ты в тусклом хрустале:
Вот – ты, вот – он,
Ибо все, что было, всегда при нас.
Он все помнит, а ты лишь вспоминаешь.

Песенка 6 ^{18/31}

Скажи:
Это осень пришла, шурша по листьям,
В чашу входит стук топора,
И над прудом вянут птицы и падают,
Стрела за стрелой.

Скажи:
Вот зима, над морем солнце, как кровь,
Лодки вмерзли в берег, дымит очаг,
Гложет ветер, и горек вечер,
Я – зима и боль.
И я буду тебя любить.

Но ты скажешь:
Посмотри: все зеленое и розовое,
И звенящий апрель сплетает в прядь
Розу с розой и радость с радостью.
Я – заря твоя, крылья ввысь, сладок рот,
И к тебе
Мои руки цветут весенним запахом.

Незримое присутствие ^{6/24}

Шелест времени над травами. Червь
В балке, рябь в ручье. Стертость, ржавчина,
Трещина. От прикосновения плод
Загнивает. Не нужно ни циферблата,
Ни соборных колоколов. Всё скажут
В бледной влаге бледные лепестки.

Песнь 4 ^{28/52}

Сквозь апрель смеялась весна
И плескалась смехом

От ствола к стволу, от зари к заре,
Пел ли мальчик, напевал ли старик,
Откликаюсь каждому оклику.
С виноградною лозою в руке
Она шла к зеленому пруду,
Где я срезал, чтобы спеть ей привет,
Самую зеленую из тростинок.
Лето спит щекой на руке,
И в разжатых пальцах – дремлющий колос.
Спящий серп обещает выжать степь
До краев синевы, где серп небесный.
Время каплет, в струйке ручья —
Мертвый лист, и увядает цветок,
Тополя поворачивают тени,
И рассвет
Серебро моей цевницы красит в золото.

Сквозь туман улыбалась осень,
Лоб в морщинах, руки в жилах, ноги в крови.
Виноградари обирали гроздь
И в больших корзинах несли в давальни,
Окликали ее, а она ни слова.
Она шла с неживой улыбкой, тихая,
От лозы к лозе, от ручья к ручью,
Все суровее, все высокомернее,
И ей слышался в неостывшем вечере
Плач зимы в почернелых тростниках.

Ноша ^{18/40}

Оставь меч, оставь свирель.
Перевай тирс меркуриевыми змеями.
Час покоя. Жар зари стал пеплом заката.

Пусть тростник на том берегу
Ждет другого, чтобы запела флейта.
Лавр бойцов – лишь сень над асфоделями.

Свет зари, злато полдня, черная ночь.
Жизнь – покой для прожившего и отжившего.
Кровь из раны не бьет, а лишь сочится.

Радость, Горе, Любовь перецвели.
Рыжегривая Гордыня подмята Участью.
И Надежда заблудилась на гнутых тропах.

Брось свирель и меч. Стебель вял, сталь иззубрена.

Ясный день, ненастный день – ночь одна.
Изваяй гробницу всему, что в памяти.

Страх прошел, как жизнь. Встреть приветливо
Жезл Меркурия, две свитых змеи —
Ключ к покою.

Ключ

Не спеши
В жизнь, где плоть – как цветы, и плоды – как золото,
Кипарисы – как грусть, а тростник в ветру – как радость:
Прежде пусть вручит тебе Рок
Ключ от долгого твоего приюта.

А потом ступай себе в путь
Меж двух спутниц, Надежды и Любви,
Одна – с пальмовой ветвью и черной флягой,
А другая – с тяжелой гроздью и вздетым зеркалом.
Будут море, грозный лес, гневное золото
Нив под светлым ветром; нагое лето
Даст губам твоим пьяный плод в раскрытой раковине;
Брызнет персик, хрустнет в зубах
Отзвучавший свою песню тростник;
Будет ветер мчать, вода смеяться сквозь плач,
И напористый ливень, и робкий дождик
От первого листка до последнего цветка.

Но когда наступит осень, вечер и в тяжком
Золоте дубрав по дороге вдаль
Канут друг за другом Любовь и Надежда, —
Ты услышишь ли у черного твоего пояса
Ключ,
Кованный из золота, железа и меди
Для дрожащей руки перед замком
Вечных врат, где створы – мрак и пороги – ночь?

«Моя песня...»

Моя песня
Тяжела любовью, глуха враждою,
А твой рот
Мил любви, нежен вражде,
И ни слова,
Как смеешься ты себе у ручья,

И ни эха имени твоему.
Я иду по откосу над ручьем,
 Плещет эхо,
 Пасется стадо,
Изгороди в красном шиповнике.
 Небо и земля,
 Больше ничего,
И в погоде щепотка милой осени.

КАРТИНЫ, 1

ЭМИЛЬ ВЕРХАРН Из «Призрачных деревень»

Перевозчик^{17/60}

Перевозчик гребет к бурному берегу,
А в зубах зеленая камышинка.

Крут поток,
И все дальше облик на берегу.

Сломлено весло.
Смотрят очи окон и циферблаты башен.

Сломлено другое.
Все отчаянней облик на берегу.

Сломлен руль.
Меркнут очи окон и циферблаты башен.

Он без сил.
Только слышен голос на берегу.

Рвется взгляд
В умирающий голос на берегу.

Море раскрыло пасть.
Гибнет страсть,
Но жива в волнах зеленая камышинка.

Рыбаки^{15/88}

Ночь. Снег.
Река. Луна.
Огоньки. Рыбаки.
Судьбы в безднах. Неводы над безднами.

Полночь бьет.

Сырость. Сырость. Безмолвие. Онемение.

Каждый тянет свое из черных вод:
Боль. Беду. Нищету. Раскаянье.

У реки ни конца и ни начала.

Тишь. Смерть.
Не дырявит туман кровавый факел.
Люди удят себе погибель.

А над спинами, над тучами, над мраком —
Светлокрылые звезды в голубизне.

Но застывшие этого не чувствуют.

Столяр ^{12/75}

Столяр знания
Шарит вздыбленным мозгом
В золотой ночи мирозданья.

Блеклый взгляд сквозь очки,
Растопыренный циркуль, отвес, лекало,
Тень от рамы крестом на верстаке.

Мир сквозь ум
Точится в квадраты, триангли, диски —
Без огня и даже без тоски.

Эти диски – как просфоры причастия.

Он умрет – и будут играть дети
Безделушкой вечности.

Звонарь ^{15/78}

Как слепые быки, ревет гроза.
Молния в колокольню!
Запрокинутый звонарь в вышине —
И набат над площадью
Громом рушится в зернистые толпы.

Колокольня осыпается искрами.
Звонарь бьет в безумье и в страх.

Колокольня по швам в разрывах пламени.

Дико пляшут колокола.

Золотые щупальца вокруг помоста.
Звонарь вызвонил погребальный зов.

Раскололись стены.
Черными углами метнулись колокола.

Звонница иглою в земле.
Звонарь мертв.

Канатчик ^{21/106}

На столбах крюки, на крюках волокна,
За столбами поля и закатный горизонт,
А перед столбами канатчик
Сучит вервь из волокон и лучей, —
Отступая вспять, вспять, вспять,
Тянет из заката пыланье далей.

Там бушует ярость веков,
Полыхают путеводные молнии,
Красной пеной кипят отравы.

По дороге пыльной, вспять, вспять,
Тянет на канате буйные дали.

Там пылает металл в плавильнях,
Жизнь и смерть из реторт взрывают мир,
Знание бьет крылами над гробом Бога.

Меж рекой и лугом, вспять, вспять,
Тянет к яви строгие дали.

Там сплотится мечта и мысль,
Там закон осенит покой,
Там в любви отразится Бог.

Вспять —
На канате звездные дали.

Могильщик ^{21/115}

В черном зеве ямы рябит могильщик.

Кладбище – сад гробов и кипарисов.
Треснутые плиты, отравленная пыль.

Яма ждет покойников нищеты.

Все дороги сползаются к кладбищу,
А в гробах – окоченелая страсть,
размозженная доблесть,
догнивающая любовь —

Колокольный звон над могильщиком.

– выдохлось вдохновение,
расползается мысль —

Над могильной пастью стоит могильщик.

– непрощенные обиды,
неуслышанные мольбы —

В стуке комьев земли по крышке гроба.

Это в хрусте костей
Настоящее

Отгрызает прошлое у будущего.
Над могилой – холм.
Над колоколами – гудящий ужас.
И могильщик вбивает черный крест.

Из «Полей в бреду»

Лопата ^{16/48}

Серая земля, серое небо,
Голый луг, стылый холм.
Встала мертвым деревом, воткнута холодным железом
Лопата.

Начерти на глине крест.

Сад дик, дом пуст, на полу зола.
Богородица упала из ниши.

Начерти над домом крест.

Трупы жаб в колеях, стоны птиц над колеями.

Начерти над степью крест.

Вырублены деревья.
Смолкли колокола.

Начерти над миром крест.

Солнце ворочается, как жернов.

Над взбухшим трупом земли —
Лопата.

Из «Городов-спрутов»

Заводы ^{21/105}

Красные кубы, черные трубы
Верстами в ночь, —
Желтоглазые над смолюю каналов,
День и ночь клокочут заводы.

Дождь, асфальт, пустыри, лохмотья,
Из тракторов сверкает ярый спирт,
Низколобая злоба бьется в злобу,
В сердцах скрежет,

И клокочут заводские корпуса.
Дышат паром стальные челюсти,
Золото под молотом брызжет в тьму,
Лязг, напор, маховик как пленный вихрь,
И снующие зигзаги ремней
Шестизубьями в такт, в такт
В клочья рвут вылетающее слово.

За стеной – каналы, вокзалы, бег
От заводов к заводам и заводам
Чередой, грядой, в клокоте, в клекоте,
И огни взмывают вдаль, вдаль
В ржавое небо к слепому солнцу.

И в воскресный день
Город спит, как молот на наковальне.

Биржа ^{20/95}

Золотой кумир
Над побоищем черных скопищ,
Огненный перекресток
Страха, риска, гордыни и безумия.

Золотой маяк,
И плывут к нему паруса ассигнаций.

Золотой дворец,
Бег вверх, бег вниз, сушь губ, всхват рук,
Вал цифр в вал цифр,
Бьются, рвутся, мчатся, разятся,
Предан, предал, сгинул, выжил,
Слажено, порвано, сторговано, упущено,
Самоубийцам – похороны по первому разряду.

Золотой мираж,
К нему взмолены миллионные руки.

Золотая пирамида, золотой куб,
И на цифрах к нему мостится счастье.
Все в одной петле,
Ненависть работает, как машина.

Золотая ось колеса фортуны.

Порт ^{21/65}

Все моря прихлынули к городу.

Порт оседлан тысячею крестов.
Солнце – красный глаз.
Лязг цепей, грохот молотов, рев гудков.

К городу прихлынули все моря.

Море тяжкое, море земледержное,
Море множеств, море – спор и напор,
Взрывы нежности и порывы ярости,
Море – пьяный дикарь – корчует скалы.

Мол, как кнут, перерезает прибой.

Вавилоны! Сплав ста народов!
Город-пасть, город-пять, схватить весь свет!
Белый норд, желтый юг,
Склады вздыблены: горы, леса и трупы —
Словно в неводе, все на вес и в торг,
Огненные вымыслы сквозь хищные числа
Цедятся в золотой котел.

Знак Меркурия на загаре матроса.

Нефть и уголь дышат в улицы с набережных.
Вспышки катятся по рельсам, и вдаль, и вдаль.

Город дышит миром сквозь поры порта.

Бунт 33/104

Улица – летящая лава тел,
Бешено вскинутые руки,
Взрыв, порыв и призыв;
В огненном закате —
Смерть: набат,
Копья, косы и скошенные головы.

Все, что снилось, мнилось, томилось в душах,
Вдруг взметнулось тысячею клинков.

Глухо ухая,
Отмеряют пушки за ревом рев.
Циферблаты как глазницы без век:
Камень, треск, и времени больше нет.
Миг порыва
Перевесил столетия ожидания.

Все на пир ликующей крови,
Живые по мертвым,
На штыки, усталые ранить!
Встал пожар золотыми башнями,
Огненные руки рубцуют ночь,
Крыши рвутся в черное небо.

Молот в дверь, пляшет ключ, сбит запор,
Пламя лижет судейские залежи.
Вдребезги витражные лики,
На последнем гвозде повис Христос.
Просфоры – как снег под подошвами.
Старье – в клочья!

Трупами вздыбливаются рвы.

Космы пламени на ветру.
Дым метет подзвездные выси.

Убивать, возрождаться, рождать
Или пасть —
Роковая глубинная мощь – одна,
Встань весна зеленою или красною.

Из «Представших на пути»

Святой Георгий

Молния стелется тропой из туч.
Отвесный всадник летит с небес.

Серебряный вихрь, золотой удар,
Блещущий меч и копье, как луч, —

На крик моего измора.

Белый огонь, колокольный звон,
Круженье звезд в распахе небес,

Где в безднах – ангельские ладьи,
И в высях – дева, царица, мать —

Над мраком моих мучений,
Над шрамами души,
Над немощью стыда,
Над злостью лжи,
Над бегством в бедства, где смерть,
Над ночью,

За которой свет – как совет,
И волною льется святой Георгий
В душу, падшую на колени:
Ночь – прочь, свет – вслед,
И на вскинутом лбу моем – лучезарный след.

КАРТИНЫ, 2

Это – «картины» в самом точном смысле этого слова. Георг Гейм знаменит именно живописной яркостью зрительных образов в своих экспрессионистических стихотворениях. Перевод старался как можно более точно передать эту зримость; свобода от рифм и ямбического ритма оказалась очень полезной. Никаких конспективных экспериментов здесь не было.

ГЕОРГ ГЕЙМ Крестный ход

Бескрайний край, где лето и ветер
И ветру вверились светлые облака,
Где зреет золотом желтое жито
И связанная в снопы высыхает рожь.

Земля туманится и дрожит
В запахах зеленых ветров и красных
Маков, которые уронили головы
И ярко горят от копны к копне.

Проселок выгнулся в полукруглый мост
Над свежей волною, и белыми камнями,
И длинными водорослями в длинных
Струях под солнцем, играющим в воде.

Над мостом возносится первая хоругвь,
Пылая пурпуром и золотом. Оба
Конца ее с кистями справа и слева
Держат причетники в выцветших стихарях.

Слышится пение. Младший клир
С непокрытыми головами шествует
Впереди прелатов. Старинные, благолепные
Звуки над нивами разносятся вдаль.

В белых одежках, в маленьких веночках
Маленькие певчие истоиво поют;
И взмахивают кадилами мальчики
В красных сутанах и праздничных шлыках.

Алтарные движутся изваяния,
Мариины раны сияют в лучах,
И близится Христос с деревянным желтым
Лицом под сенью пестроцветных венков.

Под навесом от солнца блещет епископская
Митра. Он шагает с пением на устах,

И вторящие голоса диаконов
Возносятся в небо и разносятся по полям.

Ковчежцы сверкают вокруг старых мантий.
Дымят кадила тлением трав.
Тянется шествие в пышности полей.
Золото одежд выцветает в прожелть.

Шествие все дальше. Пение все тише.
Узенькая вереница втягивается в лес,
И он, зеленый, блещущую глотает
Темными тропами злато дремлющей тишины.

Полдень настает. Засыпают дали.
Ласточка заблудилась в бескрайних высях.
И вечная мельница у края неба
Тянется крыльями в белые облака.

Вечер

День потонул в червонном багрянце.
Река бела небывалой гладью.
Двигается парус. У руля, как вырезанный,
Лодочник висится над большой кормой.

На всех островах в прозрачное небо
Вскинулся красный осенний лес,
И шелест веток из темных омутов
Отзывается дрожью кифарных струн.

Сумрак с востока разливался вширь,
Как синее вино из опрокинутой чаши,
А поодаль стояла, окутанная в черное,
На высоких котурнах большая ночь.

Зима

Зима в растяжку. По ровной глади
Голубые снега. На дорогах стрелки
На четыре стороны показывают друг другу
Лиловое безмолвие горизонта.

Четыре дороги, все – в пустоту,
Скрестились. Кусты – как стынувшие нищие.
Красная рябина блестит печально,

Как птичий глаз. Четыре дороги

Застыли на миг пошептать ветвями,
И вновь вперед, в четыре одиночества,
На север и юг, на восток и запад,
Где небо к земле придавило день.

Земля из-под жатвы горбом, как короб
С треснувшей плетенкой. Белою бородой
Она щетинится, как солдат после боя,
Сторож над мертвыми после жаркого дня.

Снег бледнее и день короче.
Солнце дышит с низких небес
Дымом, которому навстречу только
Лед горит, как красный огонь.

На севере

Бурые паруса вздуваются на тросах.
Карбасы бороздят серебристый залив.
По бортам свисают сети, тяжелые
От чешуйчатых тел и красных плавников.

Они возвращаются к молу, за которым
Сумеречный город в чадном дыму.
Вечерние огни расплываются зыбкими
Красными пятнами в темной воде.

Плоскоморье каменной плитой
Залегло на синем востоке. День
Встал на колени испить от света
И роняет в воду красный лист из венка.

Золотое облако дрожит вдали —
Это встает из глубин янтарный
Лес и в сумеречную дымку дня
Широко распростирает желтые ветви.

На ветвях прогнулись потонувшие моряки.
Их волосы свисают в воду, как водоросли.
Звезды, встав в зеленую ночь,
Начинают свое морозное шествие.

Слепые женщины

Слепые шествуют за поводырями —
Черные исполинши, глиняные молохи
Над плечами тянущих рабов, — запевая
Долгую, протяжную песнь слепых.

Твердым шагом вступает их хор
В железный лед обставшего неба.
Ветер клубит над широкими их макушками
Пепельные пожары седых волос.

Великанские посохи их прощупывают
Улицу до самого взгорбья. Огромные
Гробы лбов их запечатаны огненной
Пентаграммой черного божества.

Вечер вывешивает огненную бочку
На сучья тополя в самый горизонт.
И руки незрячих тычутся в солнце
По веселому небу, как черные кресты.

Офелия

II

Желтое поле. Кровавым потом
Потный полдень. Ветер заснул.
Вот она плывет, умирающая птица,
Под белым кровом лебяжьих крыл.

Мягко опали голубые веки.
И под сверканье звенящих кос
Снится ей поцелуй, как пурпур,
Вечный сон ее в вечном гробу.

Мимо, мимо! Туда, где над берегом
Гудящий город. Где в плотинный створ
Белый бьет бурун и на все четыре
Стороны стонет эхо. Туда,

Где гул по улицам. Колокольный звон.
Машинный скрежет. Борьба. Туда,
Где запад грозитя слепым и красным

Кругом, где вычерчен подъемный кран.

Подъемный кран, чернолобый тиран,
Молох над павшими ниц рабами,
Тягота мостов, которые для него
Коваными цепями сковали реку.

Незримая, плывет она по струе,
И где ее мчит, взметается люд
Большими крыльями черной тоски,
Тенью ширящейся с берега на берег.

Мимо, мимо! Где в жертву мраку
Лето закалывает поздний закат,
Где усталая истома позднего вечера
Темной зеленью легла на луга.

Поток ее мчит, навек погруженную,
По стылым заводям встречных зим
Вниз по течению времени, в вечность,
Где дышит дымом огненный небосвод.

Госпиталь

I

Белые простыни, постель к постели,
Расплываются в холод больничных стен.
Все болезни прогуливаются по коридорам,
Точно проволочные куклы. На каждого —

Их по нескольку. Над каждым выведен
Белым мелом перечень его мук.
Здесь горячка – как гром. Внутри у всякого —
Жар вулкана. Глаза устремлены

В потолок, где паук и паучиха
Тянут липкую сеть из животов.
Они скорчиваются, торча коленями,
В жарком поту под холодным бельем.

Их ногти обкусаны до мяса.
Морщины их горящего лба —
Как борозды, вспаханные ужасом,
Пашня Смерти под красною зарей.

Они тянут бледные руки
В тряске зноба, в отчаянье немоты.
В их черепе черною каруселью
От уха к уху мечется мозг.

Их спина расседается трещиной.
Из беленой стены вытягивается рука,
Медленная, костлявая, и жесткою
Хваткой сдавливают их гортань.

II

Опускается мрачный вечер. Тупо
Они вкорчиваются в подушки. С реки
Наползает холодный туман. Бесчувственно
Они внемлют молитвословиям мук.

Медленная, желтая, многоногая,
Наползает в их постели горячка.
И они в нее глядят, онемелые,
И в зрачках их – выцветшая тоска.

Солнце тужится на пороге ночи.
Пышет жар. Они раздувают ноздри.
Их палит огонь,
Красный круг их взбухает, как пузырь.

Там, над ними, Некий на стульчаке
Ими правит жезлом железным,
А под ними роют в жаркой грязи
Черные негры белую могилу.

Меж постелей идут похоронщики,
Выдирая рывком за трупом труп.
Кто не взят, тот взывает, уткнувшись в стену,
Ужас гнусного мертвецкого «прощай!».

Комары зудят. Воздух плавится.
Горло пухнет в багровый зоб.
Рвется зоб, льется огненная лава,
Голова гудит, как каленый шар.

Они рвут с себя липкие рубахи,
Пропотелые одеяла – прочь,
Голые до пупа,
Качаются они маятниками бреда.

Смерть паромом подплывает сквозь ночь,
Через темный ил и слизь морских топей.
Они слушают, замирая, как гремит
Ее посох у больничных порогов.

Вот к постели несут причастие.
Поп больному мажет маслом лоб и рот.
Выжженная глотка мучительно
Вталкивает просфору в пищевод.

Остальные вслушиваются,
Словно жабы в красных пятнах огня.
Их постели – как большой город,
Крытый тайной черных небес.

Поп поет. В ответ ему каркает
Их молитв жуткий пересмех.
Их тела трясутся от гогота,
Руки держатся за вздутый живот.

Поп склоняет колени у кровати.
Он по плечи ныряет в требник.
А больной привстает. В его руке
Острый камень. Рука его в размахе,

Выше, выше. И вот уже дыра
Вспыхивает в черепе. Священник – навзничь.
Крик
Замерзает в зубах навстречу смерти.

Адская вечеря

I

Вы, чья от горя выщвела кровь,
Вы, бичуемые бурями мук,
Вы, чьи лбы простерлись под гнет,
Вы, в чьих очах, как стекло – тоска,

Вы, чьи виски, как проказа, жжет
С детства родимое пятно мертвецов, —
Приидите ко причастию: вот дары,
Проклятые в обители вечных мук.

Взойдите на мост над черной рекой,
Где без края толпится обреченный люд,

И темный вас приветит портал,
Блещущий в сумерках большим алтарем —

Алтарем, озаренным тысячью свечей
Из жира и крови нерожденных тел,
Где свисают кости и веет в лицо
Дьявольских фимиамов красная грязь,

Где в адских ризах святители гнут
Колени под звон небывалых месс
И по всем амвонам за стягом стяг
Грозят вам, как алые адские языки.

Перед Божьим образом голый аббат
Вздувает брюхо, выводя напев.
Он хватает чашу, в чаше красная кровь,
Он вздымает ее над лбами толпы:

«Пейте мою кровь». Он пьет ее сам,
Красной лавой вскипает его душа,
Его глотка горит, как чермные моря,
Божьей кровью блещущие через берега.

Над вашими лбами, над гнездовьем мук,
Над черными флешами адских сил
Узкий, острый, как черный язык
Скорпиона, взвивается бегучий огонь.

Ломятся в храм сквозь разинутые врата
Тучи, чреватые молнией и грозой.
Буря бушует. Ливень, как ночь,
Угашает дальний органый хор.

Могилы взрываются. Вздыбились мертвецов
Белые и холодные костяные персты.
Они вас манят в родимый мрак.
Мертвыми криками гремит собор.

Плиты проваливаются. Кипят
Водопады Леты внизу, в глуби.
Гудит многоверстный водоворот
Дальними отгулами чудовищных бурь.

Исчадья ада устремляются в смерч,
С пенем глядя в свой пенный гроб:
Черными парусами снащен их корабль,
А белые борта – из зияющих черепов.

II

В высях, где тени сгустились в тьму,
В тысяче вечностей над бездной мук,
Над бушеваньем ливней является
Бледное, как утро, Божье лицо.

Дальние церкви наполняет сон
Сфер, безмерный, как лепет арф,
Когда, как месяц с большого небосвода,
Белое наклоняется Божье чело.

Приблизьтесь. Рот его – сладкий плод,
Кровь его – тяжелое медленное вино,
На его губах в темно-красной заводи
Зыбок синий жар полдневных морей.

Приблизьтесь. Нежен, как бабочкина пыльца,
Как юной звезды золотая ночь,
Мерцает рот в бороде златобородого,
Как в темном раскопе мерцает хризолит.

Приблизьтесь. Прохладнее змеиной кожи,
Мягче он пурпурных царских риз,
Нежнее заката, который обесцвечивает
Дикую боль огненной любви.

Скорбь падшего ангела – словно сон
На лбу его, белом троне мучений,
Грустном грустью того, кто пробуждается,
О виденьях, канувших в белый рассвет.

Глубже, чем тысяча пустых небес,
Его горечь, прекрасная, точно ад,
В красной бездне которого теряется
Бледный луч с полуденной вышины.

Его боль – как ночной двусвечник.
Это пламя облегло ему голову
И двумя рогами в дремучей роскоши
Из его кудрей вонзается в тьму.

Его боль – как ковер, по которому
Письмена каббалистов горят сквозь ночь,
И как остров, минуемый плователями
В час, как в дебрях кричит единорог.

Его боль – в ней тень и сень дубрав,
Взлет печальных птиц над большими заводами;
Это царь, в горностаях и задумчивый,
Тихо шествует сквозь склеп своих предков.

Приблизьтесь. Загоритесь его скорбями.
Впейте вздох его, холодный как лед,
Вздох, принесшийся из-за тысяч эдемов
Ароматом, впитавшим всякое горе.

Вот он смотрит, он улыбается, —
И душа у вас тиха, как пруд в камыше,
Тихо наполняемая пеньем Пановой
Флейты, льющим из лавровых рощ.

Усните. Ночь, сгущаясь в соборе,
Угашает огни на высоком алтаре,
И огромный орел его безмолвия
Зыблет тень своих крыл на ваших лбах.

Спите, спите. Темный божеский рот
Вас коснется осеннею ли, могильною ли
Свежестью, и мнимый расцветет поцелуй,
Желт, как гиацинт, ядовит, как мучница.

СТАНСЫ

Все стихи Мореаса – из книг «Стансов» (нумерация их – на поле слева), где почти все стихотворения – по 16 строк. Когда они сжаты в переводе до 4 строк, то, кажется, ненамеренно становятся похожи на китайские или японские стихи.

ЖАН МОРЕАС

I, 11 Смейся как весенние ветки,
плачь как ветер.
Жизнь – она ни счастье, ни горе,
она – лишь призрак.

IV, 8 Ты смеешься в горе и сам не знаешь,
зачем тебе песни.
А ведь жизнь и смерть, и доброе и злое —
все только для лиры.

Add. Вспоминаю родину, бледные оливы,
взнесшийся кипарис.
Почему она перед глазами и в сердце?
Потому что она далеко.

I, 15 Солнце из тумана, из юга – север:
я – как ты, Париж:
Радость плачет в глазах моих, и горек
Рок – в улыбке моей.

I, 17 Пар, свисток, поезд в ночь, время влет,
вспыхнут розы, и пожелкнут листья.
Рождаясь, прощай! умирая, прощай!
Это горе мимолетно, как счастье.

II, 12 Смеется апрель,
добрые мысли возвращаются, как листья.
Капля меда
в горькой чаше расставания с бытием.

Add. Когда-то тенистый,
влажно лег мне на лоб осенний лист,
И душа в грезе
раскрывает преддверье своей судьбы.

III, 18 Серебряная луна
над мачтами порта, над мраморами парка,

Над гранями берега, над безграничными нивами
и Парижем, где конец всех дорог.

II, 7 От заботного города
в нежную бы рошу, к колыбельному бы морю.
Но увяли мои апрели,
и жатва моя – под чужим серпом.

VI, 5 Тополя в закате
осыпают в растущий сумрак
Самоцветным севом
шитье лета по тканям осени.

III, 11 На зеленом кладбище
под вечерними птицами
Я смотрю на пахоту,
где колосьями высятся кресты.

IV, 7 Я как дым,
миг живущий, но вставший из огня.
Склонившись,
человек разгребает очажный пепел.

V, 10 Радость и горе,
пролетите сквозь меня, не тронув,
Как сентябрьский ветер
пролетает сквозь вскинутые сучья.

II, 18 Облака над волнами колосьев
как паруса.
Скоро вы отяжелеете бурей,
как сердце мое.

III, 14 Дуб над долиной, ветер в листве,
птицы в гнездах.
Бьет гром в вершину, топор под корень, —
он печально терпит.

VI, 11 Пруд у празднои мельницы —
в мертвых листьях.
В черную воду погляжу на себя
и на блеклое солнце.

I, 13 Бледное солнце осени —
надо мной, над рекой, над рощей.
Вейся, лист, холодейте, волны,
крепни, сердце.

V, 5 Мертвый лист
бьется о порог, а время в ставень.
Камин, свечка,
я один, и осень как «баю-бай».

V, 6 Вздупа парус над спящим городом
ночь, кишущая одиночеством.
Вскрой окно,
и она ворвется к тебе потопом.

V, 8 Недолгая роза,
украшенье сада, любви и лиры,
Пьет, как сладость,
ржавь и смерть пронзающих ливней.

V, 7 Ветер,
раненный над каменной мостовою,
Дымная осень —
это сердце мое осыпает листья.

Add. Роза, увядшая в вазе,
зачем ее я помню?
Усталому сердцу тяжек
даже призрак розы.

V, 3 Осень
кружит листья и с ними – мою душу.
Дай им лечь помечтать на край
твоего бассейна.

IV, 17 Чаша горя нам слаще меда:
Жизнь лишь дым, смерть лишь тень от дыма
На весах бытия. Равняйте чаши.

Add. Тучи, дорога,
ветер в лицо, гром как сердце.
Крик попутного ворона
ничего в моей судьбе не изменит.

VI, 2 Под остывшим небом
в свисте ветра и криках охрипших птиц
Брести в вечер,
до версты, где привал и горький ломоть.

Add. Стонущий ветер
в золотом плаще свеваемых листьев,
Что ты скажешь

позднему солнцу, поздним плодам, позднему мне?

V, 12 Чтобы не слышать, как над этим миром
стучит мое сердце,
Ночью над прибоем взмолюсь я к морю,
и меня не станет.

III, 1 Выцвело лето, зима стучится,
я отворю.
Отвдыхали листья, плачутся сучья,
ни молвы, ни друзей.
Божьей искрой выгорев в горе,
выживу, выжженный.

ПЕСНИ

Эти переводы хоть и верлибром, но почти не конспективные. Поль Фор, проживший долгую жизнь графомана, «король поэтов» 1912 года, привлекал меня светлостью своего пустозвонства, и я переводил его не для эксперимента, а для душевного облегчения: последнее стихотворение в этой подборке («Naviget, haec summa est») помогало мне жить.

ПОЛЬ ФОР Песенка

Так, так, так – утонул рыбак.
Да, да, да – а над ним вода.

Ух, ух, ух – плачется пастух:
Ла, ла, ла – милая ушла.

Ой, ой, ой – блеет вал морской,
Да, да, да – как его стада.

Ах, ах, ах – оба в небесах,
Ля, ля, ля – а внизу земля.

У меня цветочки

У меня цветочки, у меня цветочки
Голубее этих глаз.
– Дай! —

Они мои, и больше ничьи,
Они растут на большом холме,
милая моя.

У меня уголечки, у меня уголечки
Жарче этих губ.
– Дай! —

Они мои, и больше ничьи,
Они горят под серой золой,
милая моя.

У меня сердечко, целых два сердечка,
Целых сто.
– Где? —

Они мои, и они для всех,
Они цветут на нашем пути,
На пути-дороге, на пути-дороге,
милая моя.

Колыбельная с игрушками

Дроворубы, плотники, выстройте ковчег.
Из белого дерева перекиньте мост.
Из желтого дерева – крепкие бока.
Из черного дерева – всех его зверей.
Из синего дерева – море-океан.

Сделайте, плотники, сто ковчегов Ноевых для ста малышей.
В каждом по входу для больших зверей.
И еще по входику для маленьких звериков,
 чтоб вошли слоны,
 и вбежали кролики,
 и влетели голуби,
 и вошел бы Ной.

Сделайте, плотники, сто ковчегов Ноевых,
Сделайте, плотники, маленькие входики,
 чтоб вошло
 все-все зверье,
 и старый Ной,
 и ты, и я.

Царица в море

Царица любила
Красивого матроса,
А он уехал в Индию
Подарить ей подарок дорогой.

Добрым лодкам и буря нипочем!

Чужой король
С черными кораблями
Взял царицу в жены,
А она возьми да утопись.

Добрым лодкам и буря нипочем!

Царица – в море,
А мимо плыла акула,
Раскрыла глотку
Да и проглотила не жуя.

Добрым лодкам и буря нипочем!

В черном брюхе
Было очень тесно,
Но царица
Оставалась милому верна.

Добрым лодкам и буря нипочем!

Доброй акуле
Было очень тяжело —
Плывет она в Индию,
Где гуляют белые слоны.

Добрым лодкам и буря нипочем!

Смотрит царица —
А там белый слон,
И на нем в короне
Милый, дорогой ее матрос.

Добрым лодкам и буря нипочем!

Она ему сказала:
«Вернись, матрос, к царице», —
А он отвечает:
«У меня таких цариц полон дом».

Добрым лодкам и буря нипочем!

А он отвечает:
«Ты пахнешь как могила!» —
«Это не могила,
Так уж пахнет в акульем животе».

Добрым лодкам и буря нипочем!

А он отвечает:
«У меня все жены
Пахнут духами —
Королевские парижские духи!»

Добрым лодкам и буря нипочем!

Царица плачет,
Акула ее прячет,
И в акульем брюхе
Возвращается царица домой.

Добрым лодкам и буря нипочем!

Чужой король
С черными кораблями
Взял царицу в жены,
И она уже ни слова поперек!

Добрым лодкам и буря нипочем!

Киты

А когда мы плавали бить китов,
когда о нас плакали столько вдов, —
то при каждой был дороге Христос на крестах,
и на каждом был пороге маркиз в кружевах,
и была святая Дева, и был король!

А когда мы плавали бить китов,
когда о нас плакали столько вдов, —
то каждый матрос молился Христу,
а каждый маркиз плевал на Христа,
но была святая Дева, и был король!

А теперь на белом свете всем хорошо,
не печалуйся, матросик, нынче всем хорошо —
ни Христов на крестах, ни маркизов в кружевах,
и во Франции республика, и в Париже президент,
только нет,
только нет ни единого кита!

Жалобная песня про короля и королеву

Король с королевой, черные в черном,
идут по дубраве в вечерний час.

На ней ожерелье, на нем золотой крест.
«Возьми, возьми ожерелье: нашей любви конец». —

«Ты любила меня, королева: мне ли о том не знать?
Оставь, оставь ожерелье, возьми золотой крест». —

«Лучше помолчим под белой, белой луною:
в шелесте ветвей — прощанье ответ прощанью».

Только тень, тень плывет на замок,

только тень, и золото в листьях.

Что еще сказать, чего еще не сказано?
Ночь светла, а любовь мертва.

Что еще сказать? Небесам не милы
наша жизнь и наша любовь.

Любите: буря украсит любовь.
Страдайте: страданиям улыбнется душа.

Жалобная песня умирает печально:
король с королевой так любили друг друга!

Жалобная песня умирает бессильно:
ах, какая малость – наша земная любовь!

Проза в вечернем свете

Ранний вечер, ясное небо, синий день, голубая юность, маленькая луна, как беленькая душа.

В такую пору у открытых окон девушки за пианино сладко грезят о девушках из былого.

В такую пору томится шиповник о белой розе в мшистой руине.

В такую пору курочкам снится петушок на церкви.

А кроликам в поле – красная морковка.

В такую пору я тебя встретил до начала жизни – в пятнадцать лет, во сне, как в раю.

Синий воздух, дальние деревья, маленькая луна, как беленькая душа.

Смерть пришла

Бледная рука проросла в замке, вытянула палец, пролила лекарство.

Кто там? Никого. В комнате тепло, но как будто снег.

Пришла ко мне Смерть, села у огня, по белым костям дышит красный блеск. В костлявых руках маленький предмет блестит и подмигивает.

Звякнул бубенец – мне уже пора?

Нет, она встает, белая, прямая, точно минарет. Нет, она встает, треснувши суставами, и о лунный камень точит свой предмет. Наклонилась, ждет.

Сынок, ты готов?

Вот тебе и Смерть. Маленький удар, весело блеснув, развел душу с телом, и моя душа весело летит белить свое белье в длинный лунный свет.

Она умерла

Она умерла от любви, ее схоронили в земле.

Ее схоронили одну, схоронили в сосновом гробу.

И весело тронулись прочь, и весело стали петь.

И вышли в поля, в поля, и пели в полях, в полях:

«Она умерла от любви, и каждому свой черед».

Смерть светла

Не надо верить в смерть.
Вот солнце:
Оно как твои глаза.
Не надо горевать.
Вот небо:
Оно как твоя душа.
Тени расступаются: смерть светла.

Не надо верить в смерть.
Вот птицы:
Взлетают из темных рощ.
Не надо горевать.
Вот небо:
Поет, как твоя душа.
Кончилось молчание: смерть ясна.

Смерть ясна, смерть звенит —
Ангелы с архангелами радостно поют.
Люди их не слышат, а смерть верна —
Пение несется к неведомой звезде.

Смерть светла:
Небо улыбается, как твоя душа.
Не надо верить в смерть,
не надо хмурить лоб:
Душа твоя чиста,
и небо как душа.

Смерть пришла, и открылась жизнь —
Светлые души вокруг со всех сторон!
Лоб твой чист, бури позади —
Радостный, радостный пред тобою рай!

Голова святого Дениса

Весна, весна
над собором Богородицы!
Над порталом распустилась большая роза.

Весна, весна
на коленях перед Господом

в криках ласточек!
Над порталом святой Денис со своей головой в руках.

Гляньте: чудо!
в каменных кудрях —
птичье гнездышко;
Над ним ласточки, как легкие думы.

Хвала Господу,
Господу Живущему!
Наш весенний святой лелеет ласточек.

Король Клавдий

Черный лес, черный сад.
Я еду с охоты, черный и злой,
а там, за спиной, — золотой закат.

Так всегда, брат, убивший брата.
А всему виною — ты, королева.
Взойдем на башню, посмотрим на море.

У берега лодка, из лодки выходит Гамлет.
Он сумасшедший или просто устал?
Сойдем, Гертруда, заглянем ему в душу.
В лестнице шестьсот ступеней.

С каждой смертью солнце все ниже.
Крысы из нор смотрят на луну.
Оботри ему лоб, Гертруда: мальчик простудится.

Он увидит: я буду сидеть спокойно,
ему понравится такой конец.
Спасибо, государыня: я пью до дна!

Гамлет

Гамлет,
наскучив чужим безумьем,
объехал мир
и видит при лунном свете,
что он не покидал Эльсинора.
Гамлет объехал мир, в уме он объехал мир.

Гамлет

у стены, обращенной к Риму,
слушает соловья,
и прах двенадцати цезарей
блестит ему из камней.
Гамлет объехал мир, в уме он объехал мир.

Гамлет
три раза обходит замок —
вот и весь мир!
А луна – это бедный Йорик,
безмозглая голова.
Гамлет объехал мир, в уме он объехал мир.

Башня
бросила тень на террасу,
по террасе гуляет призрак.
– Ах, отец,
давай путешествовать вместе:
чтобы тебя найти, я трижды объехал мир!

Фортинбрас

Я, Фортинбрас,
кого ждали так долго,
выхожу на миг
для последних слов.

Я один
закрываю драму,
мои войска
полегли за сценой.

Синий плащ мой
тяжел от крови.
Занавес рушится
на трубный звук.

Раз, два, три —
Эльсинор разобран.
Мы с Шекспиром
уходим за кулисы.

Лондонская башня

Это так —

граф Варвик погиб:
наконец-то, наконец-то погиб!
Но, увы – жив
старый Генрих, старый Шестой —
выжил из ума,
но жив.

На блеклый лоб
падает седина,
он откидывает ее вновь и вновь,
и слюни текут из губ.

Он сидит
в Тауэре над рекой,
он в тюрьме,
крысы и мыши кишат вокруг,
но они не тронут его —
он так бледен, что нагоняет страх.

Он как лунный луч
из решетчатого окна,
за которым звездная рябь.
И ему не вернуться ввысь,
потому что большой паук
переткал ему дорогу назад.

Призраки – не для крыс,
лунные лучи – не для мышей.

Кругом темно, и нечем дышать —
а король все жив.
Ни еды ему, ни воды —
а король все жив.
И понадобится добрый Ричард Глостер,
чтобы вдруг испустил он дух, —
разумеется, только от меланхолии.

Шарль Орлеанский в Лондонской башне

В целом мире нет места краше, чем графство Блуа, над которым Шарль.
В черной башне над мутной Темзой он плачет песней о своей Луаре.
Английской ночью он плачет песней о ясных звездах над милым Блуа.
Невольник слова, он плачет, спящий, и сны его – по-французски.
Вспоминает Францию, города и сельщину, двор и замок.

А тюремщик лязгает, крыса пробегает по полу, звонят к английской заутрене.

Слабо слово, сдавлено слово, и все-таки сон поет.

О любви, о юности, о былом, не о будущем, пленник памяти, тоскует Шарль.

Горе

Ласточка летит. Вечер.

За ласточкой летит ястреб.

Над зыбким прудом – месяц,

На месяце две тени.

А камышам нет дела:

Жизнь там или смерть в небе?

Небеса кричат горем,

А вода едва дрогнет.

Морское прощание

На суше – люди и люди.

Как нам найти друг друга?

А впереди – море,

А в море – острова.

Ты говоришь: ты ждешь

Меня на тех островах?

Ах, не смейся:

Разлука – это ведь больно.

Я отплываю в море,

От меня отплывает берег,

Отплываешь ты.

Ты на берегу – как точка.

И уже ничего не видно.

И все.

Морская любовь

Маленькая жизнь

и большое море.

Ты меня любишь,

а я матрос.
А в море буря,
а в море тишь:
надо плыть.

Маленькая жизнь
и большое море.
Тебе так страшно,
ты очень меня любишь.
Кабы ты бы любила
большое море,
ты сказала бы тоже:
надо плыть.

Мне плыть
на смерть,
а тебе —
на мою любовь.
Маленькая жизнь
и большое море —
понимаешь, милая,
надо плыть.

Буря и тишь,
причал и отчал,
черная скала
и морская пасть,
кораблю не выплыть,
а надо плыть.

А ты меня любишь и будешь ждать.
А там придет другая любовь.

ПОДРАЖАНИЯ ДРЕВНИМ

Это перевод заказной и поэтому точный. Для Эзры Паунда «Оммаж Сексту Проперцию» был упражнением в академическом авангардизме. Здесь четыре стилистических слоя: мотивы римских любовных элегий; косноязычный прозаизм учебных английских подстрочников; эпатирующие вульгаризмы авангардной поэтики; и сквозь них серьезное, даже подвижническое стремление встроить античную классику в небывалый синтетический *grand art* XX века, на сотворение которого он положил всю жизнь. Комментировать античные имена и реалии этого сочинения было бы слишком долго; я прошу читателя поверить, что все они употреблены Паундом безукоризненно. Только во всеядном верлибре, изломанном на разный лад, мог такой проект рассчитывать на успех. Когда этот перевод печатался в журнале, эту изломанность в нем ликвидировали: каждая строка была набрана как сверхкороткий абзац – вроде прозы Дорошевича или Шкловского. Текст сразу стал казаться гораздо бессодержательнее, чем он есть: видимо, читательская установка на прозу автоматически заставляет ждать чего-то гораздо более умного, чем в стихах. Вот что значит графический облик текста.

ЭЗРА ПАУНД Оммаж Сексту Проперцию

Orfeo
«Quia pauper amavi»⁴

I

Дух Каллимаха, косская тень Филета,
В вашу сень я иду,
Первым из чистейшего родника
Почерпнув для Италии греческие оргии и греческие пляски.
Кто учил вас, где слышали вы такие ритмы?
Чья стопа отбивала вам такт, чья вода орошала вам свист?

Пусть томители Аполлона тянут свои Марсовы генеральности —
Мы скребницами выскребем их страницы.
Нынче новую квадригу тащат кони в венках —
Юная Муза в сонме юных любовей возносит меня к созвездьям:
Нет для Муз мощеных дорог.

Анналисты не кончат свидетельствовать римские доблести,
Закавказские знаменитости скажут славу знаменитостям Рима,
Развернут пределы империи, —
Но чего бы почитать просто так?
Хоть бы пару непачканных страниц с двувёршинного взгорья!
Не хочу венка, который плющит голову. Не спешу —

⁴ «Ибо любил я, убог...» (*лат.*).

После смерти и так мне будет слава.
Потому что издали все видно крупней, независимо от качества.
Кто бы знал про башни, рушенные досчатым конем,
Про Ахилла поперек струй Симоису,
Про Гектора в грязи у колесных ободьев,
Про Полидаманта, Гелена, Деифоба? Клянусь Скамандром,
Их с Парисом не знали бы даже в их собственных дворах!
«О Илион! о Троя! дважды в этейском полоне!» —
Это лишь потому, что за вас заступился Гомер.

Так и будет мой зенит меж римских правнуков:
Без плиты на моем постылом гробе
Прозвучу я из Фебова храма в Патарах (Ликия),
Мои песни в должный срок пойдут в мир
В радость полудевам, когда те свыкнутся.
Так Орфей укрощал зверей и уздал фракийскую реку,
Киферон тряс в пляс глыбы для фивских стен,
И к твоим, Полифем, взмыленным коням под Этною
Не клонились ли жесткая Галатея на голос песни?
Нужно смотреть в суть.
Бахус и Аполлон – за.
Молодые дамы сбегутся читать мои разглаголы,
Хоть мой дом не на тенарских столпах из Лаконии (где Нептун и
Цербер),
Хоть и не под золочеными он стропилами,
И сады мои не так разлеглись, как рощи Феакии,
такие роскошные, такие ионийские,
И на гротах моих не сплошь лоза из Марки,
Погреба мои не от Нумы Помпилия,
И не дыбятся винными бочками,
И не снабжены патентованными холодильниками, —
Но друзья Камен, сунув в мои книги свой общий нос
И устав от реалий, обратятся к моим напевам.

Счастлив, кто попал в мою хронику:
Мои песни – славное надгробье их красоте.
Что сравнится?
Ни звездоскребы пирамид под небесными орбитами,
Ни хоромы, как Зевсов дом в восточной Элиде,
Ни колосс Мавзола не озарят нам смерть.

Пламя жжет, а ливень втекает в щели,
И под копытами годов – все трещит по швам.
Только высится гений – бессмертная краса, и года не изотрут его
имя.

II

Я воочию возлежал под сенью, Геликон мне был как подушка,
И сочился след Беллерофонтова коня.
Альба! к твоим царям и державе, воздвигнутой с толиким
усердием,
Воззывает моя лира с толиким же усердием.
И мой маленький рот будет булькать в больших потоках,
Из которых пил оный Энний, воссев до меня.

Я примерился к братьям Куриям, я сделал зарубки
На Горациевом дроте у книжных полок Кв. Г. Ф.:
О державной Эмили с достопамятным челном,
О победной медленности Фабия и о том, что вышло при Каннах,
И о ларах, бегущих от очага, и о Ганнибале,
И о Риме под защитой гусей, – обо всем я спел.
Но взглянул на меня Феб с Кастальского древа
И сказал: «Дурак! На кой тебе этот ручей?
Кто заказывал тебе книгу о героях? Нечего
Тебе думать, Проперций, о такой репутации.

Маленьким лугам – маленькие колеса.
А страничкам твоим – путь в постель к девице,
Поджидающей любовника. Не сбейся с цели!
Не потонет корма с твоим гением: оставь чужим веслам
Воду и чужим колесам арену. В толпе не лучше, чем в море».
Так сказав, он смычком указал мне место:

Виноградные оргии, глиняные Силены
С тростником внутри для крепости, тегейский Пан,
Кифереины птички, их пунические клювы, красные от горгонских
вод,
Девять девок с девяти сторон с приношеньем ей в нетвердых
руках, —
Вот моя свита и рампа. Венера, по локти в розах,
Обвила Вакхов тирс плющом, напрягла мои струны в песне,
А одна из Муз, обиженно глянув, —
Каллиопа – сказала:

«Твое дело – белые лебеди!

Ни божьи кони не ринут тебя к битве,
Ни глашатай не вструбит к тебе в классический рог,
Ни Марс не кликнет тебе в Эонийской чаше,
Ни там, где римляне рушат германское добро,
Ни где Рейн течет варварской кровью и влечет тела израненных
свевов.

Нет: любовники в венках перед чьими-то дверьми,
И ночные псы, и следы пьяных драк —
Вот твои образы: твоё дело —

Очаровывать юных затворниц и язвить суровых стариков».

Так сказала госпожа Каллиопа,
Сполоснувши руки в ручье, а потом для бодрости
Брызнув мне в лицо обмывками косского Филета.

III

Полночь, и письмо от моей госпожи:
Быть к ней в Тибур: мигом!
«Розовые пальцы встали в небо над башнями,
В плоский пруд впадает с всхолмий куца Анио».

Что мне делать? ввериться ли неверной
Тьме, где каждый разбойник меня прищучит?

Но промедлить по этой уважительной опаске —
Значит: слезы и попреки хуже разбоя,
Значит: я же виноват, и не меньше
Чем на целый год: ее руки ко мне безжалостны.

Нет богов, не жалостливых к влюбленным в полночь,
На скрийской дороге!
Кто случится влюблен, ступай хоть в Скифию,
Никакому варварству не хватит духа ему во вред.
Свечкой ему – луна, а звезды осветят выбоины,
Все дороги ему спокойны во всякий час:
Кто, зловредный, прольет чистую кровь ухаживателя?
Поводырша ему – Киприда.
Пусть разбойники нападут на след – умереть не жалко:
Ведь она придет к могиле с ладаном и венками,
Ведь она воссядет статуей у костра.

С божьей помощью прах мой ляжет не в людном
Месте, где толкутся прохожие толпы,
От которых гробам влюбленных всего похабней.

Пусть лесной заказник прикроет меня листвою,
Или холмик, или не значащийся в описях песок, —
Только бы не эпитафия на большой дороге.

IV. *Разномыслие с Лигдамом*

Лигдам, скажи мне правду: что ты слышал о нашей верной
красавице? —

И пускай недешевое ярмо госпожи станет тебе сносей,
Потому что изжога мне от дутых твоих любезностей
И морока от вздора, в который не поверю ни в жизнь.

Ни один вестник не приходит ни с чем и поэтому осторожничает:
Долгий разговор – словно крепкий дом.
К черту это все, Расскажи мне толком и сначала:
Вот – я развесил уши.
Что? она рыдала, раскинув волосы? Ты видел?
Слезы рекою? И ты, Лигдам,
Видел ее распростертой на постели? не с зеркальцем,
Не в браслетах на белых ручках, не в золоте,
Вся закутавшись в скорбное покрывало,
Писчие принадлежности – под крышкой в ногах постели,
Скорбь во всем доме, и горестные служанки
Горестны оттого, что она им рассказала свой сон?
Посредине постели – под вуалью,
А в глазницах – непросыхающие платки,
А на наши нежные упреки – сварливый крик.
И за эти вести ты ждешь от меня награды, Лигдам?
Долгий рассказ – словно крепкий дом.
А соперница? «Не изящными завлекла манерами,
А варя приворотные травы, вертя камбалу колесом,
Жаря дутых жаб, и змеиные кости, и перья линялых сов,
И опутывая в могильные лоскутья. Пауков ей в постель!
Пусть любовники храпят ей над ухом! Пусть подагра
Скрючит ноги ей! И он хочет, чтоб я спала одна?
И он ждет сказать над моим гробом гадости?»

Кто же, год промучась, поверит этому!

V

1

Пора вымести Геликон, вывести пастись эмафийских коней,
Сделать переключку римским вождям,
А не хватит сил – пусть похвалят волю:
«В столь великом деле и попытка хороша».

Ветхий век пел Венеру, а новый – битвы;
Так и я допою красавицу и начну про войну:
Выволоку ладью на песок и затаю напев величавее —
Муза уж готова подсказать мне новый гамбит.
Ввысь, душа, от низких попевок! Облекись в своевременную
мощь!

Шире рот, державные Пиериды! Таков уж спрос.
Вот: «Евфрат отвергает покров парфян и просит прощенья у
Красса», —
Вот: «Я вижу, Индия клонит шею в твоём триумфе», —
И так далее, Август. «Девственная Аравия потрясена до
пустынных стойбищ»,
Если кто ещё прячется от твоей десницы в дальний берег – так это
до поры.
Я – вослед тебе в битвенный лагерь, и меня прославят за песни
О делах твоей кавалерии. Лишь бы судьбы меня оберегли.

2

Но ты спросишь, почему я все пишу и пишу про любовь
И в устах моих вот эта немужественная книга?
Мне напели ее не Каллиопа и не Аполлон:
Вдохновение мое – от красавицы.

Если бегают по лире пальцы, белые, как слоновою кость,
Мы любимся этим делом —
Как проворны эти пальцы. Если волосы сбились на лоб,
Если выступает она в козском блеске и в пурпурных туфельках —
Вот и тема; а если глаза ее в дремоте —
Вот и новый предмет для сочинителя.
Если, скинув рубашку, она забавляется со мною —
Это стоит нескольких Илиад.
И чего бы она ни говорила и ни делала,
Мы сплетем бескрайние сплетни из ничего.

Вот какой мне выпал жребий, и если бы
Я и мог, Меценат, обрядить героя в латы, то не стал бы,
И не стал бы звякать о титанах, ни об Оссе, вздыбленной на
Олимп,
Ни о гатях через Пелион,
Ни о древнепочтенных Фивах, ни о славе Гомера над Пергамом,
Ни о Ксерксе с двудонной державой, ни о Реме с царской его
роднею,
Ни о карфагенских достойнейших фигурах,
Ни о копиях в Уэльсе, и какая прибыль от них у Мара.
Да, деянья Цезаря – это вещь... но лишь как фон,
Обошелся же без них Каллимах,
Без Тесея, без ада, без Ахилла, любимчика богов,
И без Иксиона, без Менетиевых сыновей, без Арго
и без гроба Юпитера и титанов.

Вот я и не трепещу нутром на все эти Цезаревы «О!»
И на голос флейты фригийских предков.

Ветры – моряку, пахарю – волы,
Воину – считать раны, а овцепасу – агнцев;
Нам же в узкой кровати – не до битв:
Каждому свое место и на каждый день свое дело.

3

Умереть от любви – благородно; прожить год без рогов на лбу –
это честь.

А она еще ругается на девиц легкого поведения
И корит Гомера, что Елена ведет себя невоспитанно.

VI

Когда смерть смежит наши веки,
Мы отправимся, голые до костей,
На одном плоту, победитель и побежденный,
Через Ахеронт – Марий и Югурта одним этапом.
Цезарь строит план против Индии,
По его указке потекут и Евфрат, и Тигр,
На Тибете – римские полицейские,
У парфян – наши статуи и римская религия;
И общий плот через дымный Ахеронт,
Марий и Югурта – вместе.

На моих похоронах не быть свите с ларами и масками предков,
Не взревет моя пустота из труб,
Ни Атталова мне ложа, ни надушенных саванов —
Маленькое шествие за маленьким человеком.
Довольно, что я захвачу три книги, —
Этот дар Персефоне чего-то стоит.

Моя голая грудь в рубцах —
Вы за нею, вы вскликнете мое имя, вы исправно
Поцелуете меня в губы в последний раз
Над сирийским ониксом, уже разбитым.

«Ныне праздный прах,
Прежде был он невольник страсти».
Припишите к этой эпитафии:
«Смерть, зачем ты пришла так поздно?»

Вы поплачете о минувшем друге —
Так уж водится:
Кого нет, о том и забота

С той поры, как пропорот Идалийский
Адонис и Киферея вопила, раскинув волосы на бегу, —
Понапрасну, Кинфия, понапрасну
Звать теней: наши кости не щедры на слова.

VII

Как я счастлив, ночь, ослепительная ночь,
И постель, блаженная от долгих услад,
И болтовня при свете,
И борьба, когда свет унесли,
И раскинутая туника, и голые груди,
А когда я задремал, она губками
Мне раскрыла веки и сказала:
«Соня!»

Объятья не столько ладов, сколько сплетений рук,
Столько поцелуев, повисающих на губах, —
«Не пускай Венеру вслепую:
Взгляд – поводырь любви,
Парис взял Елену нагою с Менелаева ложа,
Голым был Эндимион, светлый искуситель Дианы», —
Так, по крайней мере, говорят.
Наши судьбы сплелись – так накормим глаза любовью,
Ибо будет последний день и долгая ночь.
Пускай же никакой
День не сможет развязать божьи узы.

Глуп, кто ставит край любовному безумию,
Ибо раньше солнце на вороных конях
Прянет в небо, ячмень родит пшеницу,
Реки хлынут к истокам, рыбы станут
Плавать по суху,
Чем положится мера для любви.
Наливайся, плод жизни, покуда так!
С сухих венков осыпаются лепестки,
из сухих стеблей плетут корзины —
Так вдохнем же сегодня любовный вдох —
завтра судьбы захлопнутся, и кончено.

Ты целуешь без конца, а все мало.
Не болеть мне о других – я по смерть —
Кинфиин.
Если быть таким ночам – то долго мне жить.
Если быть им многим – то я сам бог:
До поры до времени.

VIII

Господин Юпитер, помилуй несчастную,
Ибо лишняя смерть украсит твой счет:
Время летнее, воздух спекся,
Задышается земля под палящим Псом,
Но не это главное,
А то, что она не чтит всех богов:
Ведь такие упущения в былое время
Сокрушительны бывали для юных дам
И их кухонные обеты были писаны вилами по воздуху и воде.

Что ли Венера озлобилась на соперницу
И исполнилась зависти картинная краса?
Или обошла ты Юнону Пеласгийскую?
Или охулила Палладин зрак?
Или это я сам тебя сглазил бесконечными комплиментами?
Вот и приходит в стольких бедах замкнуть бурную жизнь
Кроткий час последнего дня.

Ио мыкалась, мыча, много лет,
А теперь, как богиня, пьет из Нила.
Ино, чокнутая, бежала из Фив.
Андромеда брошена была чудищу, но чин чином вышла за
Персея.
Каллисто в медвежьей шкуре бродила по аркадским выгонам,
А на звездах ее был черный покров.
И когда подойдут твои сроки, подступит твой час покоя,
Вдруг самой тебе станет смерть в угоду,

И ты скажешь: «Рок мой тот же,
Чудно тот же, что у Семелы»,
И поверишь, и она поверит по опыту,
И среди всех меонийских красавиц в славе слова
Ни одна не воссядет выше, ни одна не оспорит твое первенство.

Вот теперь сноси свою долю бестрепетно,
Или злой Юпитер оттянет твой смертный день —
Чтоб Юнона не почуяла. Старый блудень!
Или, может, явись моя молоденькая —
И самой Юноне как?

Так ли, сяк ли, а быть заварушке на Олимпе.

IX

1

Смолк аккомпанемент на цитрах;
Жженный лавр валялся в золе;
Месяц все еще силился сойти с неба, —

Но все слышалось совье зловещее «угу».

На одном челне, паруса в лазурь,
Наши судьбы плывут по мглистому Аверну.
Мои слезы – за нас двоих.
Если выживет она – буду жить,
А умрет – отойду ей вслед.
Зевс могучий, помилуй ее, не то
Она сядет под покрывалом у ног твоих
И начнет перечислять свои беды.

2

Персефона и Дит, Дит, смилуйтесь!
Ведь и так в аду достаточно женщин,
И красавиц больше чем достаточно:
Пасифая, Тиро, Иопа, полноценные ахеянки,
И из Трои, и из Кампании, —
Смерть на всех точит зуб, Аверн зарится на всех;
Красота кратка, и богатство минет;
Скорая ли, нет ли, а смерть медлит лишь до поры.

3

Светик мой, свет очей моих,
Ты избегнула великой опасности,
Так вернись же к пляскам Дианы и воздай подобающие дары:
Заплати по обету ночными бдениями Диане, богине дев,
И меня не оставь без платы:
Ты мне обещала десять ночей вдвоем.

Х

Светик мой, свет очей моих, поздно-поздно ночью
Я бродил пьяный, ни раба под рукой,
Как вдруг выбежала мне навстречу группка маленьких мальчиков;
Я не знал их,
Я боялся их численного превосходства,
А из них одни были с факелами, другие с луками,
Остальные стали меня вязать, и все были голые,
А один предавался сладострастию.

«Распаленная женщина отдала его нам в угоду», —
Так сказал он – и петлю мне на шею.
А другой: «Свинец ему в глотку! Гони его, гони!»
Третий перебил: «Он не чтит нас за богов!» —
«Где он был, когда она ждала того мерзавца
В новом сидонском колпаке, со свержавийскими духами?
У нее едва глядели глаза —
Запишите это за счет его! Прочь!»

Мы уже подходили к ее дому,
И они еще раз рванули меня за плащ.
Было утро, и я хотел посмотреть, одна ли она у себя,
И она была одна и в постели.
Я опешил.

Никогда не была Кинфия так хороша —
Ни даже в пурпурной тунике.
Такова она явилась мне, чуть очнувшись, —
Ты заметишь: в чистой форме есть ценность.

«Ранний ты дозорщик любовницам!
И ты думаешь, твои привычки – по мне?»
Постель – без признака сладострастной встречи,
Без следов второго лежателя.

А она продолжала:
«Ни один инкуб на меня не налегал,
Хотя духи и ославлены блудом.
А сегодня мне нужно во храм Весты...»
и так далее.

С тех пор не было мне сладких ночей.

XI

1

Злые дела твоего легкомыслия! Много их, много.
Я повис здесь пугалом для любовников.

2

Бежать? Идиот! Бежать некуда.
Если хочешь – беги в Ранавс, – и желанье тебе вослед,
Хоть ты вздыбься на позолоченном Пегасе,
Хоть имей пернатые Персеевы сандалии,
Чтоб разрезать воздух и взмыть, —
На больших Гермесовых тропах нет тебе убежища.

Над тобой – Амор: Любовь – гонитель любящих, вес на вольной
шее.
Ты бежишь из наших глаз – не из города,
Ты способна лишь к пустым на меня умыслам,
Ты лениво растягиваешь сеть, уже привычную мне.

Но опять новый слух поражает мне слух.
Слухи о тебе – по всему городу, и ни единого доброго.

«Злым языкам не верь.
Красота мишень клевете.
Это пробовано всеми красавицами».
«Твою славу не испятнает яд».
«Феб свидетель, твои руки чисты».

Чужеземный любовник сокрушил Еленино царство,
А она, живая, приведена домой;
Кифереянка пала от Марсовой похоти,
Но царит в высокочтимых небесах...

Ах, довольно, клянусь росистыми гротами, —
Этих Муз на мшистых кряжах, на скатах скал,
Этих хитрых любовностей Зевса в оны дни,
И жженных Семел, и блуждающей Ио.
О, как мчалась птица от троянских гребцов,
И как Ида спала с пастухом между овцами.

Все равно бежать некуда,
Ни к Гирканскому взморью, ни на поиск Эойских прибрежий.

Все простится за одну лишь ночь твоих игр —
А ты идешь по Священной дороге с павлиньим хвостом вместо
веера.

ХП

Кто же, кто же еще найдется, чтоб доверить другу подругу?
Любовь пересекается с верностью.
Даже боги ведь позорили родичей.
Каждый хочет яблока себе одному.
Люди милые и согласные невоздержностью втягиваются в
поединки.
На правах гостеприимства пришел к Менелаю троянец и
прелюбодей.
А еще была Колхида, и Ясон, и та колхидянка,
И вообще, Линкей, ты был пьян.

Как ты вынес такую неразборчивость?
Да, она не страдала верностью.
Но проткнуть мечом себе брюхо, но издохнуть, глотнув травы,
Было бы, мой мальчик, предпочтительнее, —
Мой Линкей, напарник жизни, сердца, монет,
Только не постели, только не постели. Здесь мне не надо
Ни твоей, ни Юпитеровой помощи.

А ты еще пишешь про Гераклов бой с Ахелоем,
Про коней Адраста, про игры по Ахенору
И никак не бросишь копировать Эсхила, —
Ты окрошка из Антимаха, а думаешь, что Гомер.
А девчонке нет дела до богов —
Ни одна из них не ищет начал Вселенной,
Ни расписания лунных затмений,
Ни останется ли что-то от нас,
Когда мы переедем зыби ада,
Ни о предопределеньи громов,
Ни еще о чем-нибудь важном.

На Актийских болотах Вергилий—главный полицеймейстер Феба.
Он пишет перечень Цезаревым кораблям,
Он дрожит по Илионским браням,
Потрясает троянским клинком Энея
И бросает полчища на Лавинийские берега.
Прочь с дороги, римские авторы, потеснитесь, греки,
Ибо в работе нечто побольше Илиады

(И притом по монаршему указу).
Потеснитесь, греки!

А ты тянешься за ним «в сень фригийских сосен:
Тирсис и Дафнис с долблеными тростниками,
И как десять соблазнов портят девушек —
За козленка, за доеное вымя, за дешевые яблоки
Они рады продать свою бедную любовь.

Тирсис, верно, пел таких же стерв,
Коридон искушал Алексиду,
И селяне, лежа в жите после этого, усталые,
Слышали хвалу от кротких гамадриад». —
Ну, давай же по Аскрейским прописям, старинным, почтенным,
вордсвортовским:
«Плоскому полю – колосья, холмам – виноградные лозы».

Посмотри на меня, я не богат,
Я не генеральского рода,
Триумфы мои – меж девиц неопределенного свойства,
Мой талант прославлен у них в застольях,
Мне подносят вчерашние венки,
И бог разит меня за мертво.

Как ученая дрессированная черепаха,
Я бы делал стихи в твоём духе, но лишь по её приказу,
Когда муж её будет взывать о смягчении приговора, —
И даже этот позор не привлечёт обильных читателей
Ни учёною, ни усиленною страстью,
Потому что с высот благородства не текут ручьи.
Нужен отзвук, отзвук и звучность... как у гуся.

Варрон, страстный в любви к Левкадии,
Пел Ясоново плаванье, —
Это – песнь для пергамента! Похабник Катулл —
О Лесбии, знаменитой громче Елены;
И на крашенных страницах Кальва
Кальв оплакивает Квинтилию;
И вот только что Галл воспел Ликориду —
Ах, прекрасная Ликорида! —
И загробные воды омыли его рану.
А теперь певец Кинфии, Проперций, становится с ними в ряд.

БАЛЛАДЫ, 1

Эти стихи в переводе сокращены больше чем какие-нибудь другие. Я плохо знаю греческий язык, и Кавафиса читал только с помощью параллельных переводов. Они не могли передать главного во всяком поэте – языка. Где Кавафис архаичен, где прозаичен, где торжествен, где сух и, главное, зачем – я не знаю. Поэтому он всегда казался мне докучно многословным. Он походил на нашего Случевского – безъязычного русского Бодлера, поэта, который чувствовал мир как человек XX века, но был обречен говорить о нем громоздким и неприспособленным языком XIX века. Ни Случевский, ни тем более смутно слышанный Кавафис в этом не виноваты: виновата смена вкуса, от риторики обилия – к риторике сжатости. Здесь только стихотворения на античные темы: чисто лирические стихи Кавафиса моему чувству недоступны. Стихи расположены в приблизительной исторической последовательности. О Демарате можно прочесть у Геродота, о риторе Героде Аттике у Филострата, о Либании у Либания; поэт Мелеагр – эпиграмматист из евангельской Гадары, а поэт Ламон выдуман. Деметрий – это Деметрий Полиоркет, царь без царства; Феодот – тот, который побудил последнего Птолемея зарезать бежавшего в Александрию Помпея в угоду Цезарю; Артемидор – тот, который в день убийства Цезаря подал ему письмо о заговоре против него.

КОНСТАНТИНОС КАВАФИС

Молитва

Утонул моряк, а мать и не знает,
И свечу пред Господом теплит,
И всепонимающими глазами
Смотрит на нее Богоматерь.

Фермопилы

Счастлив, кто стережет Фермопилы духа:
Помнит долг,
Справедлив и милостив,
Щедр в богатстве, щедр в бедности,
Сам не лжет, но прощает лгущих
И знает,
Что уже за спиною его – враги.

Измена

На брачном пиру
Пелея и Фетиды
Пел им Аполлон
О грядущем их сыне, о его
Светлом детстве, бранной славе, бескоробной старости.

Ахилл погиб,
И Фетида билась в неистовстве,
А потом спросила:
«Где же был Аполлон?» —
И услышала: это он и грянул
В грудь Ахилла золотой стрелой.
Почему?

Троя

Мы как в Трое:
Окрыляемся малейшей удачей,
А потом Ахилл
Грянет криком – и мы трепещем.

Мы как в Трое:
Полагаемся на доблесть и смелость,
Но ударит рок —
И бежим мимо стен, как давний Гектор.

А со стен
Уж оплакивают нас Приам и Гекуба.

Итака

Когда встанет время отплыть в Итаку —
Помолись, чтоб долгим был путь,
И он будет мирным —
Потому что киклоп, лестригоны, Скилла
Не в морях, а в твоей душе.
Долгий путь,
Светлые заводы феаков,
Щедрые причалы финикиян,
Мудрые беседы египтян,
А Итака – вдали,
Ждущая тебя старцем,
Просветленным, умудренным, богатым,
Ибо лишь для нее,
Каменистой, убогой, скудной,
Ты поплыл стать таким, как стал.

Демарат

Демарат, спартанский изгнанный царь,
Живет советником при Дарии и при Ксерксе,
Готовит их войско для похода на Грецию,
Чтобы вернуть себе трон,
И молча знает,
Что победа останется за греками.

Эту тему придумал софист Порфирий
Для очередной декламации.

Эсхил («Сидонские юноши»)

Он велел написать на своей могиле:
«Я, Эсхил, славно бился при Марафоне».
Он хотел, чтоб читающие воскликнули:
«Но его трагедии еще славней!»

Артаксеркс («Сатрапия»)

Горько изнемочь
И прийти к Артаксерксу в Сузы,
И просить, и получить все просимое,
Потому что нужны тебе не сатрапии,
А лишь слово в похвалу твоему слову.

Лакедемоняне («Год 200 до Р. Х.»)

«Александр, сын Филиппа, со всеми эллинами, кроме
лакедемонян» —
Сказано в надписи.
Это правда:
Лакедемонян не было —
Никогда, ни с кем, ни за кем.
Это без них
Были Граник, Исе, Арбела, Индия,
Это без них
Маленькая Греция стала миром.
Мы ее наследники —
Александрийцы, антиохийцы, бактрийцы —

Александра, сына Филиппа, со всеми эллинами.
Кроме лакедемонян.

Деметрий

Македонцы предпочли Деметрию Пирра.
Деметрий снял златотканый плащ,
Надел темный
И ушел, как актер, сыгравший зрелище.
А народ обиделся: «не по-царски!»

Филэллин

Сделай лицо величественным,
Диадему на греческий лад,
На обороте какой-нибудь дискобол,
Надпись без напыщенности,
И обязательно причекань: «Филэллин».
Нечего смеяться,
Что от нас до них и горы и реки:
Так ведь пишут и те, кто подальше нас,
А загожие софисты бывают всюду.

Герод Аттик

Александр Селевкийский пришел в Афины,
А в городе никого:
Все ушли послушать Герода Аттика.
Александр ему пишет: «пусти хоть сотню»,
А Герод: «я вернусь, и со мной афиняне».
Много молодых
В Александрии, Антиохии, Бейруте,
Говоря в застольях о любви и мудрости,
Замирают на полуслове,
Вспомнив Герода Аттика,
Потому что куда он, туда и все.

Безымянный («Вот он»)

Человек из Эдессы сидит в Антиохии
И пишет, пишет: песнь восемьдесят третья.

Все давно опротивело. Одна надежда:
Лукиану приснилось: «Смотрите, вот он!» —
А он это услышит наяву.

Феодот

Если ты велик, победен и славен,
Вспомни: все равно
Дрогнет сердце, когда в Александрии
На кровавом блюде
Феодот
Поднесет тебе голову Помпея.

Если ты смиренен и мал,
Вспомни: все равно
Феодот
Уже, может быть, стучится в дверь соседа.

Цезарь («Иды марта»)

На пути ввысь
Осторожней ставь ногу,
Ибо на вершине
Ждет тебя Артемидор с предупреждением,
Которого ты не успеешь прочитать.

Александрия («Александрийские цари»)

Трое сыновей Клеопатры
Явятся народу в гимнасии —
Александр,
Царь парфян, армян и мидийцев,
Птолемей —
Финикийский, киликийский, сирийский,
И Цезарион, царь царей,
В розовом шелку, в аметистах
И сапфирах, в жемчугах и венке.
Все это – звук пустой,
Но под синим небом
Почему бы не прокричать им славу
По-еврейски, по-коптски и по-гречески?

Антоний («Дионис покидает Антония»)

Ночью,
Слыша музыку и пение в темноте
Уходящей от тебя Александрии,
Радуйся,
Что она почтила тебя собой,
И, давно готовый,
Вслушивайся,
Прощайся
И не думай, что это сон.

Юлиан («Ты не познал»)

Юлиан сказал о Христовых книгах:
«Прочитал, познал, не признал».
Твой Сократ тебе ответил бы:
«Не признал – значит, плохо познал».

Юлиан, посвящаемый в таинства

Вдруг
Темнота подземелья просияла
Несказанными бесплотными ликами —
Дрогнул Юлиан и невольно по детской привычке
Перекрестился.

Все пропало, и вновь настала тьма.

Он сказал:
«Мне страшно:
Эти светлые исчезли от ужаса
Пред крестом».

Но посвящающие ответили: «Нет:
Они исчезли
Из презренья к твоему малодушию».

Симеон

Да, я знаю эти стихи и прозу —

Получше Либания, похуже Мелеагра, —
Но сейчас мне не до них.
Я случайно
Проходил мимо Симеонова столпа.
Христиане толпились, молились, млели,
А я вздрогнул: нас
Еще не было на свете, а он
И стоял, и стоит тридцать пять лет
На столпе, чтобы ближе слышать Бога.

Но из поэтов я больше люблю Ламона.

Посидония

В городе Посидонии
У Тирренского моря
Жили древние греки,
Но потом смешались с тирренами,
Забыли обычаи и язык
И лишь раз в году
Собирались на греческий праздник,
Садились в круг,
Вспоминали слова, кто какие знал,
Горько плакали,
А потом расходились по домам.
Так об этом сказано у Афинейя.

В ожидании варваров

- Отчего народ в перепуге?
 - Идут варвары, скоро будут здесь.
- Отчего сенаторы не у дела?
 - Идут варвары, их и будет власть.
- Отчего император застыл на троне?
 - Идут варвары, он воздаст им честь.
- Отчего вся знать в золоте и камнях?
 - Идут варвары, они любят блеск.
- Отчего ораторы онемели?
 - Идут варвары, они не любят слов.
- Отчего не работают водопроводы?
 - Идут варвары, спрашивайте их.
- Отчего все кричат и разбегаются?
 - Весть с границы: варвары не пришли,
Варваров вовсе и не было.
Что теперь будет?

С варварами была хоть какая-то ясность.

Предстоящее

У Аполлония Тианского сказано:
Боги знают грядущее,
Люди настоящее,
А мудрецы предстоящее —
То, что на пороге, всего страшней.

БАЛЛАДЫ, 2

Книжка Збигнева Херберта, из которой переведены эти стихи, называлась «Пан Когито» (cogito: «мыслию, следовательно, существую»): «чуть глуповатый, сильно озадаченный и всегда искренний», говорилось на обложке о ее герое. Я переводил эти стихи, заглядывая в английский перевод; при нем был отзыв Бродского: «Херберт хоть и поляк, но не романтик: он не накаляет температуру стихов, а понижает, пока они не начинают обжигать восприятие читателя, как железная изгородь на морозе». Я – тоже не романтик, глуповат и озадачен, поэтому стихи мне понравились. Переводил я их для собственного удовольствия, то есть с конспективными сокращениями, помеченными на полях. Два мифологических стихотворения были в сборнике напечатаны как проза, но я их тоже разбил на верлибры.

ЗБИГНЕВ ХЕРБЕРТ

Пан Когито смотрится в зеркало ^{20/28}

Кто выделявал наши лица? Кто
постническую душу
заслонил обжорливым подбородком?
Это он, а не я сдвигал глаза
из кустов, выслеживая пришельцев,
и топырил уши, ловя далекий
топот мамонтов по степям.
Низкий лоб, мало мыслей: женщины,
золото, земля, князь за всех,
не давай себя сбить с коня, —
и сквозь ветер, сквозь стены, с криком
в пустоту они рухнули в меня.

Я румянил и пудрил себя салонностью,
подпускал в глаза зеленого веронеза,
чистил уши Моцартами, а ноздри
ароматом старых книг, но опять
вижу в унаследованном лице
средневековые грехи, древнекаменные страхи,
яблоко от яблони недалеко —
я побит в поединке с своим лицом.

Пан Когито и его бездна ^{11/39}

Дома все хорошо, а за дверью – бездна.
Не Паскаля, не Достоевского, а своя.
Не бескрайняя, не ужасная, зато рядом —
(как пес, как сыпь на коже) —
у прилавка в булочной, за газетой в кафе.

Она узенькая, ноги не просунуть,
но ведь вырастет, и тогда будет худо.
А пока ее можно засыпать горстью песка,
но пан Когито этого не делает.
Возвращаясь домой, он бережно
укрывает ее ковриком у порога.

Пан Когито и его мысли 11/28

Говорят: шевельнулась мысль, —
но это преувеличение.
Мысли не шевелятся.
Они неподвижны,
как деревья в сером пейзаже,
как одноногие цапли на пустом берегу
мыслей, но чужих.

Неподвижны, потому что идти им некуда.

И они сидят на камнях и ломают руки
под тусклым небом
черепной коробки.

Пан Когито видит сны 12/19

Сны мельчают. Деду и бабке снились
мраморные лестницы, пурпур, факелы,
сердце птицей, в руке серебряный меч,
а на лицах маска первой любви.
Им гремел пророк Исайя из клубов дыма,
ужас был, как татарское нашествие,
счастье было, как дождь золотой.

А мне снится: я бреюсь перед зеркалом,
вдруг звонок, счет за газ, а я без денег,
и я вижу себя в зеркале и с криком вскакиваю.

Ах, приснился бы мне красный палач,
чтоб вздохнуть с облегчением.

Пан Когито представляет себе мифологию

Царевич Минотавр,

законный сын царя Миноса,
рос с большой головой дебила.

Модный мастер Дедал,
изобретший архитектурную педагогику,
выстроил ему лабиринт —
коридоры индукций и дедукций,
лестницы абстракций,
от простого к сложному на всех уровнях —

Минотавр ничего не понимал.

Чтоб избавиться от такого позора,
Минос выписал киллера Тесея,
и тот сделал свое нужное дело.
И тогда у головы Минотавра
в выпученных глазах
вспыхнул ум —
порождение жизненного опыта.

Так рассказано в надписи линейным шрифтом А,
до сих пор не расшифрованным.

Пан Когито еще раз представляет себе мифологию

Прометей
пишет мемуары
о месте героя в системе необходимостей
и как согласовать экзистенцию и судьбу.

В печке огонь, в кухне жена,
к ужину придут священник и доктор.

На стене чучело орла и письмо
с благодарностью от кавказского тирана,
огнем
выжегшего взбунтовавшийся город.

Прометей улыбается:
этот мир ему не нравится, но что делать?

Пан Когито представляет себе историю ^{18/30}

Калигула говорит:

Я любил моего коня-сенатора.
Он сиял незапятнанною попоной меж сенатской сволочи.

Он не говорил речей, был душою стоик
и, наверно, ночью в стойле читал философов.

Я хотел женить его на моей Цезонии,
чтобы вывести цезарей-кентавров,
но не вышло: оттого Рим и пал.

Я любил его так, что хотел распять,
но мешало его благородное телосложение.

Я хотел объявить его божеством,
но десяток дураков с мечами были против.

Он спокойно принял весть, что я умер,
он с достоинством претерпел изгнание
и скончался бездетным на бойне в Анции.

О посмертной судьбе его конины
история умалчивает.

Пан Когито рассказывает про искушение Спинозы ^{36/65}

Барух Спиноза из Амстердама,
шлифуя стеклышки, искал Бога.

Он увидел Бога и стал его расспрашивать
(и расширился его дух)
и о естестве человека
(Бог рассеянно поглаживал бороду),
и о первой причине
(Бог посматривал в бесконечность),
и о последней цели
(Бог покашливал и похрустывал пальцами),
а когда Спиноза умолк,
Бог сказал:

– Барух, ты хорошо говоришь,
и твоя геометрическая латынь мне нравится,
но давай-ка лучше
о самом главном.

Руки у тебя дрожат и в порезах,
глаза слезятся,
ты голодный, и кафтан твой в заплатах.

А ты купи себе новый дом,
не сердись на венецейские зеркала,
что они лишь отражают наружности,
не сердись на цветы, вино и песни,
будь расчетлив, как Декарт, и хитер, как Эразм,
посвяти трактат французскому Людовику
(он его все равно не прочтет),
успокой неистовство разума
(от него меркнут звезды и рушатся троны),
заведи жену, роди сына —
это, Барух, и есть самое главное.
Я хочу, чтоб меня любили
неуч и насильник,
потому что только им я и надобен.

Занавес упал, свет в выси погас,
Спиноза – один,
только слышен скрип вниз по лестнице.

Иногда пан Когито получает странные письма ^{25/52}

Госпожа NN из Дармштадта
просит помочь
найти прапрадедушку,
пропавшего на войне.

Имя Людвиг I, фамилии нет,
профессия – великий герцог,
замечен в последний раз
в имении Еленя Гура, в 44-м —

в раме, в мундире, в лосинах,
перед беседкой,
опершись на сломанную колонну,
небо в тучах и зарево на горизонте.

Пан Когито думает:

Интересно,
сохранил ли он гордый вид,
когда ноги его лизнуло пламя?

закричал ли, когда его тащили
через двор и грязь?

рухнул ли на колени,
когда целились

в угловатую звезду на груди?

Пан Когито беден воображением:
он не видит лица, лосин, мундира,
а лишь видит
небо в тучах и зарево на горизонте.

Пан Когито ищет поддержки 14/39

В толстых книгах нет мне подмоги,
там миры и атомы, но нет меня:

в великом знании великая печаль.
И вот я бреду в дедовский Брацлав
к черным подсолнухам в субботний вечер,
когда распахивается новое небо.

– Я ищу вас, равви —

Его здесь нет, говорят хасиды,
он там, в шеоле, он так прекрасен,
он бродит, черный, из угла в угол
с пылающей торой в костлявых пальцах.

– Я ищу вас, равви, – болит мое сердце —

Он помог бы мне, равви Нахман,
но как найти его в стольких пеплах?

Пан Когито размышляет о последнем

В нижнем круге ада —
ни тиранов, ни матерубийц,
ни даже эпигонов.

Там художники,
зеркала, мольберты и лютни,
концерты, выставки,
что ни месяц, то новый авангард.

Сатана гордится искусством:
где сияет искусство, там сияет
и правительство.

Скоро будет фестиваль двух миров,

и посмотрим,
что останется там от Данта и Баха.

Сатана покровительствует искусству:
всем художникам – покой, стол и дом
и ни слова о т. наз. адских муках.

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ, 1

Перевод из Рильке – заказной: «Иностранная литература» печатала серию разных переводов этого стихотворения размером подлинника и попросила сделать точный перевод верлибром в качестве общего знаменателя к ним. Такая практика мне понравилась, и я постарался преодолеть ради этого свое отношение к Рильке. Остальные стихи – отходы от занятий русским символизмом.

ЛЕКОНТ ДЕ ЛИЛЬ Виланель

Время, пространство, число
С черного неба пали
В мертвое темное море.

Время, пространство, число
Стерты безмолвным
Саваном мрака.

В темное недвижимое море
Праздным грузом
Канул разум.

Канули в нем и с ним
Время, пространство, число,
Память и надежда —
В темное недвижимое море.

СЮЛЛИ-ПРЮДОМ

Тень ^{7/14}

Я иду, а она пластается,
Смотрит слепо, слушает глухо,
Как и я, частица той же ночи,
Вижу, не понимаю, и вторю, не творя.

Я – тень ангела, ангел – отблеск Бога,
А за мною, в ином небытии,
Тень моей тени тянет свою тень.

ШАРЛЬ ВАН ЛЕРБЕРГ

«Вечер. Тени...» 12/29

Вечер. Тени
Черными лебедями
С цветов, с камней, с наших плеч —
В воздух: тихо, плавно, гуще, гуще,
Скликаюсь, сливаясь
В ночь.
Но заря
Встает во сне
Светлорусая, ясноглазая, с факелом
Над волнами. Утро, и тени прячутся
В цветы, в камни,
В нас.

ЭМИЛЬ ВЕРХАРН

Дерево у дома 10+7/88+84

Дерево стоит над полями.
Те, кто видели рост его, – в гробах.
Оно ведаёт тайну каждой тучи,
Оно рвется в будущее, как крик.
В ветер, дождь, снег, град
Оно трудится меж землей и небом,
Осенью оно как пожар в синеве.
Я касаюсь его ладонью,
Его сила льется в моей крови,
И я сам – как ветвь.

Ибо чтобы жить, надо радоваться:
Вот цветы, на цветах роса,
Над цветами звенят густые пчелы,
Они – как звезды,
И целуют нежно, как дождь.
Мотыльки овевают меня крылами,
И я сам – как мир.

ФРАНСУА ВЬЕЛЕ-ГРИФФЕН

«Добрые часы, ровные часы...» ^{10/19}

Добрые часы, ровные часы,
Нежные, бледные, туманные,
Как сестры, как инокини,
Улыбчиво смотрят
На прошлое, откуда мы встали:
Отстраненные, томные, опаловые, —
Словно молятся.
В их сени
Расплывается бывшее недоброе
И прозрачными становятся слезы.

«Зелень, синь, лазурь...» ^{9/20}

Зелень, синь, лазурь,
Золотые звезды, луна в волнах,
Полночь как мечта и закат как слава.
Мое сердце, ты такое маленькое,
Что смеешься от стыда, но ты – это ты,
И, рифмуя память о память,
Ты не хочешь
Красть в безмерном мире безмерный стих.

«Вечер выцвел, как осенний цветок...» ^{15/26}

Вечер выцвел, как осенний цветок.
Что мы скажем ивам, холмам, заливам?
Свежий ветер губами коснулся лба.
Ночь нежна и душа тиха.
Что мы скажем ивам?

Ты весною мне цвел, как царь.
Мы не знали, что мы играли роли.
Смех угас. Берег, будущее, ночь.
Мы не знали?

Песни, сказки со счастливым концом:
«Я люблю, ты любишь, мы любим».
Сколько лет нам? Этот смех над собой.

Что мы скажем ивам, заливам?

В лунную мглу
Умирают наши сердца без боли.

На смерть Малларме ^{16/21}

Тебе скажут: Учитель!
День встает,
Светится заря на востоке,
И окно распахнуто в мир. —
Ты ответишь: Я сплю.
Тебе скажут: Учитель!
Вот – мы,
Как вчера, на твоём пороге,
Сильные, веселые, живые. —
Нам ответят: Он мертв.

Цветы, как страницы книги, —
Зачем?
Замирает песня, как падающий лист.
Нас мало.
Жизнь пред этим гробом – лишь стыд и гнев,
И слова, слова.

СТЮАРТ МЕРРИЛЬ

«Дождь, снег...» ^{27/72}

Дождь, снег,
Я как мертв: я не слышу стука в двери.
Ночь, тишь,
Лоб в ладони, локти в колени.
Спит очаг,
Сер паук, выпрядающий забвеньё.
Шаг в коврах,
Мрак в дверях и зияние зеркалами.
Не бьют часы,
Но тоска все темнее с каждым сроком.
Лишь мечта,
Зрячая в ночи, тревожит душу.
След любви
Стерся на пороге моих безумий.
Я забыл твои глаза и твой голос.

Бог с тобой.
Для тебя – и лазурь, и даль, и розы,
И в руке поцелуй.
А меня материнским поцелуем
Приласкает смерть.
В лживых масках заплуталась любовь.
Все забыто.
Опускается мрак
Без просвета, без прозвуча.
Ангел у порога, глаза пустые:
Ни любви, ни ненависти.
Молчание.

ЖАК РОДЕНБАХ

«Глушь, рассвет, колокольный звон» ^{7/12}

Глушь, рассвет, колокольный звон.
У зари глаза, как у сестры.
Вкруг острых крыш
Росными лепестками кружатся звуки:
Медленные, бледные, холодные,
Отцветшие
Над мертвым челом веков.

«Дождь: Слезы вечера...» ^{13/25}

Дождь:
Слезы вечера, слезы осени, слезы года —
Ночь:
Проплывают тучи под парусами,
Ворон каркает над трупами звезд —
Плач:
Плач утрат, плач усталых угрызений,
Дождь, как слезы из-под век мертвеца, —
Дождь
Прошивает крылья былым мечтам,
Меркнет свет, молкнут звуки, это медленная
Смерть —
И душа обвисла, как флаг на палке.

«Нежный вечер. Клубящиеся тени» 11/20

Нежный вечер. Клубящиеся тени.
Нежный вечер, как ласковая смерть.
В смутном зеркале тонет прощальный жест.
На стенах картины – пейзажи сердца,
На картинах сеется серый пепел.
Нежный вечер, как струна под сурдиной.
На стенах ковры, на коврах узор,
По узору скользят глаза влюбленных.
Как узор сливается во мгле,
Так сливаются две души в единой
Тишине, аромате, бессловесности.

«Траурные стены монастыря...» 8/24

Траурные стены монастыря,
А над ними – Христос, раскинув руки,
Врос веночек в висок,
Мертвым морем застыли очи,
И копье – как черенок для привоя.
А над ним, большими складками, ночь,
Звезды – гвозди, и в черном ее боку
Луна – как красная рана.

СЕН-ПОЛЬ РУ

Голгофа

Черное небо
Наседает задом на символ веры;
Треугольник копий – как змеиный язык.

Меж двух волчьих лиц
Свисший Агнец блеет прощенье миру,
Его кости скрипят, как немазаная ось.

Под холмом Иуда
Раскачнул свою тоску на сердобольном дереве.
Звезды мрут, чтобы не казаться сребрениками.

ГЮСТАВ КАН

«Он пришел такой бледный, бледный...»

Он пришел такой бледный, бледный,
что сестрица моя подумала:
«Злая его любовь выпила его душу и кровь,
и теперь он
Тень своих подошв, след своих шагов».

Он припал такой бледный, бледный,
что сестрица моя подумала:
«Пурпур в мечтах, цветы в парусах, смех на устах —
малая ему награда
За склоненный лик, за усталый миг».

Он ушел такой бледный, бледный,
что сестрица моя подумала:
«В каком саду, в каком краю, в каком аду, в каком раю
найдет смерть
И вольнее, и больнее, и слаше?»

«Осенние вечера, испуганные леса...»

Осенние вечера, испуганные леса,
Хижина вся дрожит, часовенка вся в огнях,
Осенние вечера, подсвеченные луной.

Понурый конь устало ждет, когда придет его седок —
боец в броне,
чей меч – как вихрь
в ночи усталых душ.

Дама Бертрада клонит лоб,
Молит о милом всех святых:
«Рыцарь, вернись, рыцарь, вернись!»
А рыцаря нет.

И только безгубый смех
Слышится меж ветвей.

КАМИЛЬ МОКЛЕР

Памяти ^{6/16}

Вот женщины уходят в сумерки,
Умирают голоса, выцветают памяти,
Как листья.
Как бродяга на груди листьев,
Ты засни, душа моя, в этих памятях:
Согрейся.

ЭРНЕСТ РЕЙНО

Брюгге ^{7/14}

Крупинка Испании в растворе Фландрии,
Устье реки, забытое морем,
Слава гербов, рассыпавшихся в пепел,
С них слетает лебедь к твоим каналам, —

Под звон часов над сонными переулками
Ты никнешь
В мертвые воды под ивовой сенью...

ФЕРНАН ГРЕГ

Молитва ^{10/32}

Боже мой вчерашний,
Потемневшее имя твоё во тьме,
Выроненное на житейском моем пути, —
В сытый час, когда на лысый мой лоб ты веешь ласкою,
Я стремлюсь в тебя, дрожа, как светильник в ночь
И как синее пламя в желтое.
Замирает в утробе бурчанье страсти,
И я рвусь в твой взгляд из зеркала бытия,
Чтобы сделаться алтарем твоему пламени,
Боже мой Неведомый.

АЛЕН БОСКЕ

«Пророков спросили...»

Пророков спросили:

– Умирают ли боги?

Пророки сказали:

– Откуда мы это знаем?

Их спросили:

– Этот мир бесконечен?

Они сказали:

– Нам это тоже интересно.

Их спросили:

– Тело – это форма души
или душа – это форма тела?

Они сказали:

– Мы тоже об этом спрашиваем.

Их спросили:

– Будет ли жизнь после смерти?

Они сказали:

– Мы надеемся, но мы не уверены.

Их спросили:

– Восполняет ли истина неистину?

Они сказали:

– Хорошо бы, если бы так.

И тогда пророков убили,
а вопросы, еще того страннее,
стали задавать
баобабу, рекам,
диким козам, красному камню,
летучему ветру
и были рады
толковать по-своему
их большое-пребольшое молчание.

«Два дивана...»

Два дивана:

на одном человек, на другом —

Бог. Между ними – книга,

она цвета плоти и крови.

Человек говорит потихоньку:

«Это я ее написал».

Бог в ответ ему шепотом:

«Это я ее диктовал».
Помолчали,
а потом книга говорит:
«Это я родила вас обоих,
человек и Бог,
одинаковые и очень непослушные».
Раскрывается и вбирает их в себя.
Два дивана стоят пустые.

РАЙНЕР МАРИЯ РИЛЬКЕ

О фонтанах

Иногда
я воистину их знал, водометы,
непостижно стеклянные деревья.
Они были – как будто мои слезы,
в исполинских снах
вмиг пролитые и потом забытые.
Так забыть ли мне,
как небесные тянутся ладони
в гущу стольких теснящихся вещей?
Я ль не видел безмерного величия
старых парков, вставших навстречу нежным
полным ожидания вечерам,
или бледных песен, вставших из уст
дальних дев, и перелившихся через
край напева, и ставших явью,
словно чтобы отразиться в открытом
зеркале прудов?

Но лишь вспомню я обо всем,
что постигло фонтаны и меня, —
и я чувствую в струях вновь и вновь
тяготу паденья.
Я вас знаю, ветки в отклоне,
голоса-огоньки,
и пруды, повторявшие лишь берег
сдвинуто и бледно,
и вечерние небеса, которые
отшатнулись, выгнувшись и темнея,
от обугленных закатом лесов,
словно не об этом мире они мечтали...

Так забыть ли, что звезда звезде как камень,
каждая замкнувшись от ближних

сфер? что все миры лишь сквозь плач
узнают друг друга? Быть может,
для кого-то мы сами – в небесах,
и они на нас смотрят вечерами,
и поэты их поют нас. Быть может,
к нам несутся мольбы или проклятья,
но не долетают до нас,
ближних Бога, мнимого в наших высях,
в ком их вера, в ком их потеря,
о котором их одинокий плач
и чей образ, как отблеск ищущих
их лампад, мимолетным веет светом
по разрозненным нашим лицам...

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ, 2

Здесь конспективных переводов нет, и контрастов размеру подлинника – мало: по большей части это перевод верлибров верлибрами. Когда я сдал большой заказ на Э. Майстера, то стал осторожно интересоваться, почему этого лютого мизантропа поручили именно мне. Один сказал: «потому что он очень похож на вас», другой: «потому что он очень непохож на вас». Не знаю, достаточно ли этого, чтобы считать перевод экспериментом.

Т. С. ЭЛИОТ

Первый хор из «Убийства в соборе»

– Встанем здесь, встанем перед собором. Здесь нам ждать.
Беда ли нас гонит? прибежище ли тянет наш шаг
К соборным стенам? Но какая еще беда
Для нас, для бедных, бедных женщин из Кентербери? Давно
Все несчастья нами изведаны. Нет над нами беды
И нет нам в соборе прибежища. Но есть предчувствие: быть
Деянию, а нам быть свидетелями при нем. Оно
Гонит наш шаг к собору. Свидетельство наше – за нами.

С тех пор как золотой октябрь выцвел в мрачный ноябрь,
И яблоки собраны и убраны, и земля —
как бурые прорези смерти сквозь пустошь грязи и воды, —
Новогодье ждет: ждет, дышит и шепчет в потемках.
Покуда мужик сваливает с ног грязные сапоги и тянет руки к огню,
—
Новогодье ждет, ждет судьба: того, что наступит.
Кто в Вечер Всех Святых протянул свои руки к огню
И вспомнил святых и мучеников, которые ждут? Кто протянет
Руки свои к огню и отречется от Господа? Кто обогреется
У огня и отречется от Господа?

Семь лет и еще одно лето прошло,
Семь лет, как покинул нас архипастырь,
Кроткий и добрый к своему люду;
Но если он воротится, это будет не к добру.
Властвует король, властвуют князья,
Разный над нами гнет,
И все же мы оставлены самим себе
И рады, когда мы одни.
Мы стараемся, чтобы в домах был лад,
А купец, сторожкий и хитрый, старается нажить хоть малость
добра,
А мужик гнется над своей землей, и лицо его как земля,
И он рад, когда его не видят.

Я боюсь, что четыре тихие времени взбушуют:
Придет зима, и с моря настанет смерть,
Пустошительница весна стукнется у дверей,
Ее корни и побеги выедят нас насквозь,
Гибельное лето выжжет ложе наших рек,
И бедняк будет ждать нового гнилого октября.
Разве станет лето нам утешением
От осенних огней и от дымных зим?
Что нам делать в летнем жару,
Как не ждать в пустых садах нового октября?
Неведомый надвигается мор. А мы ждем, мы ждем,
И святые и мученики ждут, ждут новых мучеников и святых,
И судьба ждет в Божьей руке, дающая облик безликому.
В солнечной стреле видела я сама:
Ждет судьба в Божьей руке, а не в руках владык,
Которые числят и рассчитывают, иные к лучшему, а иные к худшему,
И у каждого своя цель, но все они ложатся в круги времени.

Приходи же, добрый декабрь! Кто тебя встретит и приветит?
Вновь на соломе в убогом доме родится ли Сын Человеческий?
Бедняки мы, деяния – не для нас;
Нам – только ждать и свидетельствовать.

Второй хор из «Убийства в соборе»

– Это не град постоянный, это не надежный привал!
Горький ветер, горькое время, неверная прибыль, верная беда.
Поздно, поздно, поздно, поздно: кончилось время, выгнил год.
Злобен ветер, яростно море, в небе темно, темно, темно.
Вернись, Томас, вернись, архипастырь, вернись во Францию,
вернись.
Вернись скорее, вернись спокойно, а нас оставь спокойно умереть.
Ты идешь в приветах, ты идешь в ликованьях,
но ты несешь в Кентербери смерть:
Рок над домом, рок над тобою, рок над миром.

Мы не хотим событий.
Семь лет мы жили спокойно.
Мы старались, и нас не замечали.
Жили, и жили вполжизни.
Был гнет, и было раздолье,
Были нищета и своеволие,
Была мелкая неправда,
Но мы продолжали жить,
Жили, и жили вполжизни.

Бывали неурожаи,
Бывали добрые жатвы,
Случался дождливый год,
Случался засушливый год.
То было много яблок,
То было мало слив,
Но мы продолжали жить,
Жили, и жили вполжизни.
Угощались, ходили к обедне,
Варили пиво и брагу,
Собирали на зиму хворост,
Толковали у очага,
Толковали на перекрестках,
Толковали, и даже не шепотом,
Жили, и жили вполжизни.
Рождались, женились, умирали,
Видели разные соблазны,
Терпели от поборов,
Сплетничали, смеялись.
Несколько девушек исчезли,
А другие этого не сумели.
У каждого были свои страхи, как тени,
Маленькие, тайные страхи.

Но теперь в нас великий страх, и не в каждом, а сразу во всех:
Страх, как рождение и смерть, если видеть рождение и смерть
Вне всего, в пустоте. В нас страх,
Которого не узнать, которого не выстоять, которого не понять.
Сердца наши из нас вырваны, мозг ободран, как луковица,
души тонут и тонут
В конечном страхе, которого не понять. Ах, Томас, архиепископ,
Томас, владыка, оставь нас, оставь нам наше убожество и пакость,
оставь нас, не требуй
Выстоять рок над домом, рок над тобою, рок над миром.
Архипастырь, ты тверд, ты уверен в судьбе, не боишься теней:
ты знаешь ли, чего требуешь, что это значит
Для маленьких людей, впутанных в ткань судьбы,
для маленьких людей среди маленьких вещей,
Для голов и умов маленьких людей – выстоять рок над домом,
рок над владыкою, рок над миром?
Ах, Томас, архипастырь, оставь нас, оставь мрачный Дувр,
плыви во Францию, Томас, наш архиепископ, и во Франции
– наш архиепископ, Томас, архиепископ, вскинь белый парус
меж темным небом и горьким морем, оставь нас, оставь – и во
Францию!

Первый священник

– Нашли время для пустых разговоров!
Глупые, болтливые, бесстыжие бабы!
Знаете ли вы, что архиепископ
Будет сюда с минуты на минуту?
Народ на улицах плещет и ликует,
А вы расквакались, как древесные жабы...

У. Б. ЙЕЙТС

Византия

¹ Отступают нечистые лики дня,
Засыпает пьяная солдатня,
Колокольный звон
Отстраняет гул и отгулы ночи;
И соборный купол из-под звезд и луны
Свысока глядит
На всю злость и гной наших путаниц.

² Проплывает образ, лик или тень —
Больше тень, чем образ, и лик, чем тень;
С мумии, как с веретена,
В петли троп развивается пелена;
Рот, иссохший и бездыханный,
Бездыханные созывает рты.
Это – смерть-в-жизни, это – жизнь-в-смерти,
Это сверхчеловечность. Я говорю ей: привет.

³ Чудо, птица или золотая игрушка —
Больше чудо, чем птица или игрушка —
В звездном свете, на золотой ветви
Может крикнуть, как преисподний петел,
Или может сквозь горечь луны
Вечным металлом с презрительной вышины
Всматриваться в перья и лепестки,
Во всю кровь и гной наших путаниц.

⁴ В полночь по палатам скользят
Пламена не из поленьев, огнив и молний —
Пламена, зачатые пламенами,
Чтобы души, исчадья крови,
В них оставили злость наших путаниц,

Избылись в пляске,
В бредовом предсмертии,
В предсмертии пламени, бессильного опалить.

⁵ Дух за духом, все ввысь, верхом
На дельфине, который весь кровь и гной!
Златокузницы императора
Преграждают потопа. Плиты пляшущего
Мраморного пола дробят
Горькую ярость наших путаниц,
Эти образы, чреватые образами, это море
В рубцах дельфинов, в муках колоколов.

Плавание в Византию

¹ Нет обители тем, кто стар.
Молодые любят, им поют
В смертных заводях смертные хоры птиц;
Брызжут в заводях осетр и лосось;
Птица, рыба, всякая плоть
Зачинается, живет и умрет,
Не внимая за музыкаю чувств
Нестареющим памятным уму.

² Старый человек – ничто,
Как дырявая рвань на шесте,
Если не всплеснется его душа
Всхлопом рук и песней из смертных дыр.
А чтобы запеть, нужно знать
Памятности величий своих —
И поэтому приплыл мой корабль
В Византию, город святынь.

³ Вы, премудрые в Божием огне
Золотой мозаики на стене,
Низойдите, обстаньте мой круг,
Научите душу мою запеть,
Отымите сердце мое,
Жаждущее, но вбитое в смерть
И не знающее, что оно есть,
Ибо вечность – тоже ведь ремесло.

⁴ Никогда я не воплощусь
Ни в единую природную тварь,
А лишь в золото и эмаль
Греческих златокузнецов,

Веселивших сонных царей, —
Или буду с выкованных ветвей
Петь вельможам Византии о том,
Что прошло, что проходит и что пройдет.

РЕДЬЯРД КИПЛИНГ

Руны на Виландовом мече

Меня сковали
Предать бойца
В первом бою.

Меня послали
По злое золото
На крайний свет.

Злое золото
Вплывает в Англию
Из глуби вод.

Золотою рыбою
Вновь оно канет
В глуби вод.

Оно не за снесь,
Оно не за снасть,
А за Самое Главное.

Злое золото
Спит в казне
Для недобрых дел.

Злое золото
Всходит к миру
Из глуби вод.

Золотою рыбою
Опять оно канет
В глуби вод.

Оно не за снесь,
Оно не за снасть,
А за Самое Главное.

Лесная тропа

Лесная тропа,
Вот уж семьдесят тому лет,
Замуравилась
И размылась погодой-непогодой,
И уже никому не ведомо,
Что была тут лесная тропа,
А потом заросла.
Под стволами
Сплелся вереск с былъем
И с синею сонной травой.
Лишь лесник
Угадает под голубиными гнездами
Меж барсучьих приволий
Ту былую лесную тропу.

Но если войдешь
В летний лес на закате дня,
Когда ляжет прохлада на форельи пруды,
Где выдра выдре свистит,
Не пугаясь людей,
Никогда здесь не виданных, —
Ты услышишь стук от конских копыт
И плеск плаща по росе,
Словно в скачке
Сквозь пустынный туман,
Словно им открыта и ведома
Та былая лесная тропа...
Но была ли лесная тропа?

У. Х. ОДЕН

Вольтер в Фернее

Он счастлив. Он обходит свои места.
Часовщик у окошка поднимает на него глаза
И опять опускает к часам. Возле новой больницы столяр
Притрагивается к шляпе. Садовник пришел сказать:
Посаженные им деревья принялись хорошо.
Альпы сверкают. Лето. И он велик.

Далеко в Париже, там, где его враги
Злословят, какой он гадкий, в высоком кресле сидит
Слепая старуха и ждет смерти и писем. А он

Напишет: «Жизнь – выше всего». Но так ли? Да, так. Борьба
Против несправедливости и против лжи
Стоила свеч. И сад стоил свеч. Возделывайте свой сад.

Лаской, нападкой, насмешкой – он был умнее всех.
Он был вожаком мальчишек в священной войне
Против заживевших взрослых: как мальчишка, хитер,
Он умел, когда надо, смиренно пойти
На двусмысленный ответ или спасительный обман
И ждал своего часа, терпеливый, как мужик.

Даламбер сомневался, а он нет: час придет.
Сильным врагом был только Паскаль; а все
Остальные – уже травленные крысы. Но забот
Еще много, а надеяться можно лишь на себя.
Дидро глуп, но делал все, что мог.
А Руссо завопит и ничего не сможет: он это знал.

Ночь заставляет его думать о женщинах. Чувственность —
Лучший из учителей: Паскаль был дурак.
Как Эмилия любила астрономию и постель.
А Пимпетта его хотела, как скандала. Хорошо!
Он отплакал свое о Иерусалиме. В конце концов,
Кто не любит наслаждения – всегда неправ.

Как часовой на посту, он не спит. Ночь пропитана злом:
Погромы, землетрясения, казни. Скоро он умрет,
А над Европой сумасшедшие матери стоят у котлов,
Чтобы бросить в них младенцев. Только его стихи,
Может быть, их удержат. Надо работать. В выси
Нежалующиеся звезды вели свою светлую песнь.

Х. Л. БОРХЕС

Шахматы

¹ Два игрока в своем важном углу
Двигают должные фигуры. Доска
До зари навязывает им жесткий устав:
Черный и белый цвета – враги.

Строгая магия исходит от их форм:
Гомерическая ладья, веселый конь,
Одинокий король, ратователь-ферзь,
Уклончивый слон и пешка-солдат.

Когда игроки поглощены игрой
И время съедает их одного за другим,
Это не предлог, чтобы кончить обряд.

Начал эту войну Восток.
Теперь ее кормит вся земля.
Как всякой игре, ей нет конца.

² Тонкий король, гибкий слон, горький ферзь,
Рукопашная пешка, линейная ладья —
На расчерченных черных и белых полях
Они ищут боя и навязывают бой.

Они не слышат, что властная рука
Игрока над доской вершит их судьбу,
Не знают, что за твердокаменный рок
Правит их выбором и мерит их путь.

И такая же прихоть водит игроком
(Сказал Хайям) по расчерченной доске
В черные ночи и белые дни.

Мы движем пешки, нас движет бог,
А кто над богом начинает этот круг
Праха и времен и снов и смертей?

Пределы

Есть строчка Верлена, которую мне уже не вспомнить,
Есть ближняя улица, на которую не ступить,
Есть зеркало, видевшее меня в последний раз,
Есть дверь, закрытая мною навсегда.
Среди книг на этих полках (вот они)
Есть такие, которых я больше не раскрою.
Этим летом мне исполняется пятьдесят:
Смерть сужает меня со всех сторон.
От меня уходят пространство, время и Борхес.

МАРГАРЕТ ЭТВУД

Начало

Начинается так:
вот рука,
вот глаз,

вот на бумаге
синяя рыба, почти
как глаз. Вот рот,
как «О» или как луна.
Если луна, то желтая.

За окном дождь,
зеленый, потому что лето.
За дождем деревья и мир,
круглый,
цвета девяти карандашей.

Этот мир – он большой и трудный.
Правильно: черти его красным,
он в огне.

Вот ты выучил эти слова,
а слов больше, чем можно выучить.
Слово «рука»
плывет над рукой,
как над озером маленькое облачко.
Я держу твою руку, как теплый камушек,
меж двух слов.

Вот твоя рука, вот моя, вот мир.
Он круглее и цветнее, чем кажется.
У него есть начало и конец.
Вот
то, к чему ты хочешь вернуться:
твоя рука.

Х. М. ЭНЦЕНСБЕРГЕР

Финское танго

Что было вчера оно еще есть и его уже нет.
Лодочка уплывает Лодочка приплывает
Волосы у щеки они чужие
Легко сказать так всегда
Серое море это серое море
Свежий хлеб вчерашний сегодня черствый
Никто не танцует никто не шепчет никто не плачет.
Дым растаял и не растаял
Серое море уже голубое
Кто-то кричит кто-то смеется кого-то нет
Совсем светло а были ведь сумерки

Лодочка не вернется назад
Все как было и все не то
Кругом никого Камень есть камень
Камень уже не камень
Камень вновь будет камнем
Так всегда ничто не исчезнет
и не останется Что было то есть
и не есть и есть Никому
не понять Что было вчера
Легко сказать Как светло
это лето и как ненадолго.

ЭДНА СЕНТ-ВИНСЕНТ МИЛЛЕЙ

Плач

Детки, слушайте:
Папа умер.
Из его пиджака
Я сошью вам курточки,
Из его старых брюк
Выкрою штанишки.
По карманам у него
Много всякой мелочи:
Там в табачной пыли
Монетки и ключики.
Дэн возьмет монетки,
Положит их в копилку,
Энни возьмет ключики,
Будет ими звякать.
Жизнь должна идти вперед
И не помнить мертвых,
Жизнь должна идти вперед,
Даже если мертвецы —
Хорошие люди.
Энни, кушай завтрак.
Дэн, прими лекарство.
Жизнь должна идти вперед —
А зачем, не помню.

ХИЛЬДА ДОМИН

Марионетка

Радугою дуга,
натяжкой нить,
а на другом конце

образ из сна,
кукла из плоти и крови

с распростертыми руками:
всегда
с распростертыми руками.

О нас

В будущем прочтут о нас в книжках.

Никогда не хотела я в будущем,
чтобы школьник сказал: «как их жаль»,
чтобы так
быть записанной в школьной тетрадке.

Мы, осужденные
знать
и ничего не делать,
нашему праху
не стать землей.

«Срежь себе веки...»

Срежь себе веки:
будет страх.

Сшей себе веки:
спи.

«Умиравший рот...»

Умиравший рот
силится
правильно выговорить
слово
чужого
языка.

ЛЕЯ ГОЛЬДБЕРГ

Тель-Авив, 1935

Крыши, как Колумбовы мачты, на каждой ворон,
и каждый каркает о другой стране.

И чужие языки
режут жаркий хамсин холодными лезвиями.

Маленький город, как ему вместить
столько памятных детств, столько брошенных Любвей?

Выцвели в негативы
зимние звезды, летние дожди,
утренние сумерки заморских городов.

Все шаги вокруг тебя – как захватчики.
И кажется: обернись —
в море встанет церковь твоего города.

ПОЛЬ ЭЛЮАР

Здесь

Улица но без людей
Улица вся глубь и голь
Где не умник а дурак
Нужен видеть впереди
Дни без хлеба и тепла

Здесь концы концам под рост
Столько умных за глупца
Но весь правый здравый смысл
По ту сторону ничто
День безмерно вспухший день

Эта улица как взрез
Ран которым не остыть
Ширящихся из суббот
Это небо не для нас
Оно царь чужой страны

Небо роз небо блаженств

В полноте и красоте
Над улицею без завтра
Рвет мне сердце пополам
Нож ведет меж мной и мной

В этой улице – в ничьей.

А. Э. ХАУСМЕН

Революция

Катится на запад черная ночь.
Лучшееся знамя вскидывает восток.
Призраки и мороки страшных снов
Золотым потоком захлестывает день.

Но над сушей и морем, все дальше от глаз,
Скользит над миром туда, за океан,
Свернутая в конус вечная тьма,
Дурацкий колпак, задевающий луну.

Смотри: вот солнце вздыбилось над головой.
Слушай: к полдню гремят колокола.
И мрак по другую сторону земли
Миновал надир и всползает ввысь.

ХАЙНЦ ПИОНТЕК

Простые предложения, 1968

¹ Каждому дано увидеть, что он —
против эпохи.

Один протестует с лозунгом
«долой лозунги».

У другого равнобедренные
треугольники в голове.

Просвещение набирает силу.
Становится темно.

Будущее пусть будет рыжим.

О будущем поговорим завтра.

² Каждый знает решение.
Он учащийся.

Старые люди только твердят
старые истории.

Семинарист и некая процентщица
в Петербурге:

классика, это хорошо для кроссворда.

Ничто так не тяготит,
как хорошее.

Скоро войдет в моду
топор под пальто.

Все говорят об избытке.

Наверно, снова
появятся избыточные люди.

³ Ежедневная дефлорация
под напором лозунгов.

Каждый день мы меньше себе понятны.

Ежедневные газеты еще выходят
ежедневно.

«Мир» – это такая комедия.

Уже не имеет смысла
эмигрировать.

Простые предложения
не станут проще.

Под ножом

Остроумие отыскало дело
для отчаявшихся:
оправдывайся.

А тринадцать букв

складываются в
невозможность.

Нередко мертвые
заправляют мертвым языком
права.

Ветер
перелетает через
белые их тени.

Я бесправен —
значит,
лжив.

На меди

Каменные нагроможденья —
штрих на штрих —
именовались городом.

Мое самое давнее впечатление,
пережитое
не мной:

счет песчинок,
сушащих чернила на моем
смертном приговоре;

барабаны, звучащие рiапо;

и в сиянии Град обетованный —
совсем рядом.

ЙОРГОС СЕФЕРИС

Последний день

Был пасмурный день. Никто ничего не решал.
Дул ветерок. «Это не грего, это сирокко», – сказал кто-то.
Худые кипарисы, распятые на склоне, и там за ними
серое море с лужами света.
Заморосило. Солдаты взяли к ноге.
«Это не грего, это сирокко», – и больше ни о чем ни слова.
Но мы знали: на рассвете нас не будет.

Ничего: ни женщины, пьющей сон возле нас,
ни памяти, что мы были когда-то мужчинами.
Завтра – ничего.
«Этот ветер напомнил весну, – сказала подруга,
шедшая рядом и глядя вдаль, – весну,
среди зимы налетевшую в закрытое море.
Так внезапно. Прошло столько лет. Но как мы умрем?»
Похоронный марш заплетался под мелким дождем.
Как умереть мужчине? Странно: никто не думал.
А кто думал, те словно вспоминали летописи
крестовых походов или битвы при Саламине.
И все-таки смерть: каждому своя и больше ничья —
это игра в жизнь.
Гас пасмурный день: никто ничего не решал.
На рассвете у нас ничего не будет: все предано, даже наши руки,
и женщины наши – рабыни у колодцев, и дети —
в каменоломнях.
Подруга шла рядом, напевая бессвязно:
«весною... летом... рабы...»
Старые учителя оставили нас сиротами.
Мимо прошла пара, было слышно:
«Уж темно, я устала, пошли домой,
пошли домой, включим свет».

КАРЛ СЭНДБЕРГ

Трава

Громоздите трупы под Аустерлицем и Ватерлоо,
Забросайте землю и оставьте их мне.
Я – трава: я покрываю все.

Громоздите трупы под Геттисбергом,
Громоздите под Ипром и под Верденом,
Забросайте землю и оставьте их мне.
Два года, десять лет – и пассажиры спросят у проводника:
«Где это мы едем? Что это за место?»

Я – трава.
Дайте мне делать мое дело.

ЭРНСТ МАЙСТЕР

Положись на себя

Полагаюсь на себя.
Город бродит по собственным улицам.
Гора лезет в свою же высь.
Взлет качелей застывает в задумчивости.
Река спрашивает: «Куда мне течь?»
Бог говорит: «Не могу больше, мама. Жарко».
Шоссе говорит: «У меня больше нет бензина».
Вечер землю забрал в забор и сказал: «Добрый вечер».
Матери хором твердят:
«Все на свете само себе опора».
Им смешно.

Заячья зима

Ура,
полевые пуганые солдаты!
Плечо к плечу,
головами вниз,
а на головах – мешки,
– смирно висеть, зайцы! —
в зимнем ветре.

Да, это зимний ветер
белыми, как резцы,
стелется тучами серебра
над зеркальным небом.

Снежную
затеваю я лавину с горы:
один толчок,
и моя вина —
Бог-отец в небесах души —
рушится с горы
в дол, растет
и вдребезги дробит
морозное мое окно,
за которым вы колыхаетесь, зайцы.

Встать,
полевые пуганые солдаты!
Вольно!

Белый клевер, пушистый, расцвел в выси.
Прыгайте ко мне,
вволю полакомьтесь под зимним
ветром,
смойте
с шерсти запекшуюся кровь —
мою вину —
и гоните до упаду меня
по лугам голубого снега.

«То, что нужно познать...»

ТО,
что нужно познать,
что нужно испытать,
называется: Я,
и это образец
меры человека,
из таких же попыток
сколоченный покойниками.

ЭРИХ ФРИД

За смертью посылать

Моя бабушка
бранилась, что я неповоротлив
«Тебя только за смертью посылать»

И меня
послали за смертью
Но бабушка
прожила недолго

Теперь я себя сам
браню, что неповоротлив
«Меня ведь за жизнью послали
а я
не поспел»

Страх и сомнение

Не сомневайся в человеке

который говорит
«Страшно»

Но бойся человека
который говорит
«Несомненно»

Homo liber

Я книга
которая будет
когда я перестану быть «я»
Я книга
которая будет «я»
когда я сделаюсь книгой

Книга
которая зачитана
и еще не написана
Книга
которая прописана
тому что еще не прочитано

Я книга
которая раскрывается
и которая закрывается
которая собой не покрывается
и перекрывается
и скрывается

Книга попавшая в переплет
расклеивается
рассыпается по листику
Продолжения нет
но она знает
что ей конец

Бессловесно

Зачем ты все еще пишешь стихи
если эти слова
дойдут лишь до немногих?

спрашивают друзья
в тревоге, что их дела
доходят лишь до немногих.

**И я
не могу
ответить.**

БАСНИ

Однажды нам с коллегой поручили составить антологию басен всех времен и народов. Было ясно, что переводить Лафонтена и Флориана традиционным русским вольным ямбом – бессмысленно: такие переводы покажутся ухудшенными пересказами басен Крылова, и только. Мы решили сделать переводы верлибром: точность прежде всего. Издательство не возражало: ему было все равно. Но получилось плохо: длинные и короткие строки оригинала чередовались беспорядочно, и верлибр не мог воспользоваться своей способностью удлинять и укорачивать строки ради смыслового выделения. Интереснее было передавать разницу между стихом разных языков: в немецкий верлибр вводить силлабо-тонику, а в итальянский (и в старые басни Маро и Сакса) – силлабику. Мне жаль, что у Маро я не сумел сохранить цезур, у Фьякки – обязательных ударений в середине строк, а у Сакса – строгости внутрислоговых переразделений. Басня Парини – это «сонет с хвостом», но хвост в ней больше сонета.

КЛЕМАН МАРО

Лев и мышь

Не пишу тебе, как безумна страсть, —
Ты знаешь сам, где в ней польза, где бред;
Не пишу тебе о ратных делах —
Ты знаешь сам, кто в них силен, кто слаб;
Не пишу тебе о властной Фортуне —
Ты знаешь сам, надежна она, нет ли;
Не пишу тебе о людских пороках —
Ты знаешь сам их, хоть и непричастен;
Не пишу тебе о Господе Боге —
Ты сам к нему устремляешь свой разум;
Не пишу тебе про парижских дам —
Ты знаешь их лучше, чем их мужья;
Не пишу грубо, не пишу любезно, —
А лишь хочу рассказать одну басню —
Басню, в которой лица – лев и мышь.

Этот лев, сильнее, чем всякий вепрь,
Увидел однажды мышь в мышеловке,
Откуда она не умела выйти,
Объевшись там салом и сырым мясом.
Но этот лев был умен и догадлив —
Пустив в дело и когти, и клыки,
Он разломал ловушку на куски.
Тетушка мышь выскользнула оттуда,
Почтительно преклонила колено
И, сорвав шапку с серой головы,
Тысячу раз благодарила льва,
Умоляя бога мышей и крыс
Воздать владыке добром за добро.

Сейчас увидишь: так оно и вышло.

Случилось однажды льву за добычей
Уйти далеко от своей пещеры,
И там, увы, он сам попался в сеть
И был привязан к крепкому столбу.
Вот тогда и явилась к немумышь.
Она была смела и весела,
Она не насмехалась надо львом,
А, выругав котов, кошек, котят
И восхвалив крыс, мышей и мышат,
Среди которых пришел ее час
Отозваться на отзывчивость льва,
Мышь сказала так: «Молчи, лев, ты связан,
Но сейчас будешь у меня на воле,
Потому что по доброте душевной
Так и ты меня выпустил на волю:
Ты мне помог по-своему, по-львиному,
А я тебе помогу по-мышинному».

Лев от удивленья раскрыл глаза,
Повернул голову, взглянул намышь
И сказал мыши: «Крошка-побирушка,
У тебя нет ни снастей, ни уменя,
Нет ни ножа, ни пилы, ни подпилка,
Чтобы разрезать ремни и веревки
И вызволить меня из этих пут.
Беги лучше, пока не видит кот!»

«Господин лев, – говорит емумышь, —
Ваши слова, право же, мне смешны:
Крепких ножей у меня полон рот,
Их белая кость острее пилы,
Моя челюсть им славный черенок,
Против них не устоит ваш ремень:
Подождите, и все будет в порядке».
И госпожамышь принялась за дело —
Стала грызть сеть. Ей пришлось потрудиться
Немало времени; но она грызла
Быстро, сильно, и вот лопнула сеть,
И лев вышел на волю, жив и цел,
С такими словами: «Истинно так:
Ничто доброе не пропадет зря».

Вот моя сказка, и притом в стихах.
Она длинна, но ей уж много лет,
Свидетель Эзоп, и не только он.
Будь же, мой друг, для меня этим львом,
А я приложу все свои усилья,
Чтоб оказаться благодарноймышью,
Ежели Бог тебе даст столько сил,
Сколько дал льву, а я надеюсь – даст.

ГАНС САКС

Льстивый и честный пред обезьяньим царем

У Эзопа в четвертой книге
Так говорится в восьмой басне:
Пошли два друга путешествовать,
Чтоб посмотреть на страны дальние, —
Одна в них цель, но разный нрав:
Первый из них был лжец и льстец,
А второй был, наоборот,
Чистосердечен и правдив.
Дошли они до самой Индии
И там в диком лесу увидели:
Стоит гора, а на ней трон,
А на нем обезьяний царь
С толпой придворных обезьян.
Испугались наши друзья;
А царь манит к себе лжеца
И говорит: «Кто я такой?»
Лжец льстиво молвит: «Ты владыка,
Великий, могучий, богатый!» —
«А кто стоит вокруг меня?» —
«Это стоят твои князья,
Рыцари, канцлеры, вельможи,
Стольники, спальники и челядь».
Царь за такую ложь и лесть
Щедрые дал ему дары,
А правдивый думает так:
«Если так награждают ложь,
Какова же будет награда
В ответ на истинную правду!»
А меж тем обезьяний царь
И ему задает вопрос:
«Кто я такой и кто со мною?»
И правдивый ответил честно:
«Ты – обезьяна, и вокруг
Тебя – такие же, как ты,
Безобразные обезьяны!»
Услышав правдивое слово,
Обезьяний царь со всей свитой
В ярости бросился на путника.
Они вонзили в него зубы,
Стали терзать его и мучить,
Изодрали лицо когтями
И выгнали, а все за правду.

Басня показывает нам,
Как извратился род людской.
Кто попробует в наши дни
Говорить правду при дворе
И вывести на белый свет
Пороки, царящие там,
Тот не жди никаких наград,
Кроме насмешки и хулы:
Его бросят в безумный дом
И станут псами там травить.
Но ежели явится льстец,
Расхвалит всяческое зло
И мерзость представит как благо —
То вот кто будет принят с честью!
Таков двор – таков и весь мир:
Знать и чернь, миряне и клир,
Всем не по сердцу слово правды,
Обличающей злые нравы
И за это гонимой всюду —
В церкви, в цехе, в поле и в школе.
Мир полон зла, он это зло
Не любит выносить на свет;
Притом у него такой слух,
Который к грубой правде глух,
А хочет угодливых слов,
Пустых похвал, лести и лжи.
Кто в таком промысле силен,
Тот самый нужный человек;
А кто правду не утаит,
К тому мир свиреп и жесток.
Вот так все худо, и вот так,
Чем дальше в жизнь, тем больше лжи,
Пока весь мир хочет быть слеп
И пока в нем властвует зло,
Причина всяческих невзгод, —
Так об этом сказал Ганс Сакс.

ЖАН ДЕ ЛАФОНТЕН

Лисица и виноград

Лис-гасконец, а может быть, лис-нормандец
(Разное говорят),
Умирая с голоду, вдруг увидел над беседкою
Виноград, такой зримо зрелый,
В румяной коже!

Наш бездельник был бы рад им полакомиться,
Да не мог до него дотянуться
И сказал: «Он зелен —
Пусть им кормится всякий сброд!»
Что ж, не лучше ли так, чем праздно сетовать?

Ворон и лисица

Дядюшка ворон, сидя на дереве,
Держал в своем клюве сыр.
Дядюшка лис, привлеченный запахом,
Повел с ним такую речь:
«Добрый день, благородный ворон!
Что за вид у вас! что за красота!
Право, если ваш голос
Так же ярок, как ваши перья,
То вы – Феникс наших дубрав!»
Ворону этого показалось мало,
Захотел он блеснуть и голосом,
Разинул клюв – и выронил сыр.
Подхватил его лис и молвил: «Сударь,
Запомните: всякий льстец
Кормится от тех, кто его слушает, —
Вот урок вам, а урок стоит сыра!»
И поклялся смущенный ворон (но поздно!),
Что другого урока ему не надобно.

ЖАН-ПЬЕР КЛАРИ ДЕ ФЛОРИАН

Истина и басня

Однажды нагая Истина
Вышла из своего колодца;
Черты ее были трачены временем,
Юные и старые разбегались от ее лица.
Бедная Истина стыла от холода,
Ей было негде жить.
Тут предстала ее очам
В богатом наряде Басня,
Вся в перьях, вся в драгоценностях,
Блестящих, хоть часто и поддельных.
«Добрый день! – сказала она. – Это вы?
Что вы делаете здесь одна среди дороги?»
Истина в ответ: «Как видите, замерзаю
И тщетно прошу прохожих

Дать мне приют, —
Но все меня боятся. Увы, я вижу:
Старой женщине ничего не дано». —
«Но я вас старше, —
Сказала Басня, — а между тем,
Скажу, не хвастаясь,
Мне открыта любая дверь.
Однако, сударыня Истина,
Почему вы ходите нагая?
Это нехорошо. Давайте оденемся,
И у нас будет общий интерес.
Вот вам мой плащ, и пойдете рядом.
Если встретится нам мудрец —
Ради вас он не отвергнет меня,
А ради меня — глупец
Перестанет осыпать вас обидами.
Пользуясь этим каждая по-своему,
С вашим разумом и моим легкомыслием,
Вот увидите, сестрица: вдвоем
Мы пройдем повсюду!»

Философ и сова

Бесприютный, гонимый, осужденный
За то, что звал вещи своими именами,
Из города в город скитался бедный философ,
Унося с собою все свое: свой рассудок.
Однажды, обдумывая плоды своих бдений,
Он увидел (дело было в лесу)
Большую сову,
Окруженную галками и воронами,
Которые клевали ее, крича:
«Вот негодяй, безбожник, враг отечества!
Ощипать его, живо! клюй его, клюй,
А потом мы будем его судить!»
И теснили сову. А она, несчастная,
Крутя своей доброю толстою головой,
Тщетно увещевала их разумными доводами.
Философ был тронут, потому что философия
Делает нас человечней и добрей:
Прогнал он вражескую стаю
И спросил сову: «Почему эти злодеи
Хотели тебя убить?
Что ты им сделала?» А сова: «Ничего:
Просто я умею видеть, когда всем темно, —
В этом и преступление».

Мальчик и зеркало

Мальчик, выросши у кормилицы в деревне,
Вернулся в город и очень удивился,
Увидев зеркало.
Сперва мальчик в зеркале ему понравился,
Потом по ребяческой привычке
(Впрочем, не только ребяческой)
Захотел он обидеть того, кто нравится,
И скорчил ему рожу, а зеркало – тоже.
Мальчик, разобидевшись,
Грозит ему кулаком,
А зеркало грозит в ответ.
Наш кривляка, озлясь, бросается с криком
Поколотить этого нахала —
И ушибает руки. Гнев его растет —
В отчаянии и ярости
Вот он мечется перед зеркалом,
Плача, крича и колотя по стеклу.
Приходит мать, утешает его, ласкает,
Унимает слезы и нежно говорит:
«Не ты ли первый стал корчить рожи
Этому негоднику, который тебя огорчил?» —
«Я». – «А теперь посмотри:
Ты улыбнулся – и он улыбнулся,
Ты к нему тянешь руки – и он к тебе тоже,
Ты не сердись – и он не дуется:
Вот так-то люди друг с другом и живут —
И добро, и зло возвращается к нам же».

ДЖУЗЕППЕ ПАРИНИ

Кот и крестьянин

Однажды кот пришел к мужику в гости,
Выгнул шею в униженном поклоне,
Склонился к уху и вкрадчиво молвил:
«Ах! разреши мне пожить в твоём доме.
Я в нём не буду зря занимать место, —
Нет, я острым клыком и смелым когтем
Стану защитой от мышей бесстыдных
Для всех твоих кладовых и амбаров».
Мужик был рад слышать такие речи —
Он дал коту ключи от всех амбаров
И сказал: «Друг мой, прошу, будь на страже!»

Целую ночь было слышно, как стонут
Мыши, объятые смертельным страхом,
Но бессильные скрыться от расправы.
Никогда не бывало
Видано столь беспощадных побоищ,
Как этой ночью претерпели мыши:
Плакал слезами счастья
Крестьянин, когда поутру проснулся
И воочью увидел поле боя.
Кота-победоносца
Он взял за лапу, прижал его к сердцу,
Гладит серую шерсть, целует в морду.
Но столь великий подвиг
Не повторился следующей ночью:
Может быть, кот утомлен был вчерашним,
А только было слышно,
Как он с кошками мяукал на крышах.
Мыши слышат и вновь выходят грабить —
Коту и дела нету:
Он за два дня до того обленился,
Что только и лежит, греясь у печки,
А там и сам ворует
Сало, и рыбу, и все, что есть в кухне:
Живет разбоем, а мышей забросил.
Крестьянин это видит,
Он горюет, кота он укоряет
И наконец ловит его с поличным.
«Ах, злодей! ах, безумец! —
Кричит ему разъяренный хозяин. —
Зачем я тебе верил? В час недобрый
Тебя я сделал главным
Над моим домом; а больше бы толку,
Кабы ты жил, как все коты и кошки».

ЛУИДЖИ ФЪЯККИ

Молодой дрозд и его мать

Молодой дрозд, совсем кругленький птенчик,
Еще не свykшийся с здешнею жизнью,
Увидел перышко, по воле ветра
Летевшее по открытому небу.
«Ах, посмотри, мама, какая птичка! —
Говорит он, — с виду совсем малютка,
А летит так, как никто не летает!
Скажи, как ее имя в наших рощах?» —

«Это не птичка, – говорит мать сыну, —
Это перышко, веемое ветром». —
«Как? – воскликнул сын. – Стало быть, не только
Живые птицы способны к полету?
Не верится, что и другие тоже!»
Мать отвечает: «Куда ветер дует,
Туда летят даже мертвые перья —
Поверь, так уж ведется в этом мире».

ЛОРЕНЦО ПИНЬОТТИ

Взбитые сливки

В большой фарфоровой чашке
Были чистые свежие сливки,
И француз-кондитер
Быстро-быстро
Взбивал их тоненькой ложкой.
От этой встряски
Стонала, вспухала, вставала влага
Белой сияющей пеной,
Всходя все выше и выше
Легко и мягко,
Все шире и шире за край сосуда,
И уже казалась
Белым сугробом густого снега.

А при этом были случайно
Три достойные мужа:
Физик, метафизик и важный теолог.
Сдвинув брови, они смотрели
На этот труд. Чему же они дивились?
Не сладкий ли запах кухни
Повергал в недоуменье три науки?
Нет: пред ними
Совершался химический опыт.

«Смотрите! – говорил метафизик, —
В этом прекрасном труде мы видим
Образ творящего духа:
Идея, сталкиваясь с идеей,
Возбуждается, обе рождают третью,
И снова, и снова, и постепенно,
Словно пеннистая влага
Под руками кондитера, вырастает масса
Взаимосвязанных мыслей, и так выходит
Наподобие крема —
Новая философская система».

Физик, напротив,
Любовался, как самая малость
Материи становится огромным
Объемом, а это значит,
Что назло всем чувствам
Мир – ничто, материи в нем почти и нету,
А вся природа
Подобна воздушно взбитым сливкам.
Глубокомысленный же теолог,
Отведав сливок, удостоверил:
Плотности в них так мало,
Что не ешь, а только кажется, как будто
Ешь. Эта пища – словно нарочно
Чтобы обмануть нечистого духа,
Когда он во время поста примечает,
Как лакомки над чашкой шевелят челюстями,
И злорадно бросает
На адские весы это их прегрешенье,
А вес его мал, и дьявол растерян,
И богословы смеются ему в морду.
Но вдруг из гущи сливок
Раздался голос —
Не знаю уж, явление ли природы
Или шутка презрительного домового:
«Загляните в чашку:
Веса там мало, а ветра много:
Вот истинный образ
Всего, что бесполезно и праздно
В вашем человеческом знанье».

ТОМАС ДЕ ИРИАРТЕ И ОРОПЕСА

Медведь, обезьяна и свинья

Медведь, с которым приезжий
Зарабатывал на жизнь,
Как-то шел на задних лапах
В недовыученном танце,
Представляя человека,
И спросил мартышку: «Как?»
Мартышка была толкова
И сказала: «Никуда!»
Медведь молвил: «Ты, мартышка,
По-моему, неправа:
Разве я хожу не прямо?
Разве видом не хорош?»

Свинья, видя эту ссору,
Крикнула медведю: «Браво!
Молодец! Лучших танцоров
В мире не было и нет!»

Медведь, такое услышав,
Задумался, помолчал,
А потом, убавив важность,
Сказал такие слова:
«Когда меня обругала
Маргышка, я ей не верил;
Но уж если свинья хвалит,
Значит, впрямь пришла беда!»

Пусть каждый гордец-писатель
Эту истину запомнит:
«Бранит умный – дело плохо,
Хвалит глупый – вовсе дрянь!»

ХРИСТИАН ФЮРХТЕГОТТ ГЕЛЛЕРТ

Умиравший отец

Два сына были у отца:
Кристоф был умный, а Георг был глупый.
Подходит смерть; и, лежа на одре,
Глядит отец с тревогой на Кристофа:
«Ах, сын! меня терзает мысль, —
Вот я умру – и что с тобою, умным, будет?
Послушай: у меня в шкапу
Стоит ларец, в нем дорогие камни,
Они – твои: возьми их, сын,
И только не делись с братом».
Сын испугался: «Как же так?
Ведь если мне достанется так много,
То чем же будет жить мой брат?» —
«Брат? – оборвал его отец, —
Не беспокойся о Георге:
Кто глуп, тот глупостью как раз и будет счастлив».

ФРИДРИХ ФОН ХАГЕДОРН

Медвежья шкура

Два молодца, от юных лет
Привыкшие в гасконских землях

Всех вперебой честить направо и налево,
Покинули, польстившись на скитанья,
Свою певучую страну.
Охоты у них было больше, чем таланта,
И вот упрямство и нужда
В надежде выправить дела
Их довели до самой Польши.
Ни денег больше нет у бывших удалцов,
Ни песен, ни отваги;
Из милости их приютил один корчмарь
В надежде будущей поживы.
Они ему сказали: «В вашей чаще
Живет огромный злой медведь,
И мы по-рыцарски готовы заплатить
Тебе его прекрасной шкурой.
Мы не унизим, задолжав,
Перед тобою честь гасконцев:
Такого зверя затравить
Мы сможем лучше всех чертей из ада,
Ей-ей! вот будет нам потеха!»
Хозяину смешно. Он бьется об заклад,
Они спешат и рвутся к делу,
Нетерпеливая отвага их торопит,
И вот они в лесу, и вот пред ними враг.
Холодный страх пронзил обоих:
Один в испуге лезет на сосну,
Другой, умней, упал и притворился мертвым:
Застыл, не дышит, взгляд потух,
Лежит старательный покойник
И держит в памяти одно лишь:
Что мертвецов медведь не ест.
Зверь смотрит, нюхает, со всех сторон заходит
И поддается на обман:
«Фу! – он ворчит, – какая пададь!
Нам, медведям, чего-нибудь бы посвежей!» —
И удаляется. Храбрец-приятель
Скорей с сосны – и к другу. «Как я рад!
Ты жив! едва глазам я верю:
Видать, большой святой тебя хранил!
Но как же нынче вражья шкура?
Я в страхе видел, что медведь
Стоял над самым твоим ухом —
Так что же он тебе сказал?» —
«Немногое, – ответил друг, – но с толком.
Мне посоветовал он так:
Пока медведь еще не пойман,
Медвежьей шкурой не торгуй!»

ЭВАЛЬД ХРИСТИАН ФОН КЛЕЙСТ

Раненый журавль

Осень стряхнула листья с пестрых рощ,
Холодный иней стлался по лугам,
Когда слетелась стая журавлей
К морскому берегу, чтобы править путь
В заморский добрый край. И лишь один
Журавль, чью ногу ранило стрелой,
Был в стороне, тосклив, безмолвен, чужд
Вольному крику строящихся птиц,
И громко тешились они над ним.

Он думал: «Я не виноват, что хром,
Я благу общему служил, как вы,
И не за что смеяться надо мной.
Но ах, как мне лететь, когда всех сил
И мужества меня лишает боль?
Несчастному, мне в море будет смерть!
Зачем живым я спасся от стрелка?»

Тут ветер потянул с холмов к волнам,
И журавлиный строй взлетает в путь,
Бьет крыльями и радостно кричит,
А тот больной все дальше отстает,
Все чаще отдыхает на листьях
Плавающих лотосов и все томим
Тоской и болью. Так достиг и он,
Счастливой осторожностью спасен,
Тех мест, где добрый воздух исцелил
Его недуг; а многие из злых
Насмешников погибли в пене волн.

Вы, знающие бедствий тяжкий гнет,
Вы, в честном сердце кроющие скорбь,
Оставьте страх, не проклиняйте жизнь,
Дерзните в путь по жизненной стезе:
Там, за морем, есть лучшая земля —
Поля блаженства, и они – для вас!

КОМЕДИЯ

Это отрывок из латинской комедии IV века «Кверол». Комедия – очень мало известная: даже советские историки, всюду искавшие материалов о положении и психологии рабов в древнем мире, ни разу не воспользовались тем монологом раба, который здесь переведен. Раба зовут Пантомал («негодяй на все руки»), его хозяина – Кверол («брюзга»), сюжет – о том, как трое мошенников хотели этого Кверола обокрасть, а вместо этого нечаянно обогатили, но этот монолог – как бы интермедия, к сюжету отношения не имеющая. Он напечатан здесь дважды, сперва прозой, потом стихами; я прошу читать его именно в таком порядке. Дело вот в чем. Оригинал написан ритмической прозой: фразы и куски фраз начинаются как проза, а кончаются как стихи или почти как стихи – «трохаические тетраметры» с женской цезурой и мужским или дактилическим окончанием. По-русски это выглядит как последовательность синтаксических отрезков с приблизительным чередованием женских и не-женских окончаний. Если печатать этот текст как прозу, то этот ритм должен ступенькаться, если как стихи – то подчеркиваться. Мне бы хотелось, чтобы читатель проверил, подтверждается ли это его восприятием. Этот текст мне пришлось печатать дважды, один раз прозой, другой стихами, но расспросить читателей о впечатлении не было случая.

КВЕРОЛ Сцена 7

Пантомал

Нет на свете хороших хозяев – это известно всякому. Но я доподлинно убедился, что самый скверный – это мой. Человек-то он безвредный, только рохля и ворчун. Если, положим, что-то в доме пропало, он так и сыплет проклятиями, словно это неведомо какое преступление. Если вдруг обман заметит – без перерыву кричит и ругается, да как! Если кто-нибудь толкнет в огонь стул, или стол, или кровать, как это бывает при нашей спешке, – он и на это плачется. Если крыша протекает, если двери сбиты с петель – он скликает весь дом, обо всем допрашивает, – разве ж такого можно стерпеть? Все расходы, все расчеты записывает собственной рукой, и если в чем не отчитаешься, то деньги требует назад.

А уж в дороге до чего он несговорчив и невыносим! Выехать надо до рассвета; мы себе пьянствуем, потом спим; а он и на это уж сердит! А потом, за пьянством и сном, пойдут другие поводы: в толпе толкотня, мулов не сыскать, погонщиков след простыл, упряжка не слажена, сбруя наизнанку, возница на ногах не стоит, – а он, словно сроду никогда не ездил, все это ставит нам в вину! Когда так бывает у другого, то немножко терпения – и все постепенно наладится. А у Кверола наоборот: за одной бедой он ищет другую, придиркой за придирку цепляется; не хочет ехать с пустой коляской или с большой лошадей и все кричит: «Почему ты мне раньше об этом не сказал!» – словно сам не мог заметить. Вот уж самодур так самодур! А если заметит какую оплошность, то скрывает и молчит, и только тогда затевает ссору, когда и сослаться не на что, когда уж не отговоришься: «Так и я хотел сделать, так и я хотел сказать». А когда наконец потаскаемся туда-сюда, то надо еще и вернуться в срок. И вот вам еще одна повадка этого негодника: чтобы мы спешили к сроку, он дает нам про запас один только день, – разве же это не значит просто искать повода, чтобы гнев сорвать? Впрочем, что бы там ему ни взбрело в голову, мы всегда сами себе назначаем день для возвращения; так что хозяин, чтобы не попасть впросак, если кто ему нужен в календы, тому велит явиться накануне календ.

А как вам нравится, что он терпеть не может пьянства и сразу чует винный дух? И что за вино, и много ли пил – по глазам и по губам он с первого взгляда угадывает. Мало того: он не

хочет, чтоб с ним хитрили и водили за нос, как водится! Кто же мог бы такому человеку служить и слушаться его? Не терпит воды, коли пахнет дымом, ни чашки, коли засалена: что еще за прихоти! Если кувшин поломан и потрескался, миска без ручек и в грязи, бутылка надбитая и дырявая, заткнутая воском тут и там, – он на это спокойно смотреть не может и еле сдерживает желчь. Не могу себе представить, что такому дурному человеку может понравиться? Как вино отопьешь и водой разбавишь – он заметит всякий раз. Нередко нам случается подмешивать и вино к вину: разве грех облегчить кувшин от старого вина и долить его молодым? А Кверол наш и это считает страх каким преступлением и, что самое скверное, сразу обо всем догадывается.

Дай ему самую маленькую монетку, легонький такой серебряный кружочек, и он уже думает, что ее подменили или подпилили, потому что случай такой уже был. И какая тут разница? ведь один и тот же цвет у всякого серебра! Все сумеем подменить, а это – нипочем. То ли дело – золотые солиды: тысячи уловок есть, чтоб их подделывать. Если чеканка одна и та же, то попробуй-ка их различить! Где на свете больше сходства, чем между солидом и солидом? Но и в золоте есть различия: внешность, возраст, цвет лица, известность, происхождение, вес, – на все это смотрят у золота внимательней, чем у человека. Поэтому где золото, там все для нас. Кверол этого раньше не знал; но дурные люди портят хороших людей!

Вот уж мерзавец этот самый наш сосед Арбитр, к которому я теперь иду! Он пайки рабам убавил, а работы свыше всякой меры требует. Кабы мог, он бы и мерки завел другие ради своей бесчестной выгоды. И вот когда он, случайно или нарочно, повстречает моего хозяина, тут-то они вразумляют друг друга. И все-таки, ей-ей, сказать по правде, если уж надо выбирать, то я выбираю своего. Хоть какой он ни на есть, а по крайней мере держит нас без скупости. Да беда, что слишком часто дерется и всегда кричит на нас. Так пусть уж и того и другого накажет бог!

А мы не так уж глупы и не так уж несчастны, как некоторые думают. Нас считают сонливцами за то, что днем нас клонит ко сну: но это потому бывает, что мы зато по ночам не спим. Днем наш брат храпит, но сразу просыпается, как только все заснут. Ночь, по-моему, самое лучшее, что сделала природа для людей. Ночь для нас – это день: ночью все дела мы делаем. Ночью баню мы принимаем, хоть и предпочли бы днем; моемся с мальчиками и девками – чем не жизнь свободного? Ламп мы зажигаем столько, чтобы свету нам хватало, а заметно бы не было. Таковую девку, какой хозяин и в одежде не увидит, я обнимаю голую: щиплю за бока, треплю ей волосы, подсаживаюсь, тискаю, ласкаю ее, а она меня, – не зная такого хозяевам! А самое главное в нашем счастье, что нет меж нами зависти. Все ворует, а никто не выдаст: ни я тебя, ни ты меня. Но следим за господами и сторонимся господ: у рабов и у служанок здесь забота общая. А вот плохо тем, у кого хозяева до поздней ночи все не спят! Убавляя ночь рабам, вы жизнь им убавляете. А сколько свободных не отказалось бы с утра жить господами, а вечером превращаться в рабов! Разве, Кверол, тебе не приходится ломать голову, как заплатить налог? А мы тем временем живем себе припеваючи. Что ни ночь, у нас свадьбы, дни рождения, шутки, выпивки, женские праздники. Иным из-за этого даже на волю не хочется. Действительно, откуда у свободного такая жизнь привольная и такая безнаказанность?

Но что-то я здесь замешкался. Мой-то, наверное, вот-вот закричит, как водится. Не грех бы мне так и сделать, как он сказал, да закатиться к товарищам. Но что получится? Опять получай, опять терпи наказание. Они хозяева: что захотят, то и скажут, коли в голову взбрело, а ты потом расплачивайся. Боги благие! ужель никогда не исполнится давнее мое желание: чтобы мой дурной и злой хозяин стал адвокатом, канцеляристом или местным чиновником? Почему я так говорю? Потому что после свободы тяжелее подчинение. Как же мне не желать, чтобы сам испытал он то, чего никогда не знал? Пусть же он наденет тогу, пусть обивает пороги, пьянствует с судейскими, пусть томится пред дверями, пусть к слугам прислуживается, пусть, оглядываясь зорко, шляется по форуму, пусть вынюхивает и ловит свой счастливый час

и миг утром, днем и вечером. Пусть преследует он лестью тех, кому не до него; пусть свидания назначает тем, кто не является; пусть и летом не вылезает он из узких башмаков!

Пантомал

Нет на свете хороших хозяев —
это известно всякому.
Но я доподлинно убедился,
что самый скверный — это мой.
Человек-то он безвредный,
только рохля и ворчун.
Если, положим, что-то в доме пропало,
он так и сыплет проклятиями,
словно это неведомо какое преступление.
Если вдруг обман заметит —
без перерыву кричит и ругается, да как!
Если кто-нибудь толкнет в огонь
стул, или стол, или кровать,
как это бывает при нашей спешке, —
он и на это плачется.
Если крыша протекает,
если двери сбиты с петель —
он скликает весь дом, обо всем допрашивает, —
разве ж такого можно стерпеть?
Все расходы, все расчеты
записывает собственной рукой,
и если в чем не отчитаешься,
то деньги требует назад.

А уж в дороге до чего он
несговорчив и невыносим!
Выехать надо до рассвета;
мы себе пьянствуем, потом спим;
а он и на это уж сердит!
А потом, за пьянством и сном,
пойдут другие поводы:
в толпе толкотня, мулов не сыскать,
погонщиков след простыл,
упряжка не слажена, сбруя наизнанку,
возница на ногах не стоит, —
а он, словно сроду никогда не ездил,
все это ставит нам в вину!
Когда так бывает у другого,
то немножко терпения —
и все постепенно наладится.
А у Кверола наоборот:
за одной бедой он ищет другую,
придиркой за придирку цепляется;
не хочет ехать с пустой коляской

или с больной лошадыю
и все кричит:
«Почему ты мне раньше об этом не сказал!» —
словно сам не мог заметить.
Вот уж самодур так самодур!
А если заметит какую оплошность,
то скрывает и молчит,
и только тогда затевает ссору,
когда и сослаться не на что,
когда уж не отговоришься:
«Так и я хотел сделать, так и я хотел сказать».
А когда наконец потаскаемся туда-сюда,
то надо еще и вернуться в срок.
И вот вам еще одна повадка
этого негодника:
чтобы мы спешили к сроку,
он дает нам про запас один только день, —
разве же это не значит просто
искать повода, чтобы гнев сорвать?
Впрочем, что бы там ему ни взбрело в голову,
мы всегда сами себе
назначаем день для возвращения;
так что хозяин, чтобы не попасть впросак,
если кто ему нужен в календы,
тому велит явиться накануне календ.

А как вам нравится, что он терпеть не может пьянства
и сразу чует винный дух?
И что за вино, и много ли пил —
по глазам и по губам он
с первого взгляда угадывает.
Мало того: он не хочет, чтоб с ним хитрили
и водили за нос, как водится!
Кто же мог бы такому человеку
служить и слушаться его?
Не терпит воды, коли пахнет дымом,
ни чашки, коли засалена:
что еще за прихоти!
Если кувшин поломан и потрескался,
миска без ручек и в грязи,
бутылка надбитая и дырявая,
заткнутая воском тут и там, —
он на это спокойно смотреть не может
и еле сдерживает желчь.
Не могу себе представить,
что такому дурному человеку может понравиться?
Как вино отопьешь и водой разбавишь —
он заметит всякий раз.
Нередко нам случается

подмешивать и вино к вину:
разве грех облегчить кувшин от старого вина
и долить его молодым?
А Кверол наш и это считает
страх каким преступлением
и, что самое скверное, сразу
обо всем догадывается.

Дай ему самую маленькую монетку,
легонький такой серебряный кружочек,
и он уже думает,
что ее подменили или подпилили,
потому что случай такой уже был.
И какая тут разница? ведь один и тот же
цвет у всякого серебра!
Все сумеем подменить, а это —
нипочем. То ли дело —
золотые солиды:
тысячи уловов есть, чтоб их подделывать.
Если чеканка одна и та же,
то попробуй-ка их различить!
Где на свете больше сходства,
чем между солидом и солидом?
Но и в золоте есть различия:
внешность, возраст, цвет лица,
известность, происхождение, вес, —
на все это смотрят у золота
внимательней, чем у человека.
Поэтому где золото, там все для нас.
Кверол этого раньше не знал;
но дурные люди портят хороших людей!

Вот уж мерзавец этот самый наш сосед Арбитр,
к которому я теперь иду!
Он пайки рабам убавил,
а работы свыше всякой меры требует.
Кабы мог, он бы и мерки завел другие
ради своей бесчестной выгоды.
И вот когда он, случайно или нарочно,
повстречает моего хозяина,
тут-то они вразумляют друг друга.
И все-таки, ей-ей, сказать по правде,
если уж надо выбирать,
то я выбираю своего.
Хоть какой он ни на есть, а по крайней мере
держит нас без скупости.
Да беда, что слишком часто дерется
и всегда кричит на нас.
Так пусть уж и того и другого

накажет бог!

А мы не так уж глупы и не так уж несчастны,
как некоторые думают.

Нас считают сонливцами
за то, что днем нас клонит ко сну:
но это потому бывает,
что мы зато по ночам не спим.

Днем наш брат храпит, но сразу
просыпается, как только все заснут.

Ночь, по-моему, самое лучшее,
что сделала природа для людей.

Ночь для нас – это день:
ночью все дела мы делаем.

Ночью баню мы принимаем,
хоть и предпочли бы днем;
моемся с мальчиками и девками —
чем не жизнь свободного?

Ламп мы зажигаем столько,
чтобы свету нам хватало,
а заметно бы не было.

Такую девку, какой хозяин
и в одежде не увидит,
я обнимаю голую:

щиплю за бока, треплю ей волосы,
подсаживаюсь, тискаю,
ласкаю ее, а она меня, —
не знавать такого хозяевам!

А самое главное в нашем счастье,
что нет меж нами зависти.

Все ворует, а никто не выдаст:
ни я тебя, ни ты меня.

Но следим за господами
и сторонимся господ:

у рабов и у служанок
здесь забота общая.

А вот плохо тем, у кого хозяева
до поздней ночи все не спят!

Убавляя ночь рабам,
вы жизнь им убавляете.

А сколько свободных не отказалось бы
с утра жить господами,
а вечером превращаться в рабов!

Разве, Кверол, тебе не приходится
ломать голову, как заплатить налог?

А мы тем временем живем себе припеваючи,
Что ни ночь, у нас свадьбы, дни рождения,
шутки, выпивки, женские праздники.

Иным из-за этого даже на волю

не хочется. Действительно,
откуда у свободного
такая жизнь привольная
и такая безнаказанность?

Но что-то я здесь замешкался.
Мой-то, наверное, вот-вот
закричит, как водится.
Не грех бы мне так и сделать, как он сказал,
да закатиться к товарищам.
Но что получится?
Опять получай, опять терпи наказание.
Они хозяева: что захотят, то и скажут,
коли в голову взбрело,
а ты потом расплачивайся.
Боги благие! ужель никогда не исполнится
давнее мое желание:
чтобы мой дурной и злой хозяин
стал адвокатом, канцеляристом
или местным чиновником?
Почему я так говорю?
Потому что после свободы
тяжелее подчинение.
Как же мне не желать, чтобы сам испытал он
то, чего никогда не знал?
Пусть же он наденет тогу,
пусть обивает пороги,
пьянствует с судейскими,
пусть томится перед дверями,
пусть к слугам прислуживается,
пусть, оглядываясь зорко,
шляется по форуму,
пусть вынюхивает и ловит
свой счастливый час и миг
утром, днем и вечером!
Пусть преследует он лестью
тех, кому не до него;
пусть свидания назначает
тем, кто не является;
пусть и летом не вылезает
он из узких башмаков!

CURIOSA

Это перевод пародии. Пародии переводятся редко: чтобы они правильно воспринимались, нужно было бы сперва перевести все пародируемые произведения. Без этого культурного фона они ощущаются не как пародии, а как самостоятельные комические (или даже не комические) произведения. Так сочинения Козьмы Пруткова для современников были пародиями, а для потомков – поэзией абсурда. А. Э. Хаусмен был крупным поэтом и еще более крупным филологом-классиком. У пародии Хаусмена два адреса: первый – Эсхил, его любимый драматург, второй – учебные переводы: буквальные, естественно рождающиеся при всяком школьном чтении трудного автора на малознакомом языке. Поколение спустя эти же «профессорские переводы» дали Э. Паунду толчок для его Проперция. Сюжет «Отрывка» – из мифа об Алкмеоне, который мстит своей матери Эрифиле за то, что она когда-то погубила его отца: точь-в-точь, как в мифе об Оресте и Клитемнестре. В 90 строчек вмещены диалог, хор и развязка. В диалоге выставлены напоказ все натяжки однострочных реплик стихомифии, в хоре – и банальность философии, и неуместность мифа, в развязке – противоестественность трагического действия за сценой и неподвижного обсуждения на сцене. Первая строчка копирует первую строчку «Антигоны» Софокла с ее синекдохой «О любимейшая голова Исмены...», дальше с таким же буквалистическим щегольством копируются и метонимия «дождливый Зевс», и метафора «сестра грязи», и гендиадис «стопами и поспешностью», и гистеросис «сдержу бессловесный язык». Когда в 1959 году отмечалось столетие Хаусмена, английские античники перевели этот «Отрывок» точными греческими стихами: получилось очень торжественно и совсем не смешно. Студент Хаусмен писал для своих товарищей, читавших Эсхила по-гречески, мне переводить приходилось для тех, кто читает Эсхила в русских переводах, поэтому у пародии оказалось не два, а три адреса: сюжетные натяжки в ней – от Эсхила, ритмическая вычурность (особенно в хорах) – от Вяч. Иванова, буквализмы и прозаизмы – от учебного перевода.

А. Э. ХАУСМЕН

Отрывок из греческой трагедии

Алкмеон, Хор

Х. – О ты, прекраснокожанообутая
Глава пришельца! Как, какие поиски,
Кого, зачем, отколь тебя доставили
В пределы наши славносоловьиные?
Я, вопрошая, жажду услышать ответ, —
Но ежели случишься ты и глух и нем
И не поймешь ни слова из речей моих,
То возвести об этом мановением.
А. – Я беотийской тек сюда дорогою.
Х. – На веслах ног или под гривой паруса?
А. – Сгибая в такт чету моих конечностей.
Х. – Под омраченным Зевсом или солнечным?
А. – Не грязью блещет обувь, но сестрой ее.
Х. – Узнать твое мне имя будет радостно.

А. – Не каждому даруется желанное.
Х. – Во что, скажи, разит твое присутствие?
А. – Язык пастуший, спрошенный, поведал мне...
Х. – О чем? Того не знаю, что не сказано.
А. – И не узнаешь, если перебеешь опять.
Х. – Вещай: сдержу я речь мою безмолвную!
А. – ...Что дом сей – Эрифилы, а не чей-нибудь.
Х. – Не посрамил он горла мерзкой ложью.
А. – Войду ль в чертог, раскрыв перед собою дверь?
Х. – Ступи на сей порог стопой удачливой!
И, о мой сын, во-первых, помни: добрым будь,
А во-вторых, о сын мой, помни: злым не будь,
Затем, что это лучше, чем обратное.
А. – Гряду в сей дом стопами и поспешностью!

Хор

с. В тяжком пытаны
Из плохо переваренных умом дум
Трудно рождалось слово;
Взвесив его стократно,
Я смог наконец, все рассудив, решить так:
ЖИЗНЬ НЕНАДЕЖНА!
Эту высокую истину я начертал
На размыслительном воске
Невосковых скрижалей,
И не пером ее запечатлев!
Я повторяю: В ЖИЗНИ, говорю я,
ЕСТЬ НЕНАДЕЖНОСТЬ!
Не полеты вещающих крыл
Раскрыли мне тайну,
Не дельфийский треножник ее изрыгнул,
Ни Додона:
Своим умом, утробой своей
До всего дошел я.

а. Надо ли вспомнить
О той, кого любил отец богов, Зевс, —
Той, кому злые боги
В странной заботе дали
Две пары копыт, пару рогов и один хвост, —
Дар нежеланный! —
И отослали в далекие страны затем,
Чтобы она училась,
Как пережевывать жвачку.
И вот, в зеленых аргосских полях
Она, бродя по травке и крапиве,
Ими кормилась!

Пусть питательна эта еда,
Но мне не по вкусу!
Пусть Киприда не выберет тронем своим
Мою печень!
Зачем я вспомнил Ио? почему?
Хоть убей, не знаю.

э. Но вешее сердце мое
Уже заводит само
Напев, не зовущий в пляс;
Но вот предстает дворец
Обоим моим глазам
(Вот правый, и левый вот) —
Бойнею, так сказать,
Где столько шерстистых смертей
И кораблекрушений коров.
И веду я плач на Киссийский лад,
И на громкий стук,
На моей груди разрывающий лен,
Отвечает в такт
Головы моей бедной биенье.

Голос Эрифилы, Хор

Э. – О! челюсть топора в меня вгрызается,
Язва меня не в шутку, а доподлинно.
Х. – Мне кажется, я слышу из покоев крик,
Несхожий с криком тех, кто скачет в радости.
Э. – Ах! он опять хватил меня по черепу:
Никак меня убить он хочет до смерти.
Х. – Пусть не винят меня в поспешномыслии,
Но я скажу: кому-то там невесело.
Э. – О! о! еще удар доводит счет до трех,
Хотя об этом вовсе не просила я.
Х. – Коль это так – твое здоровье бедственно,
Зато непогрешима арифметика.

ДЕЦИМ МАГН АВСОНИЙ

Молитва ропалическая ⁵

Ропалические стихи – это эксперимент в метрике. Так назывались гексаметры, состоящие последовательно из 1-, 2-, 3-, 4- и 5-сложного слова. Одна такая строчка случайно нашлась у Гомера, была замечена, получила название (от *ρόπαλον* – палица, утолщающаяся к концу) и стала примером для подражаний. Поэт Авсоний, воспитатель римского императора Грациана,

⁵ Перевод «Ропалической молитвы» Авсония в настоящем издании см.: т. II, с. 729–730. – Прим. А. Устинова.

был консулом в 379 году и написал по этому случаю три стихотворные молитвы; одна из них – «ропалическая». Изоощренная трудность формы нимало не мешает серьезности содержания.

Собственно, начать этот раздел следовало бы с экспериментов в графике – с фигурных стихов. По-латыни их писал – поколением раньше Авсония – поэт Порфирий Оптатиан; гексаметрические строки равной длины, буква в букву, по вертикальным началам их – акростиhi, по вертикальным концам – телестихи, а по серединам сложными зигзагами змеятся месостихи, и все они тоже представляют собой гексаметрические строки. Но перевести такую конструкцию у меня не хватило способности.

Послание двуязычное

Макаронические стихи – это эксперимент в лексике: стихи, написанные на смеси двух (редко больше) языков. В новоевропейской поэзии это обычно латинские гексаметры со вставками итальянских, французских и проч. слов, склоняемых и спрягаемых на латинский лад («лопата у него – лопатус, баба – бабус»): комический псевдолатинский язык, как будто латынь – это мука в макаронах, а народные языки – это сыр и масло, к ней примешанные. Сочиняться они стали в Италии в конце XV века, а образцом были вот эти стихи Авсония – латинские гексаметры, в которых греческие слова обросли латинскими суффиксами и флексиями. Авсоний писал их на старости лет, обращаясь к товарищу по риторской профессии и соседу по «сантонским полям» в южной Галлии; заключительные стихи – цитата из Горация, «Оды», II, 3, 15–16, один стих в подлинном виде, другой в греческом переводе.

Я, элладической Музы причастник и римской Камены,
Шлю на диглотте⁶ привет, Авсоний, Аксию Павлу.

Как я неладно живу! Обольщаясь пустою эльпидой⁷,
Можно ли педзы⁸ шутить, старея из гемара в гемар?⁹
Здесь, в сантонских полях, где царит аксенический криос¹⁰,
Я, тромерос¹¹, брожу и дрожу, цепенея талантом,
Для нежноплокамных¹² став Пиерид плохим ферапонтом¹³.
Педы¹⁴ сковал мне мороз, одонты¹⁵ скрежещут от стужи,
Гея¹⁶ покрыта хионом¹⁷, не пышет гестия¹⁸ жаром,
Ригос¹⁹ вдвойне холодней из-за песен холодных аэдов²⁰.
Янус, однако, раскрыл календарь; и вот в новогодье

⁶ На двуязычьи.

⁷ Надеждой.

⁸ Шутки.

⁹ Изо дня в день.

¹⁰ Негостеприимный холод.

¹¹ Трепетный.

¹² Нежнолоконных.

¹³ Слугой.

¹⁴ Ноги.

¹⁵ Зубы.

¹⁶ Земля.

¹⁷ Снегом.

¹⁸ Очаг.

¹⁹ Стужа.

²⁰ Певцов.

Я эпистолию шлю стихотворную филосу²¹ Павлу.
Вы, кого родила Мнемосина в своей диадеме,
Девять речистых адельф²² в венках из чистейшего крина²³,
Одушевите мне френ²⁴ шутоватой комической одой
И над челом раскиньте моим триумфальные птеры²⁵;
Ясный фаос²⁶ просияйте певцу в его скейскую²⁷ душу,
На миксобарбарский лад²⁸ сгармонируйте к логосу логос!²⁹
Если бы Аксия Павла, наследника этой же хоры³⁰,
Я обошел бы стихом, то подверг бы себя немесиде³¹.
Он мне во всем гемиох³²: оценить и австеры³³, и педзы
В нашей словесной палестре³⁴ сумеет он лучше любого.
Ныне же он эремитом³⁵ живет в отдаленной Кребенне,
Где ни стафилы³⁶ не зреют, ни лесха³⁷ ему не услада,
Ни в диалоге беседника нет, ни в симпозиции хмеля:
С милою Музой сам-друг он ропщет на праздную схолу³⁸.
Полно, Павел, мой друг! довольно мы вынесли понов³⁹,
На агоре⁴⁰ разбирая дела и на кафедрах сидя
Пред непослушной толпой неанисков⁴¹; а много ли толку?
Между тем иссыхает в артериях юная гема⁴²,
Нас уже можно геронтами⁴³ звать, затуманился опсис⁴⁴,
Меньше и меньше в суме статеров⁴⁵ на разные траты:
Ведь человек апаламный⁴⁶ с трудом залучит себе кердос⁴⁷ —
Трудно деньгу наживать при клиническом⁴⁸ образе жизни.

-
- ²¹ Другу.
²² Сестер.
²³ Лилий.
²⁴ Дух.
²⁵ Крылья.
²⁶ Свет.
²⁷ Темную.
²⁸ Полуварварский.
²⁹ К слову слово.
³⁰ Земли.
³¹ Возмездью.
³² Дольщик.
³³ Серьезные речи.
³⁴ Школе борьбы.
³⁵ Отшельником.
³⁶ Виноградные гроздья.
³⁷ Беседа.
³⁸ Досуг.
³⁹ Трудов.
⁴⁰ Судебной площади.
⁴¹ Подростков.
⁴² Кровь.
⁴³ Стариками.
⁴⁴ Зрение.
⁴⁵ Монет.
⁴⁶ Беззаботный.
⁴⁷ Прибыль.
⁴⁸ Лежачем.

Будем, однако, мой друг, благодушны: не станем порочить
Мойру – и Лета сокроет от нас и пению⁴⁹, и поны.
Ну а панкаллистон – лучше всего! – что при нас неотлучны
Спутницы-Музы и с винным кратером, и с винным фиалом⁵⁰ —
В дружном их фиасе⁵¹ ты обретишь утешенье от скорби.
Здесь же будут дары и Деметры Аглаокарпы⁵²,
Вкусный кабаний креат⁵³ и винные чаши, в которых
Пенится нектарный ойн⁵⁴, сколько любо усталой кардии⁵⁵.
Так гедонически мы и продлим эйс полла наши эте⁵⁶,
Покуда силы есть, и Парок
Нэмата порфиреа плэкетай⁵⁷.

Свадебный центон

Центон – это эксперимент в семантике: стихотворение, целиком составленное из стихов и полустихий, извлеченных из классической поэзии (cento – лоскутное одеяло). Это совершенный образец того, что теперь называется поэтикой подтекстов. Его художественный эффект – в том, что каждый словесный «лоскут» воспринимается одновременно в двух контекстах: первоначальном и новом. «Свадебный центон» Авсония (368 год) – первый большой центон в европейской поэзии. При императорском дворе праздновалась чья-то свадьба, император Валентиниан написал стихи на этот случай и предложил Авсонию сделать то же. Написать лучше императора было опасно, а написать хуже – вероятно, очень трудно. Авсоний вышел из положения, написав ответное стихотворение не своими словами, а вергилиевскими – смонтировав его из стихов и, чаще, полустихий «Буколик», «Георгии» и «Энеиды». Это было особенно эффектно, потому что Вергилий слыл целомудреннейшим поэтом, а свадебные стихи должны были быть непристойными. При переводе приходилось сопровождать каждый стих Авсония несколькими стихами Вергилия; по возможности использовались фрагменты существующих переводов Вергилия (А. Фета, В. Соловьева, В. Брюсова, С. Соловьева, С. Ошерова, С. Шервинского), но реже, чем хотелось бы: никто не переводил нужные строки слово в слово и полустихие в полустихие. Из восьми частей авсониевского центона здесь приводятся две первые и последняя.

1. Вступление

- ¹ Души склоните ко мне и с весельем сердца обратите,
- ² Мужеством равные оба, оружием славные оба,
- ³ Оба в цветущей поре, род, неодолимый во брани!

⁴⁹ Бедность.

⁵⁰ Чашами для смешивания вина и для питья вина.

⁵¹ Круге.

⁵² Прекрасноплодной.

⁵³ Мясо.

⁵⁴ Вино.

⁵⁵ Сердцу.

⁵⁶ Нашу жизнь на многие лета.

⁵⁷ Прядутся пурпурные нити.

⁴ Первый – ты: я знаю, что путь под счастливой звездой
⁵ Держишь по морю ты, которого ни справедливей,
⁶ Ни благочестнее нет, ни выше в войне и сраженьях, —
⁷ Ты и твой сын, вторая надежда великого Рима,
⁸ Древних воителей цвет, предмет моей высшей заботы,
⁹ Именем деду подобный, родителю – духом и дланью,
¹⁰ Не без приказа пою: будь всякому труд и удача
¹¹ По начинанью его, – мой же долг исполнять повеленья.

¹ «Энеида», V, 204 (Эней объявляет награды на состязаниях)

Став между ними, Эней такие слова начинает:
«Души склоните ко мне и с весельем сердца обратите!
Сколько бы ни было вас, – ни один не уйдет без подарка...»

² «Энеида», XI, 291 (Диомед вспоминает троянских вождей)

Гектора только рука и Энея рука отлагала
Греков победу, замедлив ей шаг до десятого года, —
Мужеством равные оба, оружием славные оба,
Но благочестием выше второй...

³ «Буколики», VII, 4 (Пастухи, состязающиеся в пении)

Тирсис и Коридон стада воедино собрали,
Тирсис – овец, а коз – Коридон, молоком отягченных, —
Оба в цветущей поре, и дети Аркадии оба,
В пенье искусны равно, отвечать обоюдно готовы...

«Энеида», IV, 40 (Дидона в Африке)

...Иль позабыла о том, на чьих ты полях поселилась?
Гетулы здесь в городах – *род, неодолимый во брани,*
Неукротимых нумидян кольцо, неприятные Сирты...

⁴⁻⁵ «Энеида», VI, 834 (Анхис о войне Цезаря с Помпеем)

Чада мои, не позволяйте душе обывать к этим войнам,
Грозною мощью своей не терзайте утробу отчизны, —
Первый – ты к милосердию склонись, олимпийцев потомок,
Кровь моя, вырони меч!..

«Энеида», III, 374–375 (Пророчество Гелена Энею)

Сын богини! *я знаю, что путь под счастливой звездой*

*Держишь по морю ты, – такие судьбы богов царь
Определил, и вращает их круг, и черед назначает...*

⁵⁻⁶ «Энеида», I, 544–545 (Троянцы перед Дидоной)

Царь над нами – Эней, *которого ни справедливей,
Ни благочестнее нет, ни выше в войне и сраженьях,*
Если его сохранила судьба, и воздух эфирный
Пьет он, и не сошел опочить к ужасающим теням, —
Страх в нас нет!..

⁷ «Энеида», IV, 94 (Юнона упрекает Венеру и Амура)

Да, завидную славу, большую добычу стяжали
Ты и твой сын: велика ваша честь и памятно дело,
Если одну двух богов погубили женщину козни!

«Энеида», XII, 168 (Встреча Энея с Латинцем и Турном)

Вот родитель Эней, зачинатель поросли римской,
Звездным сверкая щитом и небесным оружием, а рядом —
Отрок Асканий, *вторая надежда великого Рима...*

⁸ «Энеида», VIII, 500 (Гадатель зовет этрусков к союзу с Энеем)

...О, Меонии лучшая юность,
Древних воителей цвет, кого на врага подымает
Правая скорбь и заслуженный гнев, на Мезенция вспыхнув!
Род ваш великий нельзя никакому верить италийцу —
Нет, иноземных взыскайте вождей!..

«Энеида», I, 678 (Венера об Аскании, идущем в Карфаген)

В город сидонский идти по зову отца дорогого
Должен царственный сын, *предмет моей высшей заботы,*
Взяв дары, что в волнах и в троянских огнях уцелели...

⁹ «Энеида», XII, 348 (Битва троянцев с рутулами)

Мчится с другой стороны Евмед в середину сраженья,
Славный в искусстве войны Долон старинного отпрыск,
Именем – деду подобный, родителю – духом и дланью...

¹⁰ «Буколики», VI, 10 (Посвящение эклоги Вару)

Стал воспевать я царей и богов, но щипнул меня Кинфий
За ухо, проговорив: «Пастуху полагается, Титир,
Тучных пасти овец и петь негромкие песни!..»

Сельский теперь я напев на тонкой слагаю тростинке —
Не без приказа пою. Но, Вар, кто мое сочиненье
Будет с любовью читать, увидит: все наши рощи,
Верески все воспевают тебя!..

«Энеида», X, 111–112 (Юпитер не вмешивается в ход войны)

«Добрый ли рок италийцев – причина этой осады,
Злая ль ошибка троян, обманутых ложным вещаньем, —
Рутулам воли не дам. *Будь всякому труд и удача*
По начинанью его! Для всех одинаков Юпитер».

¹¹ «Энеида», I, 77 (Юнона велит Эолу поднять бурю)

Ей отвечает Эол: «Твоя, о царица, забота —
Ведать, что нужно тебе; *мой же долг – исполнять повеленья...*»

2. Свадебный пир

¹² Предождаемый день настал: для законного брака
¹³ Матери и мужи, юнцы пред родительским ликом
¹⁴ Входят и возлегают кругом на разостланный пурпур.
¹⁵ Слуги воды подают для рук, нагружают в корзины
¹⁶ Вскисшей Цереры дары с огня и жирной дичины
¹⁷ Жаркое мясо несут; бесконечной идут чередою
¹⁸ Птицы, породы скотов земнородных и быстрые козы, —
¹⁹ Все это есть: и бодливый козленок, и стадные овцы,
²⁰ И обитатели вод, и олень быстроногий, и серна
²¹ Перед глазами у всех, и в руках плоды в изобилье.
²² После, как голод утих и алканье подавлено снedyю,
²³ Винные чаши большие несут и потчуют Вакхом,
²⁴ Гимны поют и с топотом ног восклицают припевы... —

¹² «Энеида», V, 104 (День погребальных игр в честь Анхиса)

*Предождаемый день настал, и девятую в ясном
Свете стремили уже Зарю Фазтоновы кони...*

«Энеида», XI, 355 (Дранк просит Латина выдать дочь за Энея)

К этим дарам и словам, что во множестве ты Дарданидам
Повелеваешь послать, прибавь, о царь наилучший,

Дар в придачу один: ни пред чем не склони своей воли,
Воли отца отдать свою дочь *для законного брака*
Славному зятю и мир утвердить этим вечным союзом.

¹³ «Энеида», VI, 306 (В подземном царстве, на берегу Ахеронта)

Вся, разливаясь, толпа сюда к берегам устремлялась:
Матери и мужи, тела расставшихся с жизнью
Духом великих бойцов, безбрачные девы и дети
И с погребальных костров *юнцы пред родительским ликом...*

¹⁴ «Энеида», I, 700 (На пиру у Дидоны)

Вот и родитель Эней и троянские юноши вместе
Входят и возлегают кругом на разостланный пурпур,
Слуги воды подают для рук и Цереру в корзинах...

¹⁵ «Энеида», VIII, 180–181 (На пиру у Эвандра в честь Энея)

Юношей избранный цвет и жрецы приалтарные бычье
Жаркое мясо несут, вперевод *нагружают в корзины*
Вскисшей Цереры дары с огня и потчуют Вакхом...

¹⁶ «Энеида», I, 215 (Троянцы на ливийском берегу)

Пищей силы крепя, они на траве побережной
Старого Вакха спешат причаститься *и жирной дичины...*

¹⁷ «Энеида», VIII, 180 (На пиру у Эвандра)

Юношей избранный цвет и жрецы приалтарные бычье
Жаркое мясо несут, вперевод нагружают в корзины
Вскисшей Цереры дары с огня...

«Энеида», I, 641 (Изображения на сосудах Дидоны)

Груды серебра на столах, отчеканены ярко на злате
Славные предков дела, *бесконечной идут чередою*
Подвиги стольких мужей с начала древнего рода...

¹⁸ «Энеида», VIII, 27 (Ночь, когда Энею явился Тиберин)

Ночь легла, и по всей земле утомленные твари,
Птицы, породы скотов земнородных во сне позабылись...

«Георгики», II, 374 (Опасности для виноградников)

Лозам, кроме зимы непогожей и жгучего лета,

Вреден и буйвол лесной, и до лоз-то *и быстрые козы...*

¹⁹ «Георгики», II, 471 (Довольство жителей сел)

В поле мычанье коров, под деревьями сладкая дрема, —
Все это есть; там и рощи в горах, и логи со зверем...

«Георгики», IV, 10 (Место для пчельника)

Прежде всего выбирай хорошо защищенное место
Для обитания пчел: чтобы ветер им не был помехой
К улью лететь *и бодливый козленок и стадные овцы*
Скоком не смяли цветов...

²⁰ «Георгики», III, 243 (Любовь охватывает все живое)

Так-то всяческий род на земле, и люди, и звери,
И обитатели вод, и скотина, и пестрые птицы
В буйство впадают и в жар: вся тварь одинаково любит...

«Георгики», III, 539 (Болезнь устрашает всех животных)

...И олень быстроногий, и серна
Робкая бродят меж псов возле самых жилищ человека...

²¹ «Энеида», XI, 311 (Латин признается в неудачах войны с Энеем)

Прочих дел боевых каковы крушения ныне, —
Перед глазами у всех и в руках: убедись, кто не верит...

«Буколики», I, 80 (Титир приглашает Мелибея)

Все ж отдохнуть эту ночь ты можешь вместе со мною
Здесь, на зеленой листве, где есть *и плоды в изобилье*,
Свежие, жатый творог и спелая мякоть каштанов...

²² «Энеида», VIII, 184 (На пиру у Эвандра)

Жадно вкушает Эней с молодежью троянскою вместе
Длинный бычий хребет и утробу очистительной жертвы.
После, *как голод утих и алканье подавлено снедью*,
Молвил владыка Эвандр...

²³ «Энеида», I, 724 (На пиру у Дидоны)

После того как пир приутих и убраны яства,
Винные чаши большие несут и венки возлагают...

«Энеида», VIII, 181 (На пиру у Эвандра)

...Жаркое мясо несут, впереводкой нагружают в корзины
Вскипятой Цереры дары с огня *и потчуют Вакхом...*

²⁴ «Энеида», II, 239 (В Трою ввозят деревянного коня)

...Юноши вкруг и безбрачные девы
Гимны поют и рады рукой коснуться каната.

«Энеида», VI, 644 (Души блаженных в Элисейских полях)

На травянистых они упражняют члены палестрах,
То состязаясь в игре, то борясь на желтой арене,
Хоры ведут *и с топотом ног восклицают припевы...*

8. Дефлорация

¹⁰¹ «Энеида», XI, 631 (Битва троянцев с рутулами)

После того как сошлись в третий раз они в жарком сраженьи,
Все смешались ряды и рванулся на воина воин...

«Энеида», VI, 268 (Эней в подземном царстве)

Так незримые шли *одни они в сумраке ночи*
Через бесплотное царство, пустынную храмину Дита...

¹⁰² «Георгики», III, 267 (Любви подвластны все животные)

Так не ярится, однако, никто, как ярятся кобылы:
Пыл сама в них Венера влила, когда челюстями
Древних потнийских квадриг было пожрано Главково тело...

«Энеида», III, 240 (Борьба с гарпиями)

...Знак подает Мизен с высокого камня
Полою медью, друзья набегают *для нового боя*,
Чтоб омерзительных птиц морских искалечить железом...

¹⁰³ «Энеида», X, 892 (В бою убит конь Мезенция)

Он встает во весь рост, копытами вздыбившись в воздух,
Бьется, всадника сбив, и сам ему рушится следом,
Выбросил ногу вперед, и подмял, и ничком налегает...

«Энеида», IX, 398 (Нис приходит на помощь Евриалу)

Видит: пред ним Евриал, обманутый местом и мраком,
Шумом врагов застигнут врасплох, чужими руками
Схвачен, опутан, влеком, *против множества тщетных
попыток...*

¹⁰⁴ «Энеида», X, 699 (Мезенций в бою)

...Долихонова сына он Гебра
Наземь простер, Латага за ним и бегучего Пальма —
Бьет он Латага скалой, огромною горною глыбой,
Рот подминает и лик врага, а Пальму поджилки
Перерубает колен и бросает бессильного в корчах...

«Энеида», XII, 748 (Эней преследует Турна)

Тем не меньше Эней, хотя от удара стрелою
Медлят колени под ним, препятствуя быстрому бегу,
Мчит за трепещущим вслед, *на пяту наступает пятою...*

¹⁰⁵ «Энеида», VII, 362 (Амата не хочет выдавать дочь за Энея)

«Ты ли, отец, ни себя не жалеешь, ни дочери нашей,
Ни меня, наконец, из чьих материнских объятий,
Дальше коварный стремясь, с первым ветром умчит нашу деву?..»

«Энеида», VI, 406 (Сивилла показывает Харону золотую ветвь)

«Это троянский Эней, благочестьем и бранями славный,
Сходит к отцу своему в преисподние тени Эреба!
Если не тронешься ты столь зримой любовью сыновней —
Эту ветвь (и открыла *тот сук, что скрывался одеждой*)
Ныне признай!..»

¹⁰⁶ «Буколики», X, 27 (Боги сочувствуют влюбленному Галлу)

Пан, Аркадии бог, пришел, – мы видели сами, —
Красный, как сурик, как кровь бузиновых налившихся ягод, —
«Будет ли мера?» – спросил. Но Амуру нимало нет дела!

¹⁰⁷ «Энеида», XII, 312 (Неожиданное нарушение перемирия)

А благочестный Эней с безоружной простертой рукою
И с обнажившимся лбом заклинал своих ратников криком:
«Стойте! куда вы? Зачем вскипает нежданная распря?..»

«Энеида», VII, 66 (Знаменье царю Латину)

Пчелы тучей густой (о, даже рассказывать дивно!)
С шумом к лавру тому примчались сквозь воздух прозрачный,
Сели на самом верху, *сплетясь ногами с ногами*,
И неожиданным роем на ветке зеленой повисли...

¹⁰⁸ «Энеида», III, 658 (Рассказ об ослепленном киклопе)

Только он это сказал – над самую горной вершиной,
Видим, громадой возник и над овчим держится стадом
Сам пастух Полифем, направляясь к знакомому берегу, —
Чудище страшное это, большое, тупое, слепое...

¹⁰⁹ «Энеида», X, 788 (Эней пытается добить раненого Мезенция)

...Эней ободренный
Видит тирренскую кровь, рукою проворною меч свой
Он подымает от бедр и над трепетом, пылкий, возносит...

¹¹⁰ «Энеида», I, 159 (Эней пристает к ливийскому берегу)

Есть в укромных местах залива удобная пристань:
Остров ее заслонил, бока подставляя прибою, —
Волны дробятся о них и расходятся в легкие круги...

«Энеида», XI, 224 (Засада Турна против Энея)

Есть в долине крутой поворот, пригодный в сраженье,
Чтоб обмануть врага: где густою листвою дорогу
Черные склоны теснят, *где труден вход для входящих*,
Узок зев горловин и вьются недобрые тропы...

¹¹¹ «Энеида», VIII, 392 (Венера обнимает Вулкана)

...Знакомый по членам
Жар пробежал и в кости проник, разомлевшие дрожью:
Так иногда меж туч грозowych, разорванных громом,
Щель огневая, блеснув, опояшет сверканием небо...

«Энеида», VII, 84 (Царь Латин у оракула)

А озабоченный царь чудесами к оракулу Фавна,
Вещего старца-отца, поспешает на склоны лесные
Той Альбунейской горы, где священная в роще пространной
Влага звучит, *и душиным она испарением дышит*.

¹¹² «Энеида», VI, 563 (Эней у ворот Тартара)

Вещая жрица в ответ: «О вожь прославленный тевкров,
Чистому стать никому не дано на порочном пороге...»

¹¹³ «Энеида», VII, 568 (Долина Амписанкта – вход в преисподнюю)

*Полость ужасная там, и отдушины грозного Дита
Явлены, там Ахеронт, прорвав бездонную пропасть,
Зев в земле тлетворный разверз, там Эриния скрылась,
Гнусное всем божество, облепив и землю и небо.*

«Энеида», VI, 240–241 (Авернская пещера – вход в преисподнюю)

Мимо нее не могли никакие крылатые птицы
Путь безопасный держать – *такое из черного зева
Там дыханье летит, возносясь к небесному своду...*

¹¹⁴ «Энеида», VII, 480 (Фурия на охоте ссорит троянцев с латинами)

Ярость внезапную тут стигийская вдунула дева
В псов, знакомым лесным *тревожа запахом ноздри,*
Чтобы рванулись они, горя, за оленем. И это
Стало началом всех бед, поселян воспалило на битву.

¹¹⁵ «Энеида», XI, 530 (Турн становится в засаду)

*Юноша рвется туда, спеша по путям неизвестным,
И занимает притин, и таится в лесах вероломных...*

¹¹⁶ «Энеида», V, 858 (Бог Сна губит кормчего Палинура)

Только лишь первый покой расслабил нежданшему члены,
Вот он сверху налег, и с куском кормового настила,
И с кормовым веслом Палинура в прозрачные волны
Он низвергает, вотще зовущего ближних на помощь...

«Энеида», IX, 743 (Бой Турна с Пандаром)

Молвил. На это в ответ *узловатое, с толстой корою
Он, изо всех напрягшихся сил, копьё запускает, —*
Ветер отваял копьё, отвратила Сатурния рану...

¹¹⁸ «Энеида», XI, 804 (Смерть амазонки Камиллы)

...А она дуновенья не чувствует,
Звука не слышит, древка не видит, летящего в ветре,
В грудь нагую пока не вонзилось копьё, и глубоко
В тело проникло оно, упиваясь девической кровью...

¹¹⁹ «Энеида», II, 53 (Лаокоонт перед троянским конем)

«...Что там ни есть, я данайцев боюсь и дары приносящих!»
Так он сказал, и копьё огромное мощною мышцей
Чудищу в бок устремил, в скругленное скрепами чрево.
Встало оно, трепеща, впилося в потрясенные недра,
И задрожала утроба, и стоном наполнилась полость.

¹²⁰ «Энеида», XI, 816 (Смерть Камиллы)

Вытащить хочет копьё она, обмирая, но тщетно —
В самые ребра вошел железный конец в ее ране...

¹²¹ «Георгики», III, 442 (Болезни скота)

Овцы чесоткою злой больны, коль дождливая стужа
В плоть проникает до самых глубин, или страшной зимою
Снежный мороз; а еще – коль на стриженных пот остается,
С них не отмытый, иль куст ободрал им колючками кожу...

«Энеида», XI, 817 (Смерть Камиллы)

Вытащить хочет копьё она, обмирая, но тщетно —
В самые ребра вошел железный *конец в ее ране...*

¹²² «Энеида», IV, 690 (Умиряющая Дидона)

Трижды она поднялась на одре, опираясь на локоть, —
Трижды пала на одр; и, блуждая очами в высоком
Небе, света искала она, и стонала, увидев.

¹²³ «Энеида», X, 770 (Мезенций и Эней встречаются в бою)

Так Мезенций шагал в своем исполинском доспехе.
Издали взвидев его, Эней во вражеском строе
Выйти навстречу готов. *А тот остается, не дрогнув,*
Ждет могучего духом врага и недвижно громаден.

¹²⁴ «Георгики», III, 110 (Кони на скачках)

То пригнувшись к земле, то вскинув над нею копыта,
Словно по воздуху мчатся пустому, вздымаяся в вихре;
Не отдохнуть ни на миг: песок лишь вздымается желтый
Следом, и в спину им пеною дышат летящие сзади.

«Энеида», V, 852–853 (Палинур борется со Сном)

«...Я ли Энея (ужель?) вероломному ветру и небу
Вверю, столько уж раз обманутый мнимой тишью?»
Так говорит он в ответ; *налегая на брус путеводный,*
Не ослабляет он сил, а очи возводит к светилам...

¹²⁶ «Энеида», VI, 122 (Эней молит сивиллу допустить его в Аид)

«...Разве не вызвал отселе Орфей жены своей душу,
Вверясь фракийской кифаре своей и струне сладкозвонной,
Разве не выкупил брата Поллукс, по смертной дороге
Снова и снова верша свой путь? Поминать ли Тесея
Или Алкида? Мой род ведь и я возвожу к Громовержцу!..»

«Энеида», II, 52 (Лаокоонт мечет копьё в деревянного коня)

Встало оно, трепеща, впилося *в потрясенные недра,*
И задрожала утроба, и стоном наполнилась полость.

¹²⁷ «Энеида», XII, 276 (Битва троянцев с рутулами)

Дрот попадает из них в одного в середине, где шитый
Пояс сжимает живот и края кусает застежка;
Юношу дивной красоты, сиявшего в блеске оружий,
Он поражает насквозь и на желтый песок простирает...

«Энеида», VI, 647 (Орфей в Элисейских полях)

Здесь и фракиец, служитель святынь, в одеянии длинном,
Мерным стопам плясунов семизвучными вторит струнами,
То в них перстами, а то *ударяя зубом слоновым...*

¹²⁸ «Энеида», V, 327 (Состязание в беге)

И на последнем уже перегоне, усталые, к самой
Цели они подошли, – как Нис, поскользнувшись на каплях
Крови, упал, злополучный, в том месте, где тельчие жертвы,
Почву кругом оросив, на зеленые брызнули травы...

¹²⁹ «Энеида», V, 199–200 (Состязание в гребле)

...Изо всех они сил соревнуя,
К веслам припали; дрожит медь кормы от широких ударов,
Море навстречу бежит, *дыхание частое зыблет*
Члены, сохнут уста, пот по лицам стекает ручьями...

¹³¹ «Энеида», XI, 818 (Смерть Камиллы)

Вытащить хочет копьё она, обмирая, но тщетно —

В самые ребра вошел железный конец в ее ране.
Никнет тело, скользит, и гаснут застывшие в смерти
Взоры ее, и с ланит уходит пурпурный румянец.

«Георгики», III, 381 (Приворотное зелье – гиппоман)

Тут-то у кобылиц та *слизь истекает из паха*,
Коей названье дано «гиппоман – кобылье безумье»:
Тот гиппоман, за которым на пастбища мачехи злые
Ходят, собирая, и трав добавляют, и слов наговорных...

СПИСОК ПЕРВЫХ ПУБЛИКАЦИЙ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ПЕРЕВОДОВ, ВКЛЮЧЕННЫХ В КНИГУ

Пиндар. 1-я Пифийская ода («Этна»); *Пиндар*. Олимпийские песни VII–XIV. Пифийские песни I–III / Пер. и комм. М. Л. Гаспарова // Вестник древней истории. 1973. № 3. С. 257–261.

Мильтон Дж. Ликид / Пер. с английского и вступит. статья М. Л. Гаспарова // Ной. 1993. № 7. С. 201–207.

Томпсон Фр. Небесные гончие: Вопреки размеру подлинника: Мильтон, Донн, Томпсон // Альманах переводчика / Отв. ред. М. Л. Гаспаров. М., 2001. С. 201–221.

Начало «Пуники» Силия Италика: переводческий эксперимент // *Scripta Gregoriana*: сборник в честь 70-летия академика Г. М. Бонгард-Левина / Отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: «Восточная литература», 2003. С. 197–204.

Ариосто Л. Неистовый Роланд / Пер. свободным стихом М. Л. Гаспарова. Т. 1. М., 1993. С. 44–47.

Сефферис Й. Три тайные поэмы / Пер. с новогреческого Е. И. Светличной и М. Л. Гаспарова. Вступление М. Л. Гаспарова // Иностранная литература. 1996. № 7. С. 50–60.

Еврипид. Электра / Пер. и предисл. М. Л. Гаспарова // Литературная учеба. 1994. № 2. С. 161–190.

Донн Дж. Священные сонеты / Пер. М. Л. Гаспарова // Ной. 1994. № 10. С. 150–160.

Гнедич Н. Осень; *Гаспаров М. Л.* Записи и выписки. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 192; *Батюшков К.* Мечта; *Козлов И.* Жизнь; *Жуковский В.* Дружба; *Пушкин А.* Любовь; *Милонов М.* Уныние; *Тепляков В.* Руины; *Гаспаров М. Л.* Переводы с русского // Арион. 2003. № 1. С. 56–62.

Ренье А. де. Сбор; Песенка 10; Песенка 2; Часы; Былое; Незримое присутствие; Ключ; «Моя песня...»; *Гаспаров М. Л.* Конспективные переводы. Из Анри де Ренье // Арион. 1994. № 1. С. 78–82.

Верхарн Э. Перевозчик; Столяр; Канатчик; Могильщик; *Гаспаров М. Л.* Верлибр и конспективная лирика // Новое литературное обозрение. 1994. № 6. С. 25–33; Труп; Рыбаки; Звонарь; Лопата; Заводы; Биржа; Порт; Бунт; Святой Георгий; *Гаспаров М. Л.* Записи и выписки. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 190; 194–202.

Гейм Г. Крестный ход; Вечер; Зима; Слепые женщины; Офелия II; Госпиталь II; Адская вечеря II; *Гейм Г.* Стихотворения / Пер. с немецкого М. Л. Гаспарова // Иностранная литература. 1989. № 2. С. 179–192; На севере. Госпиталь I. Адская вечеря I; *Гейм Г.* Вечный день; *Umbra vitae*; Небесная трагедия / Пер. с немецкого М. Л. Гаспарова; изд. подгот. М. Л. Гаспаров, А. В. Маркин, Н. С. Павлова. М., 2003.

Мореас Ж. Стансы; *Гаспаров М. Л.* Записи и выписки. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 209–212.

Фор П. Колыбельная с игрушками; Царица в море; Киты; Смерть пришла; Морское прощание; Морская любовь; Поэзия французского символизма. Лотреамон. Песни Мальдорора / Сост. Г. К. Косиков. М., 1993. С. 238–242; Проза в вечернем свете; Король Клавдий; Гамлет; Фортинбрас; Лондонская башня; Шарль Орлеанский в Лондонской башне; Горе; *Гаспаров М. Л.* Записи и выписки. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 212; 215–219.

Паунд Э. Оммаж Сексту Проперцию / Пер. М. Л. Гаспарова // Место печати. 1992. № 3. С. 139–155.

Кавафис К. Фермопилы; Эсхил; Антоний; Феодот; Цезарь; Предстоящее; *Гаспаров М. Л.* Верлибр и конспективная лирика // Новое литературное обозрение. 1994. № 6. С. 25–33;

Измена; Троя; Итака; Демарат; Артаксеркс; Лакедемоняне; Деметрий; Филэллин; Герод Аттик; Безымянный; Александрия; Юлиан; Юлиан, посвящаемый в таинства; Симеон; Посидония; В ожидании варваров: Из Константина Кавафиса / Пер. М. Л. Гаспарова // Комментарии. 1998. № 11. С. 14–22.

Ван Лерберг Ш. «Вечер. Тени...»: *Гаспаров М. Л.* Записи и выписки. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 366.

Кан Г. «Он пришел такой бледный, бледный...»; «Осенние вечера, испуганные леса...»: Поэзия французского символизма. Лотреамон. Песни Мальдорора / Сост. Г. К. Косиков. М., 1993. С. 159–160.

Рильке Р. О фонтанах / Пер. М. Л. Гаспарова // Иностранная литература. 1990. № 7. С. 193.

Йейтс У. Б. Плавание в Византию; Византия; Две песни из пьесы «Воскресение» / Пер. и вступит. статья М. Л. Гаспарова // Иностранная литература. 1990. № 9. С. 190–191.

Киплинг Р. Руны на Виландовом мече: *Киплинг Р.* Рассказы. Стихотворения. Пер. с английского. М., 1989. С. 328–329.

Оден У. Х. Вольтер в Фернее: *Гаспаров М. Л.* Записи и выписки. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 383–384.

Домин Х. Марионетка; «Срежь себе веки...»: Из современной поэзии ФРГ. Пер. с немецкого. Вып. 2. М., 1988. С. 70, 74.

Майстер Э. Положись на себя; Заячья зима: Вести дождя. Стихи поэтов ФРГ и Западного Берлина. Пер. с немецкого. М., 1987. С. 184–185.

Басни: Классическая басня / Сост., подгот. текста, примеч. М. Л. Гаспарова, И. Ю. Подгаецкой. М., 1981. С. 108–176.

«Кверол»: Памятники поздней античной поэзии и прозы II–V вв. М., 1964. С. 202–220 (прозой); Поздняя латинская поэзия / Сост. и вступит. статья М. Л. Гаспарова. М., 1982. С. 305–370 (стихами, в настоящем издании также см.: т. 2, с. 799–841).

Хаусмен А. Э. Отрывок из греческой трагедии / Пер. с английского и вступит. статья М. Л. Гаспарова // Язык, поэтика, перевод. М., 1996. С. 37–45.

Авсоний. Молитва ропалическая; Послание двуязычное; Свадебный центон: Поздняя латинская поэзия / Пер. с латинского и сост. М. Л. Гаспаров. М., 1982. С. 132–145, 156–158.

АНТИЧНОСТЬ

ПАРМЕНИД ⁵⁸

ИЗ ПОЭМЫ «О ПРИРОДЕ»

Вступление

1

Те кобылицы, что носят меня, куда дух пожелает,
Были со мной и меня увлекали на путь многовещий
Той Богини, что всюду ведет приобщенного к знанью.
Мчался я этим путем, искушенные лошади в беге
Крепко держали ярмо, а девы казали дорогу.
Ось, накаляясь в ступице, свистела, подобно свирели,
Ибо стремили ее, вихревым вращаясь вращеньем,
Два колеса с двух сторон, а дочери светлого Солнца,
Бросивши за собой чертоги сумрачной Ночи,

¹⁰ К свету меня торопили, откинув с голов покрывала.

Там восстали Врата меж стезею ночной и дневною —
Притолока в выси и порог из твердого камня,
А между ними эфирный проем и огромные створы;
Держит от них двойные ключи казнящая Правда,
К ней-то ласкательно речь обратили сопутные девы
И умолили искусной мольбой поспешить перед ними
Сдвинуть с ворот железный засов. Зазияло безмерным
Зевом разъятие створ, повернулись медные стержни
В гнездах, один за другим, утвержденные справа и слева

²⁰ Скрепами и острием; и меж них на широкий и торный
Девы направили путь моих лошадей с колесницей.

И благосклонно Богиня меня приняла, и рукою
Правую руку взяла, и вещала ко мне, и сказала:
«Юноша, спутник бессмертных возниц, под чьею охраной
Лошади эти тебя домчали до наших чертогов,
Радуйся! ибо не злая судьбина тебе указала
Странствовать этим путем, столь дальним от троп человеческих,
А указали Правда и Суд. Познай же как должно
И кругловидную Истину с сердцем незыбким, и вместе —

⁵⁸ Текст дается по изданию: *Парменид*. Из поэмы «О природе» / Пер. М. Л. Гаспарова // Тит Лукреций Кар. О природе вещей. М.: Художественная литература, 1983. С. 269–274.

³⁰ Мнения смертного люда, которым нет истинной веры;
Нужно, однако, и то изучить, как мнимости эти,
Все проникая насквозь, убедительны виделись людям.

2

Слово тебе изреку – склони же внимание слуха! —
Слово о том, какие пути предлежат разысканью.
Первый тебе указывает: «Есть!» и «Не-быть – невозможно!»
Это – путь Убежденья, оно же вслед Истине правит.
Путь же второй указывает: «Не есть!», «Не-быть – непременно!»
Этот путь – так я говорю – уводит в незнание,
Ибо тебе ни уведать того, что не есть, невозможно,
Ни об этом сказать.

Мир истины

3

...мыслить и быть – не одно ли и то же?

4

Взглянь на то, что не рядом, но что на уме неотрывно, —
Ибо уму не рассечь сопричастности Бытного с Бытным,
Ни рассеяв его целиком во всяком порядке,
Ни воедино собрав.

5

...одно мне и то же —
Здесь начать или там: все равно ворочусь я обратно.

6

Быть тому, чтоб сказать и помыслить Бытное. Ибо

Есть лишь «Быть», а Ничто – не есть: раздумай об этом!
Ибо я возбраняю тебе первый путь разыскания,
Но возбраняю и тот, по которому бродят невежды,
Люди о двух головах, в чьем сердце беспомощность правит
Праздно бредущим умом. Глухие они и слепые
Мечутся, ошеломясь, неспособное племя к суждению,
Те, кому быть и не быть – одно и то же и вместе
Не одно и то же: всему у них путь есть попятный.

7

Ибо ничем нельзя убедить, что Не-бытное может
Быть. Воздержи свою мысль от этой дороги исканий:
Пусть тебя на нее не толкнет бывалая свычность,
Чтобы лелеять невидящий глаз, полнозвонное ухо,
Праздный язык. Будь лишь разум судьей многоспорному слову,
Произреченному мной!

8

На этом пути остается
Только то, что Есть. На этом пути перед нами
Много примет у него: оно нерожденно, бессмертно,
Цельно, однородно, недвижно, полнопредельно,
Не было и не будет, но есть, но ныне, но вкупе,
Слитно, едино.

Какое ему ты приищешь начало?
Как и откуда ему возрасти? Из Небытного Бытным
Я не дозволю его ни сказать, ни подумать: ни сказа
Нет, ни думы о том, что не есть. И какая потреба
¹⁰ Из ничего повелит ему стать – иль раньше, иль позже?
Нет: или только быть, или только не быть ему должно.
Точно так же из Бытного стать чему-то иному
Мощь Убежденья не даст. Оттого-то в крепчайших оковах
Держит Правда ее, ни в рожденье, ни в смерть не пуская.
Стало быть, нам осталось одно измыслить решение:
Есть иль не Есть? Но нами уже решено неизбежно
Бросить неистинный путь, недоступный ни думе, ни сказу,
И на другой восступить путь, сущий и истинно сущий.
Как же Бытному в будущем стать? Как в прошлом начаться?

²⁰ То, что было, – не есть; не есть и то, что в грядущем.
Вот и погасло Рожденье, и стала неслышима Гибель.

Далее, всё подобно себе, потому – неделимо:
Нет нигде ничего ни больше, ни меньше, – слиянность

Не нарушима ничем. Всё единым исполнено Бытным,
Всё слиянно, что есть, Бытным к Бытному плотно прикинув.

Так в пределах великих оков существует недвижно
То, чему нет ни конца, ни начала: и Смерть и Рожденье
Изгнаны, их отвела достоверная Истины сила.
Так, само в себе и само по себе пребывает

³⁰ Бытное там, где оно неизменно лежит. Неизбежность
Мощная держит его, сжав кругом, в оковах предела,
Ибо тому, что Есть, неместна незавершенность.
С ней бы оно нуждалось во всем, а оно есть безнуждно.

Мысль и цель этой мысли – одно: ведь ты не приищешь
Мысли без Бытности той, которая в ней изречется.
Ибо нет ничего и не будет на свете иного,
Кроме Бытного, кроме того, что Мойра в оковах
Держит недвижным и цельным. А все остальное – лишь имя,
Все, что смертные в вере своей как истину ставят,

⁴⁰ Все, что есть и не есть, рождается и погибает,
Место меняет свое и меняет яркие краски.

Так как оно – последний предел, то оно завершено
Сразу со всех сторон, как тело круглого шара,
Вкруг середины всегда равновесного, ибо не нужно
Быть ему ни с какой стороны ни больше, ни меньше.
Ибо Небытного нет, чтоб сдержать его в этом стремленьи,
Так же, как Бытного нет, чтобы сделалось больше или меньше.
Бытное там или здесь: оно везде нерушимо,
Всюду равно себе, едино в сужденном пределе.

Мир мнения: состав мироздания

⁵⁰ Здесь пресекаю свое к тебе достоверное слово
Думы об Истине. Ныне узнай же и мненья людские,
Внемля обманчивый склад моей украшенной речи.

Смертные в мыслях своих положили считать два обличья —
В этом их заблужденье: одно из них вовсе не нужно.
Каждое каждому рознь, и особый у каждого признак,
По рассуждению их: там – эфирное тонкое пламя,
Самый легкий огонь, сам себе повсеместно подобный
И не подобный иному; ему же во всем супротивна
Темная Ночь, тяжка и густа по телесному виду.
Я расскажу тебе все, чем мнится такой распорядок,
Чтобы из смертных никто не умел обогнать тебя думой.

Если, однако же, все именуется Светом и Ночью,
И по значению их – как те, так и эти предметы, —
Стало быть, все полно и Светом, и Ночью незрячей,
Тот и та наравне, никто ни при чем не остался.

10

Будешь знать естество эфира, все знаки в эфире,
Будешь знать, как светоч чистейший блестящего солнца
В небе незримость творит и откуда она возникает,
Знать, в чем труд скитальческих троп кругловодной Селены,
В чем ее естество; познаешь, откуда явилось
Небо, объявшее всё, и как нудит его Неизбежность
Звездный держать предел...

11

...как земля, и солнце, и месяц,
И соприсуший эфир, и небесное млеко, и оный
Крайний Олимп, и ярые звезды в горячей их силе
Ринулись, чтобы возникнуть.

11a (14)

Свет заемный, скиталец ночной, обходящий всю землю...

116 (15)

...и вечно вперяясь в сияние Солнца...

Мир Мнения: состав человека

12

Более узкий круг огнем несмешанным полон;
В тех, что далее, – Ночь, там доля пламени меньше;

А в середине кругов – Богиня, которая правит
Всем: от нее – начало слияний, мучительных родов,
Это она посылает смешаться мужнее с женским,
Женское с мужним.

13

Первым среди богов измыслила бога Эрота.

16

Ибо когда каково смешенье в изменчивых членах,
Точно таков и ум предстает в человеке изменчив:
Членов людских естество и то, что мыслит, – едино
В каждом и во всех, ибо мысль – это то, чего больше.

17

...справа мальчиков, девочек слева.

18

Женщина с мужем когда мешает Венерино семя,
То если разная кровь соблюдает в смешении меру,
Сила ее, творя, порождает складное тело;
Если же, семя смешав, в нем силы враждуют и спорят
И не сливают себя воедино в смешанном теле,
То народившийся пол двояким семенем страждет.

19

Так, по мненьям людским, и рождается это, и длится
Ныне, и будет возрастать, и встретит урочную гибель.
Каждой из этих вещей люди дали отдельное имя.

АРИСТОФАН⁵⁹

ФРАГМЕНТЫ

Общественно-политическая тематика; война и мир

Вавилоняне

1 (71)

Впрямь это люд самосский, многобуквенный!

2 (76)

Построясь в три щита, равняйте линию!

3 (73)

Свидетель Зевс, прекрасно наше юношество!

4 (67)

Смотри-ка, ишь ты, как поразевали рты!
Ни дать ни взять, как ракушки на угольях.

5 (74)

Мутит там кто-то против нас отчаянно.

6 (75)

...В суде за оправдание
С меня спросили две братины...

7 (68)

... Надобно
Две сотни драхм.
– Откуда?
– Принеси котел.

8 (69)

А сколько здесь стропил над главной комнатой!

9 (70)

Как славно крыта крыша черепицею!

⁵⁹ Текст дается по изданию: *Аристофан. Комедии. Фрагменты* / Пер. Адр. Пиотровского; изд. подгот. В. Н. Ярхо; отв. ред. М. Л. Гаспаров. М.: Ладомир; Наука, 2000. С. 845–885. Цифра в скобках – номер фрагмента по изданию: *Poetae comici Graeci* / Ed. R. Kassel, C. Austin. Vol. III, 2. *Aristophanes. Testimonia et fragmenta*. Berolini; Novi Eboraci, 1984.

10 (76)

Взбирайся средней тропкой к Переносице.

11 (77)

...Кивает, чтоб бежал домой.

12 (78)

...в пух и прах.

13 (79)

...боятся тени собственной.

14 (80)

... по стрежню прямо к пристани.

15 (81)

И, выстроясь, по-варварски вопят, галдят, бормочут.

16 (82)

Боевой моряк хватает канат и вплавь с канатом на берег...

17 (84)

А не то с Писандром за верную мзду вам устроят войну и походы.

18 (83)

Или кто-то зарежет пару быков, чтобы их потрохов поотведать.

19 (85, 86)

...выгребай из пучины...

Как выгребает корабль, направляемый опытным кормчим.

Земледельцы

20 (102)

– Пахать хочу!

– А кто тебе препятствует?

– Вы сами! Драхм я отсчитаю тысячу,
Коль снимете с меня правленья тяготы.

– Идет! А вместе с Никиевой взяткою
Две тысячи их будет...

21 (103)

– Скажи, что всех нужней на пользу городу?
– Нужней всего мне быть при мехе кожаном!

22 (101)

– И, выступая, пели перед судьями?

– Ей-ей! Да вот тебе тому свидетельство:
Ведь и сейчас, когда защита слабая,
То судьи-старика кричат защитнику:
«Чего распелся?»...

23 (104)
Чего ты, парень, к этой дряни тянешься?

24 (105)
Какой-то малый жарит хлеб на вертеле.

25 (107)
Скажи: «А оплошаю – провалиться мне!»

26 (108)
Лажетов ли, Мегаклов или Ламахов...

27 (109)
Скорей в деревню из Афин! Давно уж мы забыли,
Что значит вымыться за грош и отдохнуть на воле.

28 (110)
Я выращиваю смоквы, только не лаконские,
Потому что их порода очень деспотичная —
Оттого они и малы, что к народу злобственны.

29 (111)
О мир, исполненный щедрот, о пахота с волами!
Скорей бы кончилась война, скорей бы стало можно
Переодеться, вымыться и, отложив лопату,
Хлебать вино и кушать хлеб, закусывая редькой.

30 (112)
Аттика Кекропова, цветущая страна!
Славьтесь, нивы тучные, питалище земли!

31 (113)
И повысадим платаны вокруг базарных площадей!

Грузовые суда

32 (415)
Лаконец, помнишь, каково мы путались
В делах, как в шерсти грязной и нечищенной?

33 (420)
Эй, Спарта, кто сейчас тебе покорствует?

34 (417)

Шел по дрова и вот дошел до места я...

35 (418)

Готовы копыя: струганы и точены...

36 (421)

До кончиков ногтей я все разведаю...

37 (422)

Стратон, [Клисфен] и прочие безусые...

38 (419)

Сварил на днях я кашу для товарищей...

39 (425)

...Меня морские ежики
На части рубят, жрут и гложут косточки.

40 (416)

А он себе седую чешет бороду,
Вычесывая перхоть...

41 (424)

Есть в суде такой защитник – скверный, вроде лучника:
Как Евафл меж молодыми, [так и он меж старыми].

42 (428)

Зерна, плевел, стручья, каша, и мука, и хрящики...

43 (429)

Хлеб для тех, кто шли когда-то в битву Марафонскую...

44 (430)

Сельдь, тунцы, краснобородки, колии и скумбрии...

45 (427)

Большая корзина, большой мешок, каким тормошат лентяев...

46 (426)

Несчастен, кто, как на кухне сельдь, в соленую брошен воду...

47 (431)

...кувшины, горшки, моссинийские блюда для теста...

48 (423)

...воды соленой выпив.

Времена года

49 (578)

Сабазий-флейтщик из Великой Фригии...

50 (577)

А нам бы впору убежать в Тесеев храм
И ждать продажи новому хозяину.

51 (579)

Порушил нашу клятву...

52 (581)

– Здесь даже посреди зимы висят плоды и грозди,
Фиалки тянутся в венки.

– И пыль в глаза, как летом.

– На рынке разом напоказ маслины, соты, груши,
Пчелиное молозиво, дрозды, акриды, потрох,
И с миртами, и с фигами, да в снежную погоду.

– А между ними чистотел и тыквы рядом с репой:
Глядишь – и сам не разберешь, какое время года.

– Так чем тебе нехорошо, что целый год имеешь
Все что угодно под рукой?

– Не выдумаешь хуже!

Когда все есть, то никому не хочется работать:
Полезней людям те дары, какие ненадолго.

– На срок мои подарки – всем, а навсегда – Афинам:
Благоговением к богам они их заслужили.

– О, да! уж набожности в них, известно, выше горла:
Ей-ей, из города Афин ты сделала Египет.

Мир 2-й

53 (305)

– О Мир, желанный в роде человеческом,
Я дочь твоя, сестра твоя, кормилица,
Подруга, и товарка, и содейственница.

– Но кто же ты?

– Мне имя – Земледелие.

54 (306)

Пусть щит покрывкой станет для колодезя!

55 (307)

Чья это поросль, чья порода, чей росток?

56 (308)

Если афинян хвалить, они вздуются мехом бездонным.

Герои

57 (322)

И еще, о люди, вовек
Воздавайте героям честь,
Ибо это от нас для всех
По делам и благо и зло;
Это мы глядим, кто нечист,
Кто злодей, кто плут, а кто вор,
И за это – каждому хворь:
Кому кашель, кому понос,
Кому опухоль, кому зуд,
Лихорадка, лишай, прострел,
Одуренье, подагра, сыпь, —
Такова от нас казнь вора!

58 (311)

– Я разве не сказал? Он – не из Аргоса.
– Да и не из Эллады, как мне кажется.

59 (310)

Возьми бочонок, и кувшин, и кружечку,
Беги на винный рынок, встань носильщиком,
И кто наймет, за тем и торопись с вином.

60 (312)

Ни четырех оболлов, ни поклажи нет!

61 (313, 314)

В широком деревянном он ошейнике...
И не разъешься в таком ошейнике!..

62 (315)

Возьми-ка бубен, приударь-ка с силою...

63 (318)

Герои приближаются!..

64 (320)

И вкушать того не думай, что упало со стола...

65 (319)

В чем руки-ноги вымыли, то за порог не выплесни...

66 (321)

...из застолья Диитрефова.

Трифал

67 (556)

Когда сюда являются ионяне,

То кланчат и канючат и занудствуют:

Один: «Продай раба на нашем Хиосе!»

Другой: «В Эфесе!» Третий: «Нет, в Абидосе!»

Четвертый: «В Клазоменах!» Всё «продай, продай»...

68 (558)

А что там за бездельник, у которого

От пояса до колен – сплошная задница?

69 (557)

Потом пошел на рынок за провизией

С своей сумою, сумкою и сумочкой.

70 (559)

Завел я, говоришь ты мне, персидский шлык?

71 (562)

Рожать пора: держите!..

72 (560)

И этих девок по дешевке требую.

73 (561)

Все три флакончика в одной корзиночке.

74 (563)

Боюсь я трех придумок Фераменовых.

75 (564)

Я давно уж иберийцев знаю Аристарховых...

Вы мне дали иберийцев – пусть бегут они помочь...

Острова

76 (402)

Глупец, глупец! Не все ли наше счастье —

В том, чтобы тихо жить в своем поместьице,

Отсторонясь от суетного города,
На двух волах вести свой плуг по пажити,
Вдали внимая бляющую овечьему,
Вблизи – журчанью сока под точилами,
Стрелять к обеду и дроздов и чижиков,
А не толкаться по базару в поисках
Задорожавшей рыбы третьегодняшной,
Рыботорговца грязным пальцем щупанной.

77 (405)

Ломоть, похлебка, фиги, сельдь соленая...

78 (406)

Тот виноградом занят, тот маслинами...

79 (403)

– Что говоришь ты? Где они?
– А вот уж и вступают вереницею!

80 (404)

...И как маленький,
Затянешь: «Выглянь, солнышко, в окошечко!»

81 (407)

Сегодня Посидон не поселенец здесь...

82 (408)

Давить маслины...
– Давить или солить их – дело разное.
Уж давленные лучше, чем соленые.

83 (409)

Я оставляю за спиной Панетия-маргышку...

84 (410)

Идет и вокруг глядит свысока заоблачными очами...

Социальная утопия

Любители жареного

85 (504)

Плутон зовется в честь богатства – Плутоса,
А значит, он богат. Теперь подумай-ка:
Его удел намного лучше Зевсова!
Наладь весы – увидишь: чаша полная

Потянет вниз, пустая – к небесам взлетит.
...Зачем венками украшать покойников
И умащать тела их благовоньями,
Как не с того, что ждет внизу подземный пир?
За это и слывут они блаженными —
Всяк скажет: «Вот блаженства и сподобился:
Счастливец, ни о чем уж не тревожится».
Недаром, как богам, мы им надгробные
Приносим приношенья с возлияньями
И молим: «Воспошлите нам хорошее!»

86 (508)

Надень венок: ты стар, пора на кладбище!

87 (506)

С ума его свела какая-то книжечка,
Иль Продик, иль еще какой болтун из них.

88 (505)

Что будем делать? Облечемся в белое,
Затянем хор, как водится на Истмиях,
И станем славить нашего хозяина.

89 (507)

– Богаче ль пьют в Фессалии иль в Лидии?
– В Фессалии гораздо тароватее.

90 (509)

Ну, налегайте: с вами не отстану я!

91 (511)

Твой брат не получил того, что должен был.

92 (510)

Дрожать, как окунь, выкинутый на берег...

93 (513)

Мы славно, братцы, выпили и славно закусили...

94 (522)

Возьмите каждый по колобу...

95 (514)

Похлебка в тарелках жарка, горяча и вся кипит пузырями...

96 (515)

Геката подземная,
Клубящая змеями...
– Зачем призываешь Эмпусу?

97 (516)

Эй, мальчик, подай воды для рук
Да не забудь полотенце!

98 (517)

...А торговец съестным
Не спешит с хорошим кусочком.

99 (518)

Он развязал поросячий пузырь
И персидские вынул монеты.

100 (519)

Сюда бы не убежали мы...

101 (520)

Довольно анчоусов!
Устал я от жирного!

Несите печень перепела,
Загривок от козленочка,
Да язычок, да легкое,
Брюшину, селезеночку,
Подсвинка осеннего выводка
С горячим пирогом!

102 (521)

Ни одного фалерского анчоуса...

Богатство 1-е

103 (459)

Кто в состязанье с факелом замешкает,
Того тузить нещадно!

104 (458)

Чтоб от твоей беды тебе избавиться!

Против софистического воспитания

Пирующие

105 (205)

– У, старый гроб, намазанный, украшенный!..
– Как «старый гроб»? За Лисистратом тянешься?
– Ужо тебя подтяпнет время смертное!
– «Подтяпнет» – тоже сказано по-модному.
– Вот и запомни наше словодействие!
– Алкивиаду б это словодействие!
– Чего ты взъелся? Видишь: мы стараемся
Быть пуще всех прекрасными и добрыми.
– О Фрасимах! Какой тут чудодействует
Из краснобаев?

106 (206)

– Уж я ль не все твои софизмы выучил?
– И ты ль потом не смылся из училища?

107 (207)

Взмочу я эту рыбину соленую
За все проказы, что за нею водятся...

108 (212)

...Коль пятой части не сберет?
– Поплачется!

109 (211)

На радостях пирог пришлю вам к ужину.

110 (208)

Заварит кашу, бросит муху в варево
Да мне и поднесет.

111 (219)

Ты что, щенка купил богине белого,
Царице раздорожий?..

112 (210)

...Из кувшинчика
Отведать масла хочешь ты без ложечки?

113 (213)

Какого тебе надо умощения?

114 (214)

И ни скребка и ни горшочка с мазями...

115 (215)

...и нет разменной мелочи.

116 (221)

Когда бежишь, играть на лире некогда.

117 (231)

Увидел чашу винную и миртовые ветви...

118 (216)

А уж судья бредет к дверям судилища.

119 (217)

Эгея с Эреxfеем позовите мне!

120 (218)

Погиб я! Видно, зайца я ощипывал.

121 (219)

Тащи вина, да только чтоб не скисшего!

122 (220)

Не что иное, как сосудец с носиком...

123 (225)

Послал его в учение, а он и научился
По-сиракузски есть и пить, по-пьяному горланить,
Хлепать хиосское вино из кружек из лаконских
И во хмелю, как сибарит, быть милым и любезным.

124 (226)

Законы грудями несут, и кучами – указы.

125 (229)

С кудрями золотистыми, и гладкий, как минога...

126 (228)

Клевещут, сикофантствуют, грозят и вымогают...

127 (611. 230)

А если надо тратиться – то так, как наши предки:
На то, чтоб строить корабли и городские стены.

128 (232)

Я на флейтах да на лирах выдохся, играючи,
А ты мне суешь лопату?..

129 (227)

Прибор тот, по которому следят они в Колоне
Небесные явления и всякое такое...

130 (233)

– Гомеровы мне слова объясни: скажи, что такое «навершья»?
...что такое «праздные чела»?

– Хорошо, а зато пусть скажет мой брат, кто такой «самовидец»
и «послух»

...и что значит «поять во супруги»?

131 (234)

И как Гекуба кричит «ой-ой-ой» и жжет соломенный факел...

132 (235)

А теперь пропой застольную песнь: Алкея, Анакреонта...

133 (236)

И нежных подвинков окорока, и все крылатые снеди...

134 (237)

...А я поплыву в Корабельный суд оспорить твое гражданство.

135 (222)

Каков мужчина! Прикажи немедленно...

136 (224)

Большой котел подтибрить...

137 (238)

О безумство, о бесстыдство...

138 (239)

...латать решето...

139 (223)

...края плаща подровнявши...

Облака 2-е

140 (392)

Для Еврипида пишет он трагедии,
В которых столько болтовни и мудрости...

141 (393)

Слюбались, как комарик с комариною...

142 (394)

А они, осерчав, унесли на Парнеф и клубятся вокруг
Ликабетта...

143 (395)

Венком не увенчаю пьяной кружечки...

Мифологическая пародия – литературная критика

Драмы, или Кентавр

144 (278)

Коль в чем обидел – расплачуся полностью
По первому слову твоего заступника!

145 (279)

Ворота настезь: сам выходит из дому!

146 (280)

В горшок смоленный пусть тогда помочится.

147 (282)

Толку, мелю, трясу, цежу, леплю, пеку...

148 (284)

Идет на пир незван: дорога скатертью!

149 (283)

Где Киллова Сума, стоит блудилище...

150 (285)

На радость и соседям и кабатчикам...

151 (281)

...выбив днище...

152 (299)

Надеюсь я, что ноги доволочишь ты
И что соседи не воскликнут: «Старая!»

153 (300)

Сломал косяк, дверь своротил, как челюсти...

154 (301)

Все за столом и пьют большими чашами...

155 (302)

Буду слезы лить, злополучная,
По судьбе твоей.

Пробное состязание

156 (478)

Я с потрохами съел своих детенышей —
Как есть теперь свинину и говядину?

157 (477)

Ой, горе мне! Желудок мой расстроился!
Горшок, горшок мне! Пропади все пропадом!

158 (479)

Увидел летом друга захворавшего —
И съел, чтоб сам свалиться, фиг полуденных!

159 (480)

Пора бы мне пойти позвать хозяина —
Я думаю, они уж отобедали.

160 (481)

Купил зерна три меры он без мерочки,
А посчитал – и двадцать получилось.

161 (482)

Ну что же, прикажи – пусть чаши вынесут!

162 (483)

Крепка [да будет] чаша свежей юности.

Данаиды

163 (256)

Зевес, хранитель очага домашнего,
Алтарные горшки зову в свидетели!

164 (257)

Войди же в дом! А я хочу расследовать:
Здесь чуется мне что-то нехорошее.

165 (258)

А я пойду на рыбный рынок! Ждут меня
Рыбешки, осьминожки, каракатицы.

166 (259)

Я мерю горе полными корзинами.

167 (260)

Ты, вижу, пьян, еще не отобедавши?

168 (261)

А у кольца и нет конца, как водится.

169 (262)

А дверь не на засове...

170 (263)

А пес Гилас словил для нас пожалуй что и зайца...

171 (264)

А хор плясал в те давние дни, одевшись в циновки да в тряпки,
Под мышкой зажав вязанки колбас, редиски пучки и грудинку.

172 (265)

Такова-то была в старинных стихах для хора вольная воля.

173 (266)

Зарыть-посадить у своих дверей головку морского лука...

174 (269)

Ведь я не продавец медовых пряников.

175 (267)

...болтают по-египетски:
«Килластис! Петосирис!»

176 (268)

Такое рукоделье – только пух и прах.

Анагир

177 (42)

Не плачь, не плачь: коня-букефала дам тебе.

178 (43)

...Почисти-ка скребницею
Коня-букефала, коппою клейменного!

179 (44)

– Ишь, как брыкает!
– Он из необузданных.

180 (41)

Два медяка ищу я под скамейкою

И счет к оплате. Как бы их не стибрили!

181 (45)

Не зря ты меня всегда снабжал закусками.

182 (46)

А сам, как туча, хмур, и громом рявкает.

183 (47)

Дорога – вот, а я пустился понизу.

184 (48)

Три медные полушки сунув за щеку...

185 (49)

Меня тошнит, но я креплюсь, затем что нет лоханки.

186 (52)

Пшеничная мука и сок гранатовый...

187 (53)

О, как я рвусь ловить на обед
Жирных акрид и хвостатых цикад
На тонкий прут!..

188 (54)

Прощай, прощай, фтиотийский Гад,
Анагирский праздник, прощай, прощай...

189 (58)

Три набрюшника скроил он из плаща из моего.

190 (59)

Если вместе мыться в бане, то и губка ни к чему.

191 (56)

...ни тарелочки пескариков.

191a (57)

...вчера хромал наш Перепел.

Амфиарай

192 (17)

– Жена, что там за стук?

– Да это курица

Нам чашку опрокинула.

– Вот вредная!

193 (18)

Тащи сюда скорей из нашей спаленки
Подушку и простынку полотняную!

194 (19)

Сперва взял на охоту мужа этого...

195 (20)

Болезнью одолен иль одиночеством...

196 (21)

«Ясо! – сказал он. – Дочь моя любезная...»

197 (22)

Подсыпь гороха и работай пестиком.

198 (23)

Бранишь такое чудо чечевичное?

199 (24)

...Откуда взять
Для задницы затычку камышовую?

200 (25)

Несу ему от бабы это кушанье.

201 (26)

Мерзавец, негодяй, Фринонд ты этакий!

202 (27)

А я из Нижней Ламптры...

203 (28)

А змей, которых на нас ты шлешь,
Упрячь в ларец, наложи печать
И брось врачебное дело.

204 (29)

Зад старику растрясешь, как хвост дрозда-трясогуза,
Дабы молитвам твоим сбылось благое свершение.

205 (30)

Дело веду по старине: сам я об этом знаю.

206 (31)

С самых тех пор, как я пошел по комедийным харям.

Женщины с Лемноса

207 (372)

Бобов родитель Лемнос вкусно пахнущих...

208 (373)

Фоант-владыка с быстроногим именем
Там оказался всех неповоротливей...

209 (374)

Всех детородцев перебили женщины...

210 (375)

Уж все дома кишат мужами пришлыми...

211 (376)

Она как раз в корыте мылась щелоком...

212 (378)

Пока она в своем цветущем возрасте...

213 (377)

Живот болит? Ну что же мы поделаем?..

214 (380)

Ни краба не купить себе, ни окуня,
Ни горбыля, ни угорька беотского
И ни тунца брюхатого...

215 (381)

Неостывающий алтарь богини всемогущей...

216 (383)

Словно пять камушков, вскинь пять осколков разбитой лохани...

217 (382)

Женщины крепкой стеной потайные места свои прячут...

218 (379)

Дверь нараспашку...

Финикиянки

219 (570)

Эдиповы два сына двенадцатые,

Войною грянув, в бой единоборственный
Вступили по старинному обычаю.

220 (571)

Взяв мой ремень с носильщицей укладкою...

221 (572)

А всех прежде
Выросла всякая овощь
С каменной крапивой...

222 (573)

Фитилек, сберегающий
Мне огонь во светильнике
До утра.

223 (574)

О ты, Немесида, и ты, грохочущий гром...

Геригады

224 (156)

– Ко прагу ночи, в смертные урочища
Кто смел войти?
– По одному искуснику
От трех искусств на общей сходке избраны
Три мужа, адоходцами слывающие
И к миру преисподнему пристрастные.
– Как адоходцы?
– Зевс свидетель, именно.
– Как фракоходцы – те, что ходят в Фракию?
– Ну да!
– А кто они?
– Поэт комедии
Саннирион; Мелет, гонец от трагиков;
Кинесий, дифирамбы сочиняющий...
– Надежды ваши, вижу, очень тощие.
Прослабит их – и враз поносной жижею
Плеснет и смочет всех троих посланников.

225 (158)

– Да как сглотнуть Сфенеловы речения?
– А ты глотай с приправой, солью, уксусом!

226 (157)

Сперва они вином в коттабе прыскали,
Теперь уже и рвоты не стесняются,

А там и чем похуже оболъют тебя.

227 (161)

Эсхила прославляя по застолицам...

228 (162)

Служи ему да песнями корми его...

229 (160)

Механик и пустил бы в ход подъемник свой...

230 (159)

Не здесь ли поселенье голавлиное?

Ни дать ни взять, вы рыбки–голодарики.

231 (163)

[Так голодал, что] воск с дощечек слизывал.

232 (164)

Лук, чечевица, крабы, хлеб, конечности...

233 (165)

Вы что, его варить похлебку учите?

234 (173)

Другой несет плетеную корзиночку

С сухарными объедками и крошками...

235 (166)

Пустились прямо к храму Дионисову...

236 (169)

– А вот часы перед тобой...

– Так сколько на них по солнышку?

237 (170)

А говорят, что из яиц повылупились люди!..

238 (174)

Был праздник, мальчик обегал пирующих по кругу

И в наши чаши наливал «лазурную пучину»...

239 (171)

Все тешишься, забавишься, дуришь да балагуришь...

240 (172)

Говорят, ты льстец, говорят, блюдолиз...

Дедал

241 (198)

Никто не видел Зевса-Всераспутного?

242 (193)

Снесла яйцо большое, петушиное...

243 (194)

Немало есть таких петушьих курочек,
Что не цыплят, а болтуны высиживают.

244 (191)

Все бабы – как одна, и всякой хочется
На стороне переблудить с любовником.

245 (192)

Машинник, ты вознес меня колесами
Под небеса, – так здравствуй, солнце ясное!

246 (195)

Добыча – осьминог да каракатица...

247 (196)

Дает мне осьминога...

248 (197)

Бить-колотить, как осьминога дряблого...

249 (199)

...А за что война? За тень ослиную!

Творчество

250 (466)

Пришли мы потому, что ищем женщину:
Сказали нам, с тобой она...

251 (467)

И петь не так, как пели встарь под лиру семиструнную...

Полиид

252 (468)

Страшиться смерти незачем и не к чему:
Нам всем не миновать со смертью встретиться.

253 (469)

Царевну Федру в жены отдаю тебе —
Чтобы попал ты из огня да в полымя.

254 (470)

С голодным брюхом я бежал по площади...

255 (471)

Сбираешь десятину или пошлину...

Эолосикон

256 (1)

Пришел я от Феариона пекаря,
Где духовая печь нашла пристанище!

257 (2)

Вперед, не время мешкать! Будет куплено
Все, что купить ты приказала, женщина!

258 (3)

Медяк последний я упрятал за щеку
И пару медяков оттуда вытащил.

259 (4)

... Такие уж я нежные
Сварил тебе четыре оконечности!

260 (5)

И лук-порей с чесночными кореньями.

261 (6)

Одною ванной и одною спальнею
На всех девиц...

262 (7)

Жаровня, сыротерка, пестик, ступочка...

263 (8)

И хитон его исподний
Так и светится сквозь дыры,
Словно из фонарика.

264 (9)
Не поделом ли, бабы,
Всем нам житья не станет,
Если мужья узнают,
Что мы такое делаем
Тайно от них.

Кокал

265 (359)
...В плащах дырявых, с холоду да к пламени.
– Подсядь, спроси их: «Каково зимуется?»

266 (361)
– Быть может, вы повздорили?
– Ни капельки!
Ни даже и словечка!

267 (360)
Смотри, папаша: припекает солнышко,
Нам, молодым, как раз пора пополдничать.

268 (362)
...И пусть нам вынесут
Игральную доску и к ней два стульчика.

269 (363)
И корзину камней приказал взволочить
На мою черепичную крышу...

270 (364)
А то бабье, что уже в годах,
Заливает грусть фасийским вином,
Черноцветным вином без капли воды,
Вливая в пасть за кувшином кувшин,
Ничего не стыдясь —
Таковы-то питейные страсти!

271 (365)
Тошнит меня, оттого что невмочь
Утробе вино,
В котором нет Ахелоя!

«Женские» комедии

Женщины на празднестве (Фесмофориазусы 2-е)

272 (339–340)

Злосчастный день, когда глашатай выкрикнул:
«Кто больше даст за этого невольника?»
С тех самых слов и гнусь я под поклажами:
Трещит моя спина, и плечи ломаются.

273 (336)

Как развязал я этот мерзкий кожаный
Мешок, так и пахнуло ароматами,
Свидетель Зевс, такими благовонными!

274 (332)

Ножи, притирки, бритвы, мыльце, ножички,
Парик с начесом, ленточки, повязочки,
Белила, пемза, масло, сетки, вышивки,
Передник, пояс, перебор каемчатый,
Фата, подкраска, «смерть мужчинам», пластыри,
Сандалии, ксистида, каласирии,
Налобник, чемеричка, ожерелия,
Рубашка, венчик, гребешки, роскошницы —
Но это все не то.

– А что же главное?

– Ушные кольца, серьги, серьги гроздьями,
Заколки, пряжки, шильца, шпильки, туфельки,
Цепочки, перстни, перевязи, шапочки,
Олибосы, сфендоны, налодыжники —
Всего не перечислишь.

275 (337)

Одежды, разодежды, украшения —
И не устанут от надетых тяжестей!

276 (334)

И возбраняю пить пепарефийское,
Прамнийское, фасосское, хиосское
И прочее, что возбуждает к похоти.

277 (333)

– Кто покупал здесь рыбу? Каракатицу?
Креветок плоскоспинных? Осьминожиков?
Тевфид, нестид, акул, кальмаров жареных?
– Не я!

– А скатов?

– Видит вышний Зевс, не я!

– А требуху, утробу с почкой, с печенью,
А потроха свиные и козлиные,
А крабов, а угрей? Клянусь, великое
В них облегченье утомленным женщинам!

278 (335)

А пилагоры с их иеромнемоном
Отличные приносят вести городу!

279 (338)

И развязала пояс у рубашечки
И тот, другой, что под крутыми грудками.

280 (341)

Подбрил он антитезы Агафоновы!

281 (342)

Ему бы зваться бы кварталным приставом.

282 (344)

Взмоститься бы на бабу...

283 (345)

Согрелся и кипит котел...

284 (349)

Хороший спор в предлоге не нуждается.

285 (346)

Озноб и дрожь – лихорадки знак...
...Пришел он в жару, пришел он в огне...

286 (347)

Здорово для нас, комедийщиков,
Выдумал Кратет, не поморщившись,
Рыбину из бивня слонового
И еще таких затей на посмешище!

287 (348)

Муз не зовем в завитых кудрях,
Харит не зовем в олимпийский хор —
Учитель сказал: они уже здесь.

288 (343)

Подсумочек, в каком хранятся денежки...

Захватчицы мест

289 (488)

Я от него усвоил речи гладкие,
Но он сильнее мыслями расхожими.

290 (487)

Сосуд с собой взяла я семикружечный,
Добротный, и пошла я с ним на зрелище.

291 (489)

Оставь свой гнев, о женщина, и выслушай,
И рассуди без воркотни и фырканыя.

292 (490)

И вот по Каллиппидову подобию
Сижу я на полу на куче мусора.

293 (491)

Ершей наелась и домой отправилась.

294 (492)

И пару дротов с плоским наконечником...

295 (493)

Вот видишь: дроты с плоским наконечником...

296 (494)

И девка, прозываемая Барсихой...

297 (495)

Так вот и подожди горшок учителю...

298 (497)

...от ран, как сито, дырчатый.

299 (498)

...дырять стену ломиком.

300 (496)

...держи покрепче задницу.

301 (499)

Коль зовут на пир – не брезгуй: мы ведь не кусаемся!

Комедии, содержание которых неизвестно

Старость

302 (135)

Напившись пьян, блюет у статуй праотцев.

303 (141)

...нищенского посоха.

304 (142)

Персидский посох вместо крюковатого.

305 (132)

В запрошлый год подслеп я и измучился,
Но лекарь мне глаза помазал снадобьем.

306 (128)

Под уксусом, под перцем, свекла, луковка,
Душица, мозг, начинка в листьях фиговых:
Для тела щекотание блудливое.

307 (130)

– Кто скажет, как пройти мне в храм Диониса?
– Туда, где рожи страшные развешаны?

308 (131)

Тебя, старуху, вышвырнуть к покойникам,
Чтоб дочка бы твоя с тобой не путалась.

309 (137)

Стояла на помосте над строением.

310 (133)

– Ступай за мной!
– Дня через три последую!

311 (138)

Ужо как освежую да на уголья!

312 (139)

Кувшин в пять кружек выполоскать бережно.

313 (140)

На белой рыбке выкормлена девушка.

314 (143)

...кухонного ножики...

315 (136)

Она открыла блюдо, каши полное...

316 (147)

Согнулась и трясется трясогузкою...

317 (129)

– Что там такое?

– А вот кому горячего!

– С ума сошла ты?

– А вот кому печеного!

– Печеного?

– А вот кому пшеничного!..

318 (148)

Каких тебе, старик, подружек? Зреленьких?

Иль полудевок, плотных, как соленая

Маслина?..

319 (134)

А голос, слышно, у тебя уж крепенький.

320 (144)

– Итак, поплывешь?

– Поплыву к жениху,

И завтра же будет свадьба.

321 (145)

За мальчишками вприпрыжку, со скребком и мячиком...

Аисты

322 (444)

Один «Адмета» запевал за чашею —

Другой его неволил петь «Гармония»...

323 (446)

А эта птичья клетка – для чего тебе?

324 (445)

Не дашь отцу одеться поприличнее.

325 (447)

...запечатал я печатями

Дома мерзавцев...

326 (448)

Приятно в честь победы куропатку съесть.

327 (449)

Козлячьи ляжки и ягнячьи головы...

328 (452)

Подашь на негодя в суд, а он тебе
И выставит двенадцать лжесвидетелей
Из собственных нахлебников...

329 (450)

...а банщик дерется шайками...

330 (451)

...подушки и утварь медная...

Тельмесцы

331 (543)

Мы начинаем наше состязание
Не как обычно, а совсем по-новому.

332 (544)

Не вправду, а для вида состязаются...

333 (545)

– ...И принеси трехногий стол:
Гораздо лучше он четырехногого.
– Трехногий стол? Да где его достану я?

334 (546)

Хиосского бутылъ да умощение...

335 (548)

А кто я такой, что сделал я, тельмесеяне?

...

А если вы пришли сюда, что делать мне, тельмесеяне?

336 (549)

Пошлите раба, принесите скорей мегаллийской сладостной
мирры!

Драмы, или Ниоб

337 (289)

Мы, мертвецы, все судимся с живущими —
А уж подходит месяц мемактерийон,
Когда расчет по всем судам и жалобам.

338 (290)

– Ой, у меня из рук светильник выскользнул!
– Светильня без светильника? Не может быть!

339 (291)

...И спи спокойно, как светец в светильнике.

340 (292)

Таких снетков вареных мне не надобно.

341 (293)

И перебил все кирпичи сушеные...

Дионис, потерпевший кораблекрушение

342 (277)

Зачем, злодей, ты хочешь, чтобы сгинул я,
Как клоп на смертном ложе?..

Из неизвестных комедий

343 (590)

⁵ Сев, ждут мытья перед пустой купальнею.

¹⁹ ...лебедь из-под крыльев...

²⁷ Последил бы за хорегом на Ленейских праздниках!

⁵² Златокудрая песнелюбица...

⁵³ Хорошо бы поскорей

Одолеть и опровергнуть этих новоучителей!

344 (591)

(a) ⁴³ ...«Как жалко!» – кто-то выкликнул,

И кто же, если не Филокл?

⁶⁰ Ты видишь: и в кифаре что-то портится.

⁸¹ Кумир богини я на площадь выставив,

Почтить его желаю бычьей жертвою.

⁸⁰ К нам, к нам, царица! Мы тебе покорствуем!

⁹³ И легкий, как свинчатка...

⁹⁵ Брюхатая, сижу, плету корзиночку...

(b) ⁷⁰ ...петь пойду к порогу полководца Скелия.

(c) ⁶⁴ ...как дятел, плещет крыльями.

⁶⁶ ...Ой, губы мои...

⁶⁷ Сорвал с меня наглец накидку теплую

И, крадучись, бежать...

345 (592)

¹² – Обидно нам.—

Ей-ей, а я [так думаю],

Что коли кто умен, тому...

Одни лишь эти...

– Так в чем же дело?

– [Расскажи, пожалуйста,]

Какие это штучки есть милетские

Из кожи, на утеху нашу женскую?

– Кромешный вздор, сплошное пустословие,

И стыд, и срам, и мерзкое посмешище:

²⁰ Все равно, что взять яйцо-болтун с-под курицы

И ждать цыпленка...

– А говорят, оно похоже в точности

На то, что у мужчин.

– Похоже в точности,

Как солнце и луна. Луна красивая,

Но светит, да не греет.

– Это дорого?

– Да говорят, что да.

– Послушай, может быть,

Для этих дел нам лучше подойдут рабы —

²⁸ Конечно, потихоньку?

– Я, пожалуй что...

.....
³⁵ Прочь, прочь несите сосны светоносные,

Как Агафон сказал бы...

346 (595)

...Возьми Эсхилковы,

Софокловы слова да Еврипидовы,

Прибавь к ним соли да не рассусоливай.

347 (688)

Сухих поэтов наш народ не жалует:

Они с сухим вином прамнийским сходственны,

От них на лбу морщины, в брюхе колики —

Мы больше любим сочных, зрелых, нектарных.

348 (696)

...я сам сочинял для хоров нужные пляски...

– ...Я видел этих «Фригийцев»:

Они с Приамом пришли выкупать убитого Гектора тело,
И плясали так, и плясали сяк, с заходом вправо и влево.

349 (720)

Эсхил скончался – солнце наше смерклося!

350 (663)

По мне, [Эсхил] – как бычья шкура жесткая...

351

Уста Софокла были как медовый сот...

352 (598)

...А тот как будто вылизал медовые

Уста сосуда сладкого Софоклова.

353 (694)

Сам [Еврипид] таков же, как слова его...

354 (719)

Щегольские словеса, показные выдумки,

Выкроенные хитро, сшитые с иголки!..

355 (682)

У Еврипида все слова закрученные...

356 (697)

То вверх, то вниз качает он свои фигурные речи,

Как будто воду садовод колодезным коромыслом.

357

...Свои слова вылизывает пестрые.

358 (596)

Кефисофонт, славнейший и гнуснейший раб,

Делил ты с Еврипидом жизнь и дом его

И делишь, говорят, его мелодии.

359 (706)

Для дела надобен средний язык —

Ни тот, обабленный, городской,

Ни тот, мужицкий, под стать рабам...

360 (597)

Уж так-то он страдает, обманувшись
В надеждах, – поглядишь и расхохочешься!

361 (599)

А те уже созрели и готовятся
Навстречу женихам вспорхнуть из гнездышка...

362 (600)

...Чтоб век им жить друг с другом и питаться властью
Мучными червячками и акридами.

363 (601)

К воронам выбрось все указы прежние
И все запреты против принуждения!

364 (602)

Сказал отец: «Убить бы тебя нечаянно!»
Ответил сын: «А ежели намеренно —
Перед судом Палладиным поплатишься».

365 (603)

Бух на колени и давай молить его:
Свели отца с ума своими плясками...

366 (604)

Стыжусь жены и двух детей несмысленных.

367 (605)

Ну вот тебе орехи: можешь щелкать их
Своим же лбом...

368 (606)

Котел, где мясо к супу было варено...

369 (607)

...ежели

Ты не добудешь за большие денежки
У кузнеца фигурку отворотную.

370 (608)

...Я стану псицей лютою,
Гекаты светоносной истым образом.

371 (610)

Топор мне и веревку! По дрова иду!

372 (612)

Нет в море рыб умней морского окуня.

373 (613)

Вино, ты слаще молока Кипридина!

374 (614)

Вино сегодня пить тебе несладкое.

375 (615)

Владыка мой, всю кровь мою ты высосал!

376 (616)

А старый муж противен молодой жене.

377 (617)

Вот ласточки прилетят, тогда и спрашивай.

378 (618)

Когда совсем от пляски вы измучитесь...

379 (619)

Помойтесь, расчешитесь-ка на солнышке...

380 (620)

По черепку тебяогрею палкою...

381 (621)

Эй, что с тобою? Подавился косточкой?

382 (622)

Беременной таким огромным бременем...

383 (623)

...Вылуцишь

Незрелое гранатовое яблоко.

384 (624)

И занавесь цветная кипрской выделки...

385 (625)

Прочистив глотку, две монетки выкашлял...

386 (626)

Я обещаю: дело будет общее...

387 (627)

Он побежал, а я в другую сторону...

388 (628)

Никак не дашь мне подступиться с меркою?

389 (629)

От ха-ха-ха мне в Ха-Халкиду хочется.

390 (630)

Встал на черту, пригнулся, хочет броситься...

391 (631)

А это вовсе и не он. Сиди и плачь...

392 (632)

А ты не удержал себя, как надо бы...

393 (633)

Мне слаще меда делать запрещенное.

394 (634)

Вот чашка, глянть-ка, что на ней написано...

395 (635)

Я вижу сам, что он болтун и неженка...

396 (636)

От этой рыбы, вяленной на солнышке...

397 (637)

И зорким вертит коршуном-добытчиком...

398 (638)

Язык-то черный: смоль на нем бруттейская.

399 (639)

Не подавлюсь селедкой и хохотом.

400 (640)

И хлеб, и краб, и мясо – все отличное.

401 (641)

Надевши эту женскую рубашечку...

402 (642)

Стоят толпой ненанятых погонщиков...

403 (643)

А в благовоньях пахло жженым камушком...

404 (644)

Я думал, это с гор потоки катятся...

405 (645)

Шел мальчик из гимназия, где бегают...

406 (646)

Чин чином к ним явились два посланника...

407 (647)

А вот у нас в гектее шесть лишь хеников...

408 (648)

Меня зарезать в жертву собирается
И говорит: «Скажи ме-ме, ягненок!»

409 (649)

Когда друзья придут для погребения...

410 (650)

С щитом плетеным, сам в оковы ввергнутый...

411 (651)

И добрый демон, и доброе спасение...

412 (652)

А кто замаран, скоро тот забудется...

413 (653)

Врасплох меня он облил из урыльника...

414 (654)

Но если я не Прометей, то все – вранье...

415 (655)

Мерзавец, да какой же ты мне родственник?

416 (657)

И голоси, высоко голос вздернувши...

417 (658)

Придерживая голос...

418 (659)

Малютка стал [от страха] весь как каменный...

419 (660)

...я посмотрел и стал как каменный...

420 (661)

Сам в черепках я – как же я помочь могу
Тебе, несчастный?

421 (662)

Красотку приведет к тебе невестою.

422 (664)

Подгрудник лопнул, и орехи вывалились...

423 (665)

И нет ему ни днем ни ночью удержу...

424 (668)

...досрочно окочурился...

425 (669)

Итак, диктую клятву...

426 (670)

Клянусь Далекими!..

427 (671)

Куда тебе?

– Прямым путем в Сицилию!

428 (673)

А сколько в доле?

429 (674)

...ему плевать на все несчастья.

430 (675)

Да как тебе с богами собутыльничать?

431 (676)

Так оглуплю, что нитки не останется...

432 (680)

Бери корзинку и ступай собирать навоз...

433 (681)

Итак, ничто не слаще смокв смоковницы.

434 (683)

В Пирее тоже голодом не мучатся.

435 (684)

...стал ты разговорчивей...

436 (685)

Дверь нараспашку...

437 (686)

Сгинь, висельник, и убирайся с глаз долой!

438 (689)

А кто юлит и льстит тебе, сдувая с тебя пылиночки...

439 (690)

Вот так-то нам верней всего сберечь наш славный город...

440 (691)

Кто размышляет о делах невидимых,
А жрет земное...

441 (692)

Взяв лиру, дело рук Евдокса-мастера,
Пустил он звон возвышенно-щебечущий...

442 (693)

В больших котлицах асфодели варятся...

443 (695)

Тень легла длиной семь футов
На часах на солнечных —
Наступает час обеда:
Созывай застольников!

444 (698)

А в горных кряжах сам собой кормил людей земляничник.

445 (699)

Размешайте наш город, как будто вино, и разлейте по кружке для
бедных...

446 (700)

Чтоб мучная похлебка сияла в котлах и глоталась без комьев в
горле...

447 (701)

...не варили мучного с луком.

448 (702)

Овсянки, похлебки, колбаски, кишки...

449 (703)

И у других ведь дети мрут не вовремя.

450 (704)

...уходят со ступенек...

451 (705)

О Феб, ты любишь точить острия
Дельфийских ножей
И учишь тому же дельфийцев.

452 (707)

Наш город весь – Амалфеин рог:
Чего ни спроси,
Все вмиг тебе ниспошлетя.

453 (708)

Очисти селедку от чешуи,
Отмой снаружи, промой внутри...

454 (709)

...и уксусом из Клеон...

455 (710)

...выдумывая, гадая...

456 (711)

Подумано – сделано...

457 (712)

...а я оскорбил полубога.

458 (713)

...засматривающий в щелку.

459 (714)

Такой мертвечины не стану есть; а зарежешь жертву – приду я.

460 (715)

Ты на душистом ложе
Целую ночь проводишь
О бок с своей хозяйкой...

461 (716)

Ты, наш Евкрат, – торговец
Паклей и отрубями...

462 (717)

Зачем ведет он жизнь такую скверную,
Плутуя вкривь и вкось?..

463 (718)

Кто пришел сюда, в ущелья, рощами поросшие?..

464 (732)

Хорька сглотнул.

465 (746)

Даю в залог девчонку...

466 (753)

Певучий гибкий голосок...

Фрагменты, принадлежность которых Аристофану недостоверна

467 (926)

Да как бы Арифрад, боюсь,
Не расчесал бы наше дело дочиста.

468 (929)

Говори же, что мне делать? Я – бросок твоих костей.

469 (931)

...в такой грязи, что зло берет.

470 (933)

...как дубленный мех, тебя отделаю.

471 (961)

Четыре у меня сидят бездельницы.

ФЛЕГОНТ ИЗ ТРАЛЛ

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ

Фрагмент 1

(1) ...к комнате гостя⁶⁰; подойдя к дверям, она при свете ночника увидела, что рядом с Махатом сидит женщина. Изумленная этим видением, не в силах долее сдерживаться, бежит она к матери и зовет громким голосом: «Харито и Демострат!» – чтобы родители встали и вместе с нею пошли к дочери: показалось ей, что та жива и неким божественным изволением находится с гостем в его комнате. (2) Когда Харито услышала эту невероятную весть, сперва у нее дух захватило от потрясения – так поразительно было известие и в таком смятении была кормилица. Но тут же вспомнив о дочери, она заплакала и наконец, заподозрив, что кормилица сошла с ума, велела ей немедленно уходить прочь. (3) Только когда кормилица, уверяя, что она здорова и в своем уме, стала дерзко укорять хозяйку за то, что та из трусости не хочет взглянуть на собственную дочь, Харито нехотя, уступая кормилице, да и сама любопытствуя посмотреть, что случилось, подходит к дверям гостя. Но пока они собрались на этот раз, прошло много времени, и Харито опоздала. Оказалось, что те уже легли. Однако мать присмотрелась, и ей показалось, что она узнает одежду и черты лица; но, не имея возможности проверить, так ли это, она решила не поднимать шума, в надежде, что, проснувшись рано поутру, она еще застанет эту женщину, а если опоздает, то расспросит обо всем Махата: он, конечно, не станет лгать, когда его будут спрашивать о столь важном деле. Поэтому она молча ушла.

(4) На рассвете оказалось, что женщина неприметно скрылась, то ли божественным изволением, то ли по своему желанию; и мать, войдя, была огорчена ее исчезновением. Рассказав молодому гостю все с самого начала, она обняла колени Махата и просила его открыть ей всю правду, ничего не тая. Юноша смутился, поначалу запутался и кое-как наконец объяснил, что женщину звали Филиннион; рассказал, как пришла она в первый раз, открыл, как велика была ее страсть, и сообщил, что приходит она к нему, по ее словам, тайно от родителей; а чтобы поверили, что так дело и было, он открывает ларец и вынимает предметы, оставшиеся от этой девушки: золотой перстень, который она дала ему, и нагрудную повязку, которую оставила прошлой ночью.

(5) Когда Харито увидела такие предметы, она завопила, а потом, разодрав на себе накидку и платье, сорвав с головы покрывало, бросилась наземь и, схватив кольцо и повязку, снова подняла плач. Увидав, что происходит с ней и как рыдают в отчаянии все вокруг, словно собираясь хоронить Харито, гость и сам встревожился: стал утешать ее, уговаривал прекратить плач и обещал показать девушку, если та появится снова. Харито поддалась уговорам и, попросив его не забывать своих обещаний, удалилась к себе.

(6) Наступила ночь, и был тот час, когда обычно Филиннион приходила к юноше; все ждали ее появления; и она пришла. Когда она, как всегда, вошла и села на ложе, Махат не подал вида, желая сам во всем разобраться: он не поверил, что имеет дело с мертвой, которая с такой точностью приходит в одно и то же время, да еще и ест и пьет с ним, отнесся с

⁶⁰ Поскольку начало рукописи не сохранилось, действие повествования Флегонта начинается с середины. Текст дается по изданию: *Флегонт из Тралл. Удивительные истории* / Пер. с древнегреч. М. Е. Грабарь-Пассек, М. Л. Гаспарова, В. Н. Илюшечкина // Вестник древней истории. 2001. № 3. С. 223–234; № 4. С. 233–247. Перевод фрагмента 1 впервые опубликован в: Поздняя греческая проза / Пер. с древнегреч. под ред. М. Е. Грабарь-Пассек, сост. С. В. Поляковой. М.: Художественная литература, 1960. С. 179–182.

недоверием к тому, что рассказали родители, и подумал, что какие-нибудь грабители разрыли могилу и продали одежды и драгоценности отцу этой девушки. Чтобы узнать все в точности, он потихоньку посылает рабов за ее родителями.

(7) Демострат и Харито поспешили прийти; но когда они, увидев девушку, сперва онемели, потрясенные невероятным зрелищем, а потом с криком бросились к дочери, тогда Филиннион сказала им так: «О мать и отец, сколь несправедливо поступаете вы – даже трех дней не позволили вы мне беспрепятственно провести в родном доме вместе с гостем. И вот теперь из-за вашего любопытства будете вы снова страдать, я же вновь отойду туда, где мне назначено быть; ибо не без божественной воли явилась я сюда».

(8) С этими словами она упала мертвой, и все видели, как распростерлось ее тело на ложе. Мать и отец обняли ее труп, великое смятение поднялось в доме из-за этого события, потому что случилось нечто непоправимое и происшествие это было невероятно. Вскоре о нем заговорили по всему городу и сообщили мне.

(9) Всю ночь я сдерживал толпу, собравшуюся возле дома, опасаясь, чтобы распространение такого слуха не произвело мятежа. К рассвету народ наполнил театр. После того как обо всем было рассказано в подробностях, мы постановили прежде всего пойти к гробнице, вскрыть ее и посмотреть, лежит ли тело на своем ложе или же там окажется пустое место: шести месяцев не прошло еще после смерти девушки. Когда мы открыли склеп, где хоронили членов этого семейства, то увидели, что на прочих ложах действительно лежат мертвые тела, а от тех, кто скончался давно, остались кости; и только там, где положили и похоронили Филиннион, мы обнаружили железный перстень гостя и позолоченную чашу, которую она взяла у Махата в первый день.

(10) Изумленные, потрясенные, мы поспешно направились к Демострату, в комнату гостя, чтобы посмотреть, правда ли, что покойница была там, и увидели ее тело на полу. Тогда мы отправились в народное собрание, так как события были важными и невероятными. (11) Собрание шумело в таком смятении, что почти никому не удавалось высказать своего мнения. Наконец Гилл, который считается у нас не только лучшим прорицателем, но и умелым пифагадателем и в остальном искусстве ведовства отменным знатоком, встал и заявил, что тело девушки следует предать погребению за пределами города – ибо не следует вновь хоронить ее в городе, а Гермесу Подземному и Эвменидам надо принести умиловительные жертвы; затем велел он всем нам произвести обряд очищения над нами самими и над святилищами и подобающим образом почтить подземных богов. Мне же он тайно посоветовал совершить заклятие Гермесу, Зевсу Гостеприимцу и Аресу за царя и государство, и выполнить это со всей тщательностью.

(12) Согласно с его словами мы совершили указанное, а Махат, приезжий, к которому являлся призрак, в горе лишил себя жизни.

Итак, если ты сочтешь нужным написать об этом царю, сообщи мне, чтобы я прислал к тебе кого-нибудь из людей, знающих это во всех подробностях. Будь здоров.

Фрагмент 2

(1) Гиерон Александрийский или Эфесский передает, что в Этолии объявилось привидение. (2) Некий Поликрит был избран гражданами на три года архонтом этолийцев, которые сочли его наиболее достойным этой должности из-за знатности предков. Находясь в этой должности, он взял в жены женщину из Локриды, провел с ней три ночи, а на четвертую – умер. (3) Женщина осталась вдовой, а когда пришло время рожать, она разрешилась двуполым младенцем с мужскими и женскими половыми органами, удивительным образом деформированными от природы: верхняя часть гениталий была твердой и мужской, а то, что находилось ниже – принадлежало женщине. (4) Изумленные случившимся, родственники ребенка принесли его

на агору, где по этому поводу собрался народ; назначили очистительные жертвы, призвали толкователей божественных знамений и рядили, что делать с ребенком. Одни заявили, что грядет разрыв отношений между этолянами и жителями Локриды, поскольку ребенок был отделен от матери-локрийки и своего отца – этолийца. Другие же полагали, что ребенка с матерью следует изгнать за пределы города и сжечь.

(5) Пока они обсуждали случившееся, Поликрит, который уже умер, весь в черном объявился в собрании рядом с ребенком. (6) Пораженные его внезапным появлением, большинство граждан бросились наутек, когда он закричал, чтобы они набрались мужества и не смущались присутствием призрака.

После того как волнения и замешательство утихли, он провещал слабым голосом: «Мужи полиса, тело мое мертво, но благодаря благоволению и милости, испытываемой к вам, я жив. Я нахожусь здесь для вашего блага и взываю к подземным властителям. Итак, поскольку вы мои сограждане, я обращаюсь к вам – не бойтесь меня и не пренебрегайте невероятным явлением призрака. Умоляю всех вас, заклиная спасением каждого, передать мне ребенка, которого я породил, чтобы не случилось беды, если вы выберете иное и ваша враждебность ко мне станет началом несчастий. Ведь мне поручено не допустить сожжения ребенка из-за прихоти или безумия предсказателей, которые вам это присоветовали.

Поскольку перед вами столь странное зрелище, простительно, что вы растерялись и не знаете, как правильно поступить. Однако если вы послушаетесь меня и повинуетесь без колебаний, то освободитесь не только от страха, но и от нависшей угрозы. Если же вы предпочтете иное решение, боюсь, что из-за недоверия к моим словам вас постигнет непоправимая беда. По доброй воле, которую я прежде питал и питаю к вам, явившись внезапно, предсказываю, как наилучшим образом поступить вам. Заклинаю вас не бежать моих слов, прекратить споры и подчиниться тому, что я сказал, – отдайте мне ребенка по-хорошему, ибо мне не велено задерживаться здесь слишком долго теми, кто правит под землей».

(7) Сказав это, он умолк, терпеливо ожидая, какое решение они вынесут. Одни полагали, что следует отдать ребенка и тем самым совершить искупительную жертву в честь знамения и стоящего рядом демона. Но большинство не соглашалось, настаивая, что не следует поступать опрометчиво, поскольку дело это величайшей важности, да и сама проблема необычная.

(8) Видя, что они с ним не согласны и препятствуют осуществлению его намерений, он заговорил вновь: «В любом случае, граждане полиса, если беда падет на ваши головы из-за вашего несогласия, то вините не меня, но судьбу, которая ведет вас неверной дорогой, судьбу, которая, противясь и мне, вынуждает меня поступать с моим ребенком противозаконно».

(9) Собралась толпа, и разногласия по поводу необычного знамения продолжались, как вдруг призрак, оттолкнув мужчин, схватил ребенка, быстро стал разрывать его тело на части и пожирать. (10) Люди стали кричать и бросаться камнями, пытаясь прогнать призрак. Оставаясь невредимым под градом камней, призрак сожрал все тело ребенка, кроме головы, и только тогда внезапно исчез из виду.

Возбужденная случившимся толпа горожан пребывала в состоянии крайней растерянности, а затем решила отправить посольство в Дельфы, как вдруг голова мальчика, лежащая на земле, начала пророчествовать:

О, многочисленный народ, населяющий прославленную в гимне землю!

Не ходите в святилище Феба и не приносите ему жертв:

¹⁹⁰ Ведь воздетые вами руки запятнаны кровью.

Не следует вам отправляться в путь. Отложите посольство к треножнику (Аполлонову) и проникнитесь моими словами.

Ибо я открою вам повеление оракула целиком. Начиная с этого дня в течение года всем распоряжается смерть, и по воле Афины души локрийцев и этолян перемешаются.

И даже на короткий срок не ослабнет злая сила.

Ибо кровавые брызги ударили вам в головы.

Все сохраняется во мраке ночи, и черное небо распростерлось надо всем.

²⁰⁰ Ибо тьму породила ночь, покрывшая всю землю.

Все дома лишатся своих обитателей, на пороге жилищ не останется ни одной женщины, которая бы их оплакала, ни одного ребенка, который бы не проливал слезы у бездыханных тел своих родителей. Таков вал, накрывающий сверху всех.

Увы мне, что не в силах остановить этого! Скорблю о бедах и страданиях моей земли и охваченной ужасом матери, которая избегнет смерти.

Боги породят бесславное наследие

Тех, кто останется от этолийского и локрийского семени,

²¹⁰ Потому что смерть пощадила мою голову и оставила ее на земле. Пойдите и выставьте мою голову лицом к восходу и не хороните ее глубоко в черной земле.

Что касается вас, то покиньте эти пределы и идите в другую землю к народу Афины, если вы хотите избежать смерти согласно предначертанию судьбы.

Когда этолийцы услышали оракул, то увели жен, детей, младенцев и стариков в дальние края, кто какие из них смог найти. Сами же остались, ожидая неминуемого; в следующем году случилась война этолийцев с акарнянами, в которой каждая из сторон понесла огромные потери.

Фрагмент 3

(1) Вот о чем повествует Антисфен, философ-перипатетик: консул Ацилий Глабрион с легатами Порцием Катонем и Луцием Валерием Флакком натолкнулись в Фермопилах на войско царя Антиоха; Ацилий храбро сражался и заставил воинов Антиоха положить оружие. Самому Антиоху пришлось с пятьюстами своих приверженцев бежать в Элатею, а оттуда в Эфес. (2) Ацилий послал Катона в Рим с вестью о победе, а сам направился в Этолию и, подойдя к Гераклее, овладел ею без всякого труда. (3) Во время сражения против Антиоха в Фермопилах римлянам явилось множество удивительных знамений. Когда Антиох бежал, римляне на следующий день занялись розысками тех, кто пал, сражаясь на их стороне, а также начали забирать доспехи и оружие убитых и захватывать пленников.

(4) И вот, был некий начальник конницы Буплаг, родом сириец, пользовавшийся у царя Антиоха большим почетом: он пал, отважно сражаясь. Когда же римляне собрали все оружие – дело было около полудня, – Буплаг вдруг восстал из мертвых и, неся на себе двенадцать ран, появился в римском лагере и слабым голосом произнес такие стихи:

Тотчас грабеж прекрати! И тех, что в Аиде, не трогай!
Зевс покарает Кронид нечестивые злые деянья,
Сильно разгневан убийством мужей и твоим преступленьем.

Много отважных племен на твои он пределы обрушит,
Власти ты будешь лишен и за все, что свершил ты, ответишь.

(5) Военачальники, потрясенные этими словами, немедленно собрали все войско на собрание и стали держать совет, что значит это явление: было решено сжечь тело Буплага, умершего сейчас же после того, как он изрек предсказание, и похоронить его прах; войско подвергалось обряду очищения, принесли жертвы Зевсу Апотропею («Отвращающему беды»), а в Дельфы отправили послов спросить бога, что надо делать. (6) Когда послы дошли до Пифийского святилища и задали вопросы, что следует делать, Пифия изрекла такие слова:

Римлянин, стой! И отныне всегда соблюдай справедливость!
Пусть не подвигнет тебя Паллада на битвы Ареса,
Гибель несущего градам. А ты, безумец, вернешься
В дом после многих трудов, утратив и власть, и богатства.

(7) Услышав это предсказание, римляне отказались от мысли учинить нападение на какой-либо из народов, населяющих Европу, и, снявшись с лагеря, отправились из упомянутой местности в Навпакт, город в Этолии, где находится общегреческое святилище; там они приняли участие в общественных жертвоприношениях и принесли богам первины этого года, как требовалось по обычаю.

(8) Во время празднества военачальник Публий впал в безумие, утратил разум и, неистовствуя, стал выкрикивать предсказания то стихами, то речью неразумной. Когда весть об этом дошла до войска, все сбежались к палатке Публия: сокрушаясь и предаваясь печали оттого, что такое несчастье постигло одного из лучших и опытнейших военачальников, они в то же время хотели послушать, что он будет говорить: и людей собралось столько, что несколько человек даже задушили в давке. И вот что изрек Публий стихами, еще находясь внутри палатки:

Родина, горе тебе! Ниспошлет жестокие войны
Дева Афина, когда, изобильные Азии страны
В прах низложив, ты вернешься домой, в италийскую землю,
В грады, венчанные славой, в Тринакрию, остров прелестный,
Созданный Зевсом. Но рать с душой беспощадной, отважной
В Азии встанет, в далеком краю, где солнце восходит.
Явится царь; он пройдет через тесный пролив Геллеспонта,
Вступит он в крепкий союз с владыкой Эпирского края,
В Авсонию он приведет дружину несметную; войско
Он соберет из Азийских краев, из Европы цветущей,
Шею твою он согнет под ярмо, и пустынными станут
Стены твои и дома. Свободу ты сменишь на рабство.
Так покарает тебя оскорбленная дева Афина.

(9) Произнеся эти стихи, он в одной тунике выскочил из палатки и сказал, речью уже неразумной: «Возвещаем вам, воины и граждане, что вы, перейдя из Европы в Азию, победили царя Антиоха и на море и на суше, завладели всей страной вплоть до Тавра и всеми городами, основанными в ней; вы изгнали Антиоха в Сирию и эту страну с ее городами передали сыновьям Атгала; уже и галаты, населяющие Азию, побеждены нами, а их жен и детей и все имущество вы захватили и переправили из Азии в Европу; но фракийцы, обитающие в Европе на побережье Пропонтиды и Геллеспонта, нападут на вас, когда вы отстанете от своего войска

возле границ эниеи, многих убьют и отнимут часть добычи; а когда те, кому удастся спастись, вернуться в Рим, с царем Антиохом заключат мир; он будет платить дань и уступит часть своих владений».

(10) Сказав все это, Публий громко возопил: «Вижу рати с бронзовыми сердцами, и царей объединившихся, и многие племена, идущие из Азии на Европу, слышу топот коней и звон копий, вижу битвы кровопролитные и разорение страшное, падение башен и разрушение стен и опустошение всей земли». (11) И сказав это, он опять заговорил стихами:

Вижу я день, когда в сбруе золотой серебристые кони,
Стойла покинув свои, сойдут на землю в Нисее.
Некогда Эетион искусный в закрепление дружбы
Этих коней сотворил в сиракузян граде богатом.
Медные ясли им сделал, сковал их крепкою цепью,
Гиперионова сына отлил он из чистого золота,
В светлом блеске лучей и с очами, сверкавшими ярко.
В день этот, Рим, на тебя обрушатся страшные беды:
Явится мощное войско и всю твою землю погубит:
Площадь твоя опустеет, огонь города уничтожит,
Кровь переполнит потоки, затопит недра земные.
Горького мрачного рабства судьбу ты в тот день испытаешь.
И после битвы не встретит жена победителя-мужа;
Только подземный угрюмый Аид в свое черное царство
Примет погибших отцов и малых детей с матерями.
Тот, кто останется жив, чужеземцам станет слугою.

(12) Сказав это, Публий умолк. Потом, выбежав из лагеря, он взобрался на дерево. Когда он увидел, что множество людей идет за ним, он подозвал их к себе и сказал: «Мне, римские мужи и прочие воины, суждено сегодня умереть – рыжий волк растерзает меня; а вы поверите, что все предсказанное мною сбудется, – и появление этого зверя, и моя гибель докажут, что я по божественному внушению сказал вам правду». Кончив эту речь, он велел всем отойти в сторону и не препятствовать волку подойти к нему: если они прогонят волка, им самим придется худо; (13) толпа повиновалась его словам, и через малое время появился волк. Публий, увидев его, сошел с дерева, упал навзничь, и волк загрыз и растерзал его на глазах у всех и, пожравши все его тело, кроме головы, убежал в горы. (14) Когда все бросились к останкам и хотели поднять их с земли и похоронить как подобает, голова, лежащая на земле, изрекла такие стихи:

Не прикасайтесь к моей голове! Закон воспрещает
Тем, кто навлек на себя проклятье могучей Афины,
К этой священной главе прикасаться. Не двигайтесь с места!
Слушайте мои предсказанья! Вы истины слово услышите:
Этой землей завладеет Арес беспощадный и мощный,
Многих бойцов он пошлет в Аида черную бездну,
Башни из камня низвергнет, разрушит длинные стены,
Наши богатства и наших супруг и детей неповинных
Схватит и в Азию всех увезет через волны морские.
Все это Феб Аполлон вам предрекает неложно.
Мощного вестника он за мною послал и уводит
Ныне в жилища блаженных меня, где царит Персефона.

(15) Все слышавшие это немало были поражены. Воздвигнув на этом месте храм Аполлону Ликейскому («Волчьему») и поставив жертвенник там, где лежала голова, они поднялись на корабли и отплыли – каждый к себе на родину. И сбылось все, что предсказал Публий.

Фрагмент 4

(1) Гесиод, Дикеарх, Клеарх, Каллимах и другие авторы передают о Тиресии следующее. Говорят, что Тиресий, сын Эвера, увидев спаривающихся змей на горе в Келене, в Аркадии, ударил одну из них [палкой], за что тотчас же был превращен в женщину. Став женщиной, он вступил в половую связь с мужчиной. (2) Аполлон возвестил в оракуле, что, если Тиресий увидит снова этих змей спаривающимися и тотчас же поразит змею, он вновь станет мужчиной. Тиресий поступил так, как велел бог, и снова стал мужчиной. (3) Между Зевсом и Герой возник спор: Зевс заявлял, что женщина получает большее наслаждение при половом общении, чем мужчина, а она утверждала обратное. Они решили послать за Тиресием и спросить у него, поскольку он знает свойства обоих полов. Когда его спросили, Тиресий ответил, что мужчине достается 1/10 наслаждения, а женщине – 9/10. (4) Разгневанная Гера выдавила ему глаза, оставив слепым, однако Зевс наделил его даром прорицания и продолжительностью жизни, в семь раз превышающей обычную.

Фрагмент 5

(1) Те же авторы сообщают, что в земле лапифов у царя Элата была дочь, которую назвали Кенида. (2) После того как Посейдон вступил с ней в половую связь и пообещал выполнить любое ее желание, она попросила превратить ее в неуязвимого мужчину. (3) Посейдон выполнил ее просьбу, и она стала зваться Кенеем.

Фрагмент 6

(1) И в Антиохии на реке Меандр появился андрогин, когда архонтом в Афинах был Антипатр, а консулами в Риме – Марк Виниций и Тит Статилий Тавр по прозвищу Корвин. (2) Девушка из знатной семьи тринадцати лет была хороша собой и имела много поклонников. Она была обручена с человеком, которого выбрали ее родители. Уже был назначен день свадьбы, и девушка готова была покинуть родительский дом, как внезапно она почувствовала невыносимую боль и закричала. (3) Домашние принялись хлопотать вокруг нее, лечя ее от боли в животе и колик, однако ее мучения длились три дня непрерывно, и никто не знал, в чем причина недуга. Боль не отпускала ни днем, ни ночью, и хотя применялись все средства, врачи не могли установить причину заболевания. На рассвете четвертого дня боли усилились, и несчастная стала издавать ужасные вопли. Внезапно у нее прорезались мужские половые органы, и девушка превратилась в мужчину. (4) Спустя некоторое время ее привезли к цезарю Клавдию в Рим. Вследствие зловещего знамения он приказал соорудить алтарь Юпитеру Отвратителю бед на Капитолийском холме.

Фрагмент 7

(1) Так же и в Мевании, италийском городе, появился андрогин в доме Агриппины Августы в то время, когда в Афинах был архонтом Дионисодор, а в Риме консулами – Децим Юний Силан Торкват и Квинт Гатерий Антонин. (2) Некая девушка по имени Филотида, родом из

Смирны, находилась в брачном возрасте и была уже просватана за человека, выбранного родителями, когда у нее вдруг возникли мужские гениталии и она превратилась в мужчину.

Фрагмент 8

(1) Еще один андрогин в то же время был в Эпидавре, ребенок из бедной семьи, которую прежде звали Симферусой, а после превращения в мужчину – Симфероном; он провел жизнь, работая садовником.

Фрагмент 9

(1) И в Лаодикее в Сирии была женщина по имени Этета, которая переменяла пол и имя уже спустя несколько лет, как прожила со своим мужем. Превратившись в мужчину, Этета стала зваться Этетом. Это случилось, когда архонтом в Афинах был Макрин, а консулами в Риме были Луций Ламия Элиан и [Секст Карминий] Ветер. Я своими глазами видел этого человека.

Фрагмент 10

(1) В Риме родился андрогин, когда в Афинах был архонтом Ясон, а консулами в Риме – Марк Плавтий (и Секст Карминий) Гипсей и Марк Фульвий Флакк. По этому случаю сенат постановил, чтобы жрецы прочли Сивиллины оракулы; те воздали почести богам и огласили пророчества. (2) Оракулы были следующие:

А

^{1a}. Предначертанную Мойру-судьбу, которую всякий узнает в свое время,

Множество божественных знамений и бедствий божественной Айсы («Участи»)

Распустит мой станок, ткущий судьбы, если вы проникнетесь сказанным умом

и сердцем

И если в Риме ему поверят. Итак, я предсказываю, что однажды женщина

Родит андрогина не только с мужскими,

⁵ Но и с подобными женским признаками.

Кроме того, не утаю, но, напротив, прикажу принести жертвы Деметре Благосклонной и Персефоне Непорочной.

Сама Богиня-Царица (Деметра?) соткет, что есть и что будет Благодаря святочтимой Деметре и непорочной Персефоне:

¹⁰ Прежде всего, когда соберешь по крохам приношения,

Какие захочешь, из разноплеменных полисов и городов,

Прикажи посвятить эту жертву Деметре, матери Коры.

Призываю трижды по девять быков принести...

(место испорчено, пропущено семь строк)

...и принести в жертву длинноногих и светлых коров,
¹⁵ и пусть они будут необычайно прекрасными по вашему
усмотрению.

Призываю дев – а скольких, я уже сказала ранее – совершить обряд
по греческому обычаю,

Чтобы они обратились с мольбой к бессмертной Царице, которой
предназначены жертвы,

Торжественно и благочестиво; и тогда пусть она принимает

Постоянно от ваших жен священные приношения. Кроме того,

²⁰ Пусть они, доверившись моим словам, принесут пылающий
огонь

Святочтимой Деметре. Затем пусть опять принесут

Трижды жертвы без вина перед всепожирающим огнем,

Что надлежит совершить женщинам в летах и опытным в
жертвоприношениях.

И пусть остальные женщины принесут Плутониде те же жертвы —

Пусть юные девы,

Пусть девочки святочтимой и всезнающей Плутониде

Воздадут молитвы на родной земле, чтобы выстоять в
разразившейся войне,

Чтобы в душах поселилось забвение от войны и от города:

Пусть юноши и девушки принесут туда дары.

Б

(текст испорчен, пропущено три строки)

³⁰ ...пусть украсят пестрыми одеждами

Святочтимую Плутониду, следуя моему пророчеству. Это
послужит препятствием для бедствий.

Самое прекрасное и желанное на земле

Пусть предстанет глазам смертных, и пусть они принесут это

По моему пророчеству в качестве общего дара царственной Деве

³⁵ Там, где благодаря Деметре и Непорочной Персефоне

От вашей родины будет отведено навсегда ярмо.

Там Подземному Плутону кровь черного быка,

Блестяще украшенного, с пастухом, который

Искусно, вместе с другими мужчинами, доверясь предсказанию
оракула,

⁴⁰ Принесет быка в жертву.

И пусть неверящий муж не присоединяется к обряду,

А лучше пусть останется в стороне, как это положено человеку

Неверящему и имеющему жертву невкушаемую.

Но если кто подойдет туда из тех, кто знает оракул,

⁴⁵ Пусть он примет участие в жертвоприношениях святочтимому Фебу,
Благочестиво сжигая тучные бедра на алтарях
И принося в жертву самую молодую из белых коз: однако знайте все,
Пусть умоляет Феба Пеана проситель с покрытой головой,
Чтобы предотвратить бедствия.

⁵⁰ И вернувшись оттуда, Гере Царице,
Как подобает, по обычаю предков принесет в жертву белую корову,
И пусть самые знатные из женщин пропоют гимн
(пропущено две строки)
...и эту землю своих противников они стали возделывать, и эту землю Кум
Они не хитростью, но силой

⁵⁵ Заселили. И вечно юной Царице они установили кумир и возвели храм Гере по обычаю предков.
Если вы повинуетесь моим словам, сама Богиня снизойдет к вам,
И тогда нужно последовать за этой священной владычицей
И совершить по обычаю возлияние без вина столько раз, сколько дней в году.

⁶⁰ И в течение долгого времени следует то же самое повторять, а не от случая к случаю.
И если это будет сделано, всегда у вас будет благополучие;
Кроме того, вы должны зарезать ягненка, посвятив его подземным богам.
И когда у вас повсюду будет много святилищ, посвященных Гере,
И когда одновременно будет исполнено, что я сказала, то знайте точно:

⁶⁵ Из моих листьев, которыми я завесила глаза,
Когда я коснусь листьев небесных олив,
Тогда вы избегнете бедствий;
Когда наступит время, в которое родится новое поколение,
Тогда троянец освободит вас от бедствий вместе с землей Эллады.

⁷⁰ А кроме того, приблизится исполнение прорицания.

(далее текст испорчен)

Фрагмент 11

(1) Несколько лет тому назад в Мессении, как говорит Аполлоний, после сильных бурь и наводнения был обнаружен расколотый каменный пифос и из него выпала голова, втрое больше, чем обычная человеческая. Во рту было два ряда зубов. (2) Когда стали расследовать, чья же это голова, то нашли высеченную в камне надпись «Ид». Мессенцы на общественные

средства сделали новый пифос, положили в него голову и с почтением относились к останкам этого героя: они поняли, что он – тот самый, о котором Гомер сказал:

И могучего Ида, храбрейшего меж земнородных
Оных времен: на царя самого, стрелоносного Феба,
Поднял он лук за супругу свою, легконогую нимфу.

Фрагмент 12

В Далмации, в так называемой пещере Артемиды, можно увидеть много мертвых тел с ребрами в 11 локтей.

Фрагмент 13

Аполлоний-грамматик сообщает, что в правление Тиберия Нерона случилось землетрясение, во время которого совершенно исчезли многие знаменитые города Малой Азии, которые Тиберий впоследствии восстановил за свой собственный счет. Вследствие этого народ воздвиг и посвятил ему колоссальную статую позади храма Венеры, который находится на римском форуме, а также каждый город установил статуи.

Фрагмент 14

(1) Так же и в Сицилии немало городов пострадало от землетрясения, в том числе и в окрестности Регия; почувствовали это землетрясение даже некоторые племена, живущие возле Понта. (2) И в трещинах, образовавшихся на земле, стали видны огромнейшие мертвые тела; жители, пораженные их величиной, побоялись сдвинуть их с места и в качестве образца послали в Рим зуб, извлеченный у одного из мертвецов; зуб этот был длиной не меньше, а пожалуй, даже больше одной пяди. (3) После, показав этот зуб Тиберию, спросили его, не хочет ли он перенести к себе тело героя, которому этот зуб принадлежит. Тиберий же рассудил весьма разумно: он не захотел себя лишиться возможности узнать величину найденного трупа и в то же время хотел избежать опасности осквернить могилу. (4) Поэтому он позвал к себе одного известного геометра, Пульхра, которого он очень уважал за его искусство, и велел ему вылепить голову, соответствующую по размерам величине этого зуба. Пульхр измерил зуб и вычислил, какова должна быть величина всего тела и лица. Он быстро закончил свою работу и принес ее императору; а император сказал, что он вполне удовлетворен тем, что видел, велел отослать зуб обратно и вставить его туда, откуда его вынули.

Фрагмент 15

(1) Не следует также относиться с недоверием к рассказам о том, что в Египте есть местность, называемая Нитры, где показывают мертвые тела не меньшие по размеру, чем те, о которых было сказано. Однако эти тела не погребены в земле, а лежат открыто, у всех на виду. Члены их не сдвинуты и не перемещены, а положены в полном порядке: всякий, подойдя к ним, сразу ясно увидит, где бедренные кости, где кости голени, где другие члены. (2) Не верить этому нет оснований, ибо надо принять во внимание вот что: сперва природа, сильная и цветущая, порождает произведения подобные богам; а когда она стала увядать, то и величина ее порождений увяла вместе с ней.

Фрагмент 16

Я слышал также рассказы о находках костей на Родосе, которые столь огромны по сравнению с человеческими останками нынешних людей, что намного превосходят их.

Фрагмент 17

Говорят также, что возле Афин есть остров, который афиняне хотели обнести стенами; а при закладке фундамента они натолкнулись на гробницу длиной в сто локтей: в ней лежал скелет такой же величины, а на гробнице была надпись:

Я, Макросирид, лежу на острове малом:
Пять тысяч лет я прожил на земле.

Фрагмент 18

Евмах в своем сочинении «Описание земли» сообщает, что когда карфагеняне окружали свою территорию рвом, то в раскопках нашли гробницу с двумя мертвыми телами. Одно из них было ростом в 24 локтя, а другое – в 23 локтя.

Фрагмент 19

(1) Феопомп Синопский в своем сочинении «О землетрясениях» сообщает, что на Боспоре Киммерийском случилось землетрясение, в результате которого рассекся один холм, открыв кости огромных размеров. Обнаружили, что скелет составляет 24 локтя в длину. (2) Он говорит, что местные варвары выбросили останки в Меотиду.

Фрагмент 20

Нерону принесли ребенка, у которого было четыре головы и такое же число остальных членов, когда архонтом в Афинах был Фрасил, а консулами в Риме – Публий Петроний Турпилиан и Цезенний Пет.

Фрагмент 21

Еще один ребенок родился с головой, выходящей из его левого плеча.

Фрагмент 22

Необычное знамение случилось в Риме, когда архонтом в Афинах был Дейнофил, а консулами в Риме – Квинт Вераний и Гай Помпей Галл. Досточтимая служанка, принадлежащая жене преторианца Реция Тавра, родила обезьяну.

Фрагмент 23

Жена Корнелия Галликана неподалеку от Рима родила ребенка с головой Анубиса, когда архонтом в Афинах был Демострат, а консулами в Риме – Авл Лициний Нерва Силиан и Марк Вестин Аттик.

Фрагмент 24

Женщина из города Тридента в Италии произвела на свет свернувшихся в клубок змей, когда цезарь Домициан в девятый раз был консулом в Риме, а Петилий Руф – консулом во второй раз; архонта в Афинах не было.

Фрагмент 25

В Риме некая женщина родила двухголового младенца, которого по настоянию жрецов выбросили в Тибр. Это случилось, когда архонтом в Афинах был Адриан, ставший позже императором, а консулами в Риме в шестой раз были император Траян и Тит Секстий Африкан.

Фрагмент 26

Врач Дорофей сообщает в своих «Достопамятных записках», что в Александрии Египетской родил кинед; из-за этого чуда новорожденный младенец был забальзамирован и хранится еще до сих пор.

Фрагмент 27

То же самое случилось в Германии в римской армии, которой командовал Тит Куртилий Манциат. Мужчина, раб одного из солдат, родил. Это произошло, когда архонтом в Афинах был Конон, а консулами в Риме – Квинт Волусий Сатурнин и Публий Корнелий Сципион.

Фрагмент 28

Антигон сообщает, что в Александрии какая-то женщина за четыре раза родила двадцать детей и что большинство из них выжили.

Фрагмент 29

(1) В том же городе другая женщина родила пятерню; трое из них были мальчики, а две – девочки; император Траян приказал воспитать их за его собственный счет. (2) На следующий год та же женщина родила еще тройню.

Фрагмент 30

Гиппострат в сочинении «О Миносе» сообщает, что Эгипт родил пятьдесят сыновей от жены Эвриррой, дочери Нила.

Фрагмент 31

Так же и Данай имел пятьдесят дочерей от жены Европы, дочери Нила.

Фрагмент 32

Кратер, брат царя Антигона, сообщает, что ему рассказывали о человеке, который в течение семи лет побывал ребенком, юношей, мужчиной и стариком, а затем умер, успев жениться и произвести потомство.

Фрагмент 33

Мегасфен сообщает, что женщины, проживавшие в Падаёе, рожали в возрасте шести лет.

Фрагмент 34

(1) В Сауне, городе в Аравии, был найден гиппокентавр, живший на очень высокой горе, изобилующей смертельным ядом; яд называется так же, как и город, и из всех ядов он самый страшный и быстродействующий. (2) Когда царь захватил этого гиппокентавра живым, он решил послать его вместе с другими дарами цезарю в Египет. Гиппокентавр питался мясом; но, не вынеся перемены климата, умер, и наместник Египта набальзамировал его и послал в Рим. (3) Гиппокентавра сперва показывали на Палатине: лицо у него было хотя и человеческое, но очень страшное, руки и пальцы волосатые, ребра срослись с верхней частью бедер и животом. У него были крепкие конские копыта и ярко-рыжая грива, хотя от бальзамирования она почернела так же, как и кожа. Роста он был не такого огромного, как его рисуют, но все же не малого.

Фрагмент 35

(1) Говорят, что в этом городе встречались и другие гиппокентавры. А если кто не верит, то он может увидеть воочию того, который был послан в Рим; он находится в императорских хранилищах, набальзамированный, как я уже сказал.

ДИОГЕН ЛАЭРТСКИЙ ⁶¹

О ЖИЗНИ, УЧЕНИЯХ И ИЗРЕЧЕНИЯХ ЗНАМЕНИТЫХ ФИЛОСОФОВ

Книга вторая 5. Сократ

(18) *Сократ, сын скульптора Софрониска и повивальной бабки Фенареты* (по словам Платона в «Феэтете»), *афинянин, из дема Алопеки*. Думали, что он помогает писать Еврипиду; поэтому Мнесилох говорит так:

«Фригийцы» – имя драме Еврипидовой,
Сократовыми фигами откормленной.

И в другом месте:

Гвоздем Сократа Еврипид сколоченный.

Каллий пишет в «Пленниках»:

– Скажи, с какой ты стати так заважничал?
– Причина есть; Сократ – ее название!

И Аристофан в «Облаках»:

– Для Еврипида пишет он трагедии,
В которых столько болтовни и мудрости.

(19) По сведениям некоторых, он был слушателем Анаксагора, а по сведениям Александра в «Преемствах» – также и Дамона. После осуждения Анаксагора он слушал Архелая-физика и даже (по словам Аристоксена) был его заложником. Дурид уверяет, что он также был рабом и работал по камню: одетые Хариты на Акрополе, по мнению некоторых, принадлежат ему. Оттого и Тимон говорит в «Силлах»:

Но отклонился от них камнедел и законоположник,
Всей чарователь Эллады, искуснейший в доводах тонких,
С полутатической солью всех риториков перешутивший.

В самом деле, он был силен и в риторике (так пишет Идоменей), а Тридцать тиранов даже запретили ему обучать словесному искусству (так пишет Ксенофонт); (20) и Аристофан насмеяется в комедии, будто он слабую речь делает сильной. Фаворин в «Разнообразном повество-

⁶¹ Текст дается по изданию: *Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов* / Ред. тома и авт. вступит. ст. А. Ф. Лосев; пер. М. Л. Гаспарова. 2-е изд. М.: Мысль, 1986. С. 98–107, 307–320 (1-е изд. М.: Мысль, 1979).

вании» говорит, будто Сократ со своим учеником Эхином первыми занялись преподаванием риторики; о том же пишет Идоменей в книге «О сократиках».

Он первым стал рассуждать об образе жизни и первым из философов был казнен по суду. Аристоксен, сын Спинфара, уверяет, что он даже наживался на перекупках: вкладывал деньги, собирав прибыль, тратил ее и начинал сначала.

Освободил его из мастерской и дал ему образование Критон, привлеченный его душевной красотой (так пишет Деметрий Византийский). (21) Поняв, что философия физическая нам безразлична, он стал рассуждать о нравственной философии по рынкам и мастерским, исследуя, по его словам,

Что у тебя и худого и доброго в доме случилось.

Так как в спорах он был сильнее, то нередко его колотили и таскали за волосы, а еще того чаще осмеивали и поносили; но он принимал все это не противясь. Однажды даже получив пинок, он и это стерпел, а когда кто-то подивился, он ответил: «Если бы меня лягнул осел, разве стал бы я подавать на него в суд?» Все это сообщает Деметрий Византийский.

(22) В противоположность большинству философов он не стремился в чужие края – разве что если нужно было идти в поход. Все время он жил в Афинах и с увлечением спорил с кем попало – не для того, чтобы переубедить их, а для того, чтобы доискаться до истины. Говорят, Еврипид дал ему сочинение Гераклита и спросил его мнение; он ответил: «Что я понял – прекрасно; чего не понял, наверное, тоже: только, право, для такой книги нужно быть делосским ныряльщиком».

Он занимался телесными упражнениями и отличался добрым здоровьем. Во всяком случае, он участвовал в походе под Амфиполь, а в битве при Делии спас жизнь Ксенофону, подхватив его, когда тот упал с коня. (23) Среди повального бегства афинян он отступал, не смешиваясь с ними, и спокойно оборачивался, готовый отразить любое нападение. Воевал он и при Потидее (поход был морской, потому что пеший путь закрыла война); это там, говорят, он простоял не шевельнувшись целую ночь, и это там он получил награду за доблесть, но уступил ее Алкивиаду – с Алкивиадом он находился даже в любовных отношениях, говорит Аристипп в IV книге «О роскоши древних». В молодости он с Архелаем ездил на Самос (так пишет Ион Хиосский), был и в Дельфах (так пишет Аристотель), а также на Истме (так пишет Фаворин в I книге «Записок»).

(24) Он отличался твердостью убеждений и приверженностью к демократии. Это видно из того, что он ослушался Крития с товарищами, когда они велели привести к ним на казнь Леонта Саламинского, богатого человека; он один голосовал за оправдание десяти стратегов; а имея возможность бежать из тюрьмы, он этого не сделал и друзей своих, плакавших о нем, упрекал, обращая к ним в темнице лучшие свои речи.

Он отличался также достоинством и независимостью. Однажды Алкивиад (по словам Памфилы в VII книге «Записок») предложил ему большой участок земли, чтобы выстроить дом; Сократ ответил: «Если бы мне нужны были сандалии, а ты предложил бы мне для них целую бычью кожу, разве не смешон бы я стал с таким подарком?» (25) Часто он говаривал, глядя на множество рыночных товаров: «Сколько же есть вещей, без которых можно жить!» И никогда не уставал напоминать такие ямбы:

И серебро, и пурпурная мантия
На сцене хороши, а в жизни ни к чему.

К Архелаю Македонскому, к Скопасу Краннонскому, к Еврилоху Ларисейскому он относился с презрением, не принял от них подарков и не поехал к ним. И он держался настолько здорового образа жизни, что, когда Афины охватила чума, он один остался невредим.

(26) По словам Аристотеля, женат он был дважды: первый раз на Ксантиппе, от которой у него был сын Лампрокл, и во второй раз – на Мирто, дочери Аристида Справедливого, которую он взял без приданого и имел от нее сыновей Софрониска и Менексена. Другие говорят, что Мирто была его первой женой, а некоторые (в том числе Сатир и Иероним Родосский) – что он был женат на обеих сразу: по их словам, афиняне, желая возместить убыль населения, постановили, чтобы каждый гражданин мог жениться на одной женщине, а иметь детей также и от другой, – так поступил и Сократ.

(27) Он умел не обращать внимания на насмешников. Своим простым житьем он гордился, платы ни с кого не спрашивал. Он говорил, что лучше всего есть тогда, когда не думаешь о закуске, и лучше всего пьешь, когда не ждешь другого питья: чем меньше человеку нужно, тем ближе он к богам. Это можно заключить и по стихам комедиографов, которые сами не замечают, как их насмешки оборачиваются ему в похвалу. Так, Аристофан пишет:

Человек! Пожелал ты достигнуть у нас озарения мудрости высшей,
—
О, как счастлив, как славен ты станешь тогда среди эллинов всех
и афинян,
Если внимателен будешь, прилежен умом, если есть в тебе сила
терпенья,
И, не зная усталости, зная в себя ты вбирать будешь, стоя и лежа,
Холодая, не будешь стонать и дрожать, голодая, еды не попросишь,
От попок уйдешь, от обжорства бежишь, не пойдешь по пути
безрассудства...

(28) И Амипсий выводит его на сцену в грубом плаще с такими словами:

– Вот и ты, о Сократ, меж немногих мужей самый лучший и самый
пустейший!
Ты отменно силен! Но скажи, но открой: как добыть тебе плащ
поприличней?
– По кожевничьей злобе на плечи мои я надел это горькое горе.
– Ах, какой человек! Голодает, чуть жив, но польстить ни за что
не захочет!

Тот же гордый и возвышенный дух его показан и у Аристофана в следующих словах:

Ты же тем нам приятен, что бродишь босой, озираясь направо,
налево,
Что тебе нипочем никакая беда, – лишь на нас ты глядишь,
обожая.

Впрочем, иногда, применительно к обстоятельствам, он одевался и в лучшее платье – например, в Платоновом «Пире» по дороге к Агафону.

(29) Он одинаково умел как убедить, так и разубедить своего собеседника. Так, рассуждая с Феэтетом о науке, он, по словам Платона, оставил собеседника божественно одухотворенным; а рассуждая о благочестии с Евтифроном, подавшим на отца в суд за убийство гостя,

он отговорил его от этого замысла; также и Лисия обратил он к самой высокой нравственности. Дело в том, что он умел извлекать доводы из происходящего. Он помирил с матерью сына своего Лампрокла, рассердившегося на нее (как о том пишет Ксенофонт); когда Главкон, брат Платона, задумал заняться государственными делами, Сократ разубедил его, показав его неопытность (как пишет Ксенофонт), а Хармида, имевшего к этому природную склонность, он, наоборот, ободрил. (30) Даже стратегу Ификрату он придал духу, показав ему, как боевые петухи цирюльника Мидия налетают на боевых петухов Каллия. Главконид говорил, что городу надо бы содержать Сократа [как украшение], словно фазана или павлина.

Он говорил, что это удивительно: всякий человек без труда скажет, сколько у него овец, но не всякий сможет назвать, скольких он имеет друзей, – настолько они не в цене. Посмотрев, как Евклид наострился в словопрениях, он сказал ему: «С софистами, Евклид, ты сумеешь обойтись, а вот с людьми – навряд ли». В подобном пустословии он не видел никакой пользы, что подтверждает и Платон в «Евфидеме». (31) Хармид предлагал ему рабов, чтобы жить их оброком, но он не принял; и даже к красоте Алкивиада, по мнению некоторых, он остался равнодушным. А досуг он восхвалял как драгоценнейшее достояние (о том пишет и Ксенофонт в «Пире»).

Он говорил, что есть одно только благо – знание и одно только зло – невежество. Богатство и знатность не приносят никакого достоинства – напротив, приносят лишь дурное. Когда кто-то сообщил ему, что Антисфен родился от фракиянки, он ответил: «А ты думал, что такой благородный человек мог родиться только от полноправных граждан?» А когда Федон, оказавшись в плену, был отдан в блудилище, то Сократ велел Критону его выкупить и сделать из него философа. (32) Уже стариком он учился играть на лире: разве неприлично, говорил он, узнавать то, чего не знал? Плясал он тоже с охотой, полагая, что такое упражнение полезно для крепости тела (так пишет и Ксенофонт в «Пире»).

Он говорил, что его демоний предсказывает ему будущее; что хорошее начало не мелочь, хоть начинается и с мелочи; что он знает только то, что ничего не знает; говорил, что те, кто задорого покупают скороспелое, видно, не надеются дожить до зрелости. На вопрос, в чем добродетель юноши, он ответил: «В словах: ничего сверх меры». Геометрия, по его выражению, нужна человеку лишь настолько, чтобы он умел мерить землю, которую приобретает или сбывает. (33) Когда он услышал в драме Еврипида такие слова о добродетели:

... Не лучше ль
Пустить ее на произвол судьбы... —

то он встал и вышел вон: не смешно ли, сказал он, что пропавшего раба мы не ленимся искать, а добродетель пускаем гибнуть на произвол судьбы? Человеку, который спросил, жениться ему или не жениться, он ответил: «Делай что хочешь – все равно раскаешься». Удивительно, говорил он, что ваятели каменных статуй бьются над тем, чтобы камню придать подобие человека, и не думают о том, чтобы самим не быть подобием камня. А молодым людям советовал он почаще смотреть в зеркало: красивым – чтобы не срамить своей красоты, безобразным – чтобы воспитанием скрасить безобразие.

(34) Однажды он позвал к обеду богатых гостей, и Ксантиппе было стыдно за свой обед. «Не бойся, – сказал он, – если они люди порядочные, то останутся довольны, а если пустые, то нам до них дела нет». Он говаривал, что сам он ест, чтобы жить, а другие люди живут, чтобы есть. Нестоящую чернь он сравнивал с человеком, который одну поддельную монету отвергнет, а груды их примет за настоящие. Когда Эсхин сказал: «Я беден, ничего другого у меня нет, так возьми же меня самого», он воскликнул: «Разве ты не понимаешь, что нет подарка дороже?!» Кто-то жаловался, что на него не обратили внимания, когда тридцать тиранов пришли к власти; «Ты ведь не жалеешь об этом?» – сказал Сократ.

(35) Когда ему сказали: «Афиняне тебя осудили на смерть», он ответил: «А природа осудила их самих». (Впрочем, другие приписывают эти слова Анаксагору). «Ты умираешь безвинно», – говорила ему жена; он возразил: «А ты бы хотела, чтобы заслуженно?» Во сне он видел, что кто-то ему промолвил:

В третий день, без сомнения, Фтии достигнешь холмистой.

«На третий день я умру», – сказал он Эсхину. Он уже собирался пить цикуту, когда Аполлодор предложил ему прекрасный плащ, чтобы в нем умереть. «Неужели мой собственный плащ годился, чтобы в нем жить, и не годится, чтобы в нем умереть?» – сказал Сократ.

Ему сообщили, что кто-то говорит о нем дурно. «Это потому, что его не научили говорить хорошо», – сказал он в ответ. (36) Когда Антисфен повернулся так, чтобы выставить напоказ дыры в плаще, он сказал Антисфену: «Сквозь этот плащ мне видно твое тщеславие». Его спросили о ком-то: «Разве этот человек тебя не задевает?» – «Конечно, нет, – ответил Сократ, – ведь то, что он говорит, меня не касается». Он утверждал, что надо принимать даже насмешки комиков: если они поделом, то это нас исправит, если нет, то это нас не касается.

Однажды Ксанטיפпа сперва разругала его, а потом окатила водой. «Так я и говорил, – промолвил он, – у Ксанטיפпы сперва гром, а потом дождь». Алкивиад твердил ему, что ругань Ксанטיפпы непереносима; он ответил: «А я к ней привык, как к вечному скрипу колеса. Переносишь ведь ты гусиный гогот?» (37) – «Но от гусей я получаю яйца и птенцов к столу», – сказал Алкивиад. «А Ксанטיפпа рождает мне детей», – отвечал Сократ. Однажды среди рынка она стала рвать на нем плащ; друзья советовали ему защищаться кулаками, но он ответил: «Зачем? чтобы мы лупили друг друга, а вы покрикивали: „Так ее, Сократ! так его, Ксанטיפпа!“?» Он говорил, что сварливая жена для него – то же, что норовистые кони для наездников: «Как они, одолев норовистых, легко справляются с остальными, так и я на Ксанטיפпе учусь обхождению с другими людьми».

(38) За такие и иные подобные слова и поступки удостоился он похвалы от пифии, которая на вопрос Херефонты ответила знаменитым свидетельством:

Сократ превыше всех своею мудростью.

За это ему до крайности завидовали, тем более что он часто обличал в неразумии тех, кто много думал о себе. Так обошелся он и с Анитом, о чем свидетельствует Платон в «Меноне»; а тот, не вынесши его насмешек, сперва натравил на него Аристофана с товарищами, а потом уговорил и Мелета подать на него в суд за нечестие и развращение юношества. С обвинением выступил Мелет, речь говорил Полиевкт (так пишет Фаворин в «Разнообразном повествовании»), а написал ее софист Поликрат (так пишет Гермипп) или, по другим сведениям, Анит; всю нужную подготовку устроил демагог Ликон. (39) Антисфен в «Преимствах философов» и Платон в «Апологии» подтверждают, что обвинителей было трое – Анит, Ликон и Мелет: Анит был в обиде за ремесленников и политиков, Ликон – за риториков, Мелет – за поэтов, ибо Сократ высмеивал и тех, и других, и третьих. Фаворин добавляет (в I книге «Записок»), что речь Поликрата против Сократа неподлинная: в ней упоминается восстановление афинских стен Кононом, а это произошло через шесть лет после Сократовой смерти. Вот как было дело.

(40) Клятвенное заявление перед судом было такое (Фаворин говорит, что оно и по сей час сохраняется в Метрооне): «Заявление подал и клятву принес Мелет, сын Мелета из Питфа, против Сократа, сына Софрониска из Алопеки: Сократ повинен в том, что не чтит богов, которых чтит город, а вводит новые божества, и повинен в том, что развращает юношество; а наказание за то – смерть». Защитительную речь для Сократа написал Лисий; философ, прочитав ее, сказал: «Отличная у тебя речь, Лисий, да мне она не к лицу», – ибо слишком явно речь

эта была скорее судебная, чем философская. (41) «Если речь отличная, – спросил Лисий, – то как же она тебе не к лицу?» «Ну а богатый плащ или сандалии разве были бы мне к лицу?» – отвечал Сократ.

Во время суда (об этом пишет Юст Тивериадский в «Венке») Платон взобрался на помост и начал говорить: «Граждане афиняне, я – самый молодой из всех, кто сюда всходил...» – но судьи закричали: «Долой! долой!» Потому Сократ и был осужден большинством в 281 голос. Судьи стали определять ему кару или пеню: Сократ предложил уплатить двадцать пять драхм (а Евбулид говорит, что даже сто). (42) Судьи зашумели, а он сказал: «По заслугам моим я бы себе назначил вместо всякого наказания обед в Пританее».

Его приговорили к смерти, и теперь за осуждение было подано еще на 80 голосов больше. И через несколько дней в тюрьме он выпил цикуту. Перед этим он произнес много прекрасных и благородных рассуждений (которые Платон приводит в «Федоне»), а по мнению некоторых, сочинил и пеан, который начинается так:

Слава тебе, Аполлон Делиец с сестрой Артемидой!

(Впрочем, Дионисодор утверждает, что пеан принадлежит не ему.) Сочинил он и эзоповскую басню, не очень складную, которая начинается так:

Некогда молвил Эзоп обитателям града Коринфа:
Кто добродетелен, тот выше людского суда.

(43) Так расстался он с людьми. Но очень скоро афиняне раскаялись: они закрыли палестры и гимназии, Мелета осудили на смерть, остальных – на изгнание, а в честь Сократа воздвигли бронзовую статую работы Лисиппа, поместив ее в хранилище утвари для торжественных шествий; а когда Анит приехал в Гераклею, гераклеяцы в тот же день выслали его вон. И не только за Сократа, но и за многих других приходилось раскаиваться афинянам: с Гомера они (по словам Гераклида) взяли 50 драхм пени как с сумасшедшего; Тиртея называли помешанным; и из всех Эсхиловых товарищей первому воздвигли бронзовую статую Астидаманту. (44) Недаром Еврипид укоряет их в своем «Паламее»:

...Сгубили, сгубили вы
Соловья Аонид, премудрого, не преступного.

Вот как об этом пишут; впрочем, Филохор утверждает, что Еврипид умер раньше Сократа.

Родился он (как сообщает Аполлодор в «Хронологии») при архонте Апсефионе, в четвертый год 77-й олимпиады, шестого Фаргелиона, когда афиняне совершают очищение города, а делосцы отмечают рождение Артемиды. Скончался он в первый год 95-й олимпиады в возрасте 70 лет. Так пишет Деметрий Фалерский; но некоторые считают, что при кончине ему было шестьдесят лет. (45) Слушателем Анаксагора он был вместе с Еврипидом, который родился в первый год 75-й олимпиады, при архонте Каллиаде.

Я полагаю, что Сократ вел беседы и о физике – во всяком случае, даже Ксенофонт хоть и утверждает, будто беседы его были только об этике, но признает, что он рассуждал и о провидении; и Платон хоть и упоминает в «Апологии», как Сократ отрекается от Анаксагора и прочих физиков, но сам же рассуждает об их предметах, приписывая все свои речи Сократу.

По словам Аристотеля, некий маг, пришедший из Сирии в Афины, заранее предсказал Сократу в числе других бедствий и его насильственную смерть.

(46) Вот и мои о нем стихи:

Пей у Зевса в чертоге, Сократ! Ты назван от бога
Мудрым, а мудрость сама разве не истинный бог?
Ты смертоносную принял цикуту от судей афинских —
Но не тебе, а себе смерть обрели они в ней.

Поносителями Сократа были Антилох Лемносский и гадатель Антифонт (так пишет Аристотель в III книге «Поэтики»); так и Пифагора поносил Килон Кротонский, Гомера – Сиагр при жизни и Ксенофан Колофонский посмертно, Гесиода – Керкоп при жизни и тот же Ксенофан посмертно, Пиндара – Амфимен Косский, Фалеев – Ферекид, Бианта – Салар Приенский, Питтака – Антименид и Алкей, Анаксагора – Сосибий, Симонида – Тимокреонт.

(47) Преемниками его были так называемые сократики, из которых главные – Платон, Ксенофонт, Антисфен, а из десяти основателей школ – четверо известнейших: Эсхин, Федон, Евклид и Аристипп. Прежде всего я скажу о Ксенофонте, Антисфена отложу до киников, перейду к сократикам, от них к Платону, а с Платона начинается десять школ, и сам он был основателем первой Академии. Такова будет последовательность нашего изложения.

Был и другой Сократ, историк, сочинивший описание Аргоса; третий – перипатетик из Вифинии; четвертый – сочинитель эпиграмм и пятый – с острова Коса, писавший о прозвищах богов.

Книга восьмая. 1. Пифагор

(1) Теперь, когда мы обошли всю ионийскую философию, что вела начало от Фалеев, и упомянули в ней всех, кто достоин упоминания, перейдем к философии италийской, которой положил начало

Пифагор, сын Мнесарха – камнереза, родом *самосец* (как говорит Гермипп) или тирронец (как говорит Аристоксен) с одного из тех островов, которыми завладели афиняне, выгнав оттуда тирренцев. Некоторые же говорят, что он был сын Мармака, внук Гиппаса, правнук Евтифрона, праправнук Клеонима, флиунтского изгнанника, и так как Мармак жил на Самосе, то и Пифагор называется самосцем.

(2) Переехав на Лесбос, он через своего дядю Зоила познакомился там с Ферекидом. А изготовив три серебряные чаши, он отвез их в подарок египетским жрецам. У него были два брата, старший Евном и младший Тиррен, и был раб Замолксис, которого геты почитают Кроносом и приносят ему жертвы (по словам Геродота). Он был слушателем, как сказано, Ферекида Сиросского, а после смерти его поехал на Самое слушать Гермодаманта, Креофилова потомка, уже старца. Юный, но жаждущий знания, он покинул отечество для посвящения во все таинства, как эллинские, так и варварские: (3) он появился в Египте, и Поликрат верительным письмом свел его с Амасисом, он выучил египетский язык (как сообщает Антифонт в книге «О первых в добродетели»), он явился и к халдеям, и к магам. Потом на Крите он вместе с Эпименидом спустился в пещеру Иды, как и в Египте в тамошние святилища, и узнал о богах самое сокровенное. А вернувшись на Самое и застав отечество под тиранией Поликрата, он удалился в италийский Кротон; там он написал законы для италийцев и достиг у них великого почта вместе со своими учениками, числом до трехсот, которые вели государственные дела так отменно, что поистине это была аристократия, что значит «владычество лучших».

(4) О себе он говорил (по словам Гераклида Понтийского), что некогда он был Эфалидом и почитался сыном Гермеса; и Гермес предложил ему на выбор любой дар, кроме бессмертия, а он попросил оставить ему и живому и мертвому память о том, что с ним было. Поэтому и при жизни он помнил обо всем, и в смерти сохранил ту же память. В последствии времени он вошел в Евфорба, был ранен Менелаем; и Евфорб рассказывал, что он был когда-то Эфалидом, что

получил от Гермеса его дар, как странствовала его душа, в каких растениях и животных она оказывалась, что претерпела она в Аиде и что терпят там остальные души. (5) После смерти Евфорба душа его перешла в Гермотима, который, желая доказать это, явился в Бранхиды и в храме Аполлона указал щит, посвященный богу Менелаем, – отплывая от Трои, говорил он, Менелай посвятил Аполлону этот щит, а теперь он уже весь прогнил, оставалась только обделка из слоновой кости. После смерти Гермотима он стал Пирром, делосским рыбаком, и по-прежнему все помнил, как он был сперва Эфалидом, потом Евфорбом, потом Гермотимом, потом Пирром. А после смерти Пирра он стал Пифагором и тоже сохранил память обо всем вышесказанном.

(6) Некоторые говорят вздор, будто Пифагор не оставил ни одного писаного сочинения. Но сам физик Гераклит чуть не в голос кричит: «Пифагор, сын Мнесарха, превыше всех людей занимался изысканиями и, отобрав эти сочинения, создал свою мудрость, свое многознание, свое дурнописание». Так он судит потому, что сам Пифагор в начале сочинения «О природе» пишет: «Нет, клянусь воздухом, которым дышу, клянусь водой, которую пью, не приму я хулы за эти слова...» В действительности же Пифагором написаны три сочинения: «О воспитании», «О государстве» и «О природе». (7) А сочинение, приписываемое Пифагору, принадлежит Лисиду, тарентскому пифагорейцу, который бежал в Фивы и был учителем Эпаминонда. Далее, Гераклид, сын Сарапиона, в «Обзоре Сотииона» утверждает, что Пифагор написал, во-первых, книгу в стихах «О целокупном», во-вторых, «Священное слово», которое начинается так:

Юноши, молча почтите вниманием это вещанье...

в-третьих, «О душе», в-четвертых, «О благочестии», в-пятых, «Элофал, отец Эпихарма Косского», в-шестых, «Кротон» и другие произведения; но «Слово о таинствах» написано Гиппасом, чтобы опорочить Пифагора, и многие сочинения Астона Кротонского тоже приписываются Пифагору. (8) Далее, Аристоксен утверждает, что большая часть этических положений взята Пифагором у Фемистоклеи, дельфийской жрицы; а Ион Хиосский в «Триадах» утверждает, будто кое-что сочиненное он приписал Орфею. Ему же, по рассказам, принадлежат «Копиды», которые начинаются: «Ни перед кем не бесстыдствуй...»

Сосикрат в «Преимствах» говорит, что на вопрос Леонта, флиунтского тирана, кто он такой, Пифагор ответил «Философ», что значит «любомудр». Жизнь, говорил он, подобна игрищам: иные приходят на них состязаться, иные торговать, а самые счастливые – смотреть; так и в жизни иные, подобные рабам, рождаются жадными до славы и наживы, между тем как философы – до единой только истины. Об этом достаточно.

(9) В трех вышеназванных сочинениях Пифагор вообще говорит вот что. Он запрещает молиться о себе, потому что в чем наша польза, мы не знаем. Пьянство именует он доподлинною пагубой и всякое излишество осуждает: ни в питье, ни в пище, говорит он, не должно преступать соразмерности. О похоти говорит он так: «Похоти уступай зимой, не уступай летом; менее опасна она весной и осенью, опасна же во всякую пору и для здоровья нехороша». А на вопрос, когда надобно слюбяться, ответил: «Всякий раз, как хочешь обессилеть».

(10) Жизнь человеческую он разделял так: «Двадцать лет мальчик, двадцать – юнец, двадцать – юноша, двадцать старец. Возрасты соразмерны временам года: мальчик – весна, юнец – лето, юноша – осень, старец – зима». (Юнец у него молодой человек, юноша – зрелый муж.) Он первый, по словам Тимея, сказал: «У друзей все общее» и «Дружба есть равенство». И впрямь, его ученики сносили все свое добро воедино.

Пять лет они проводили в молчании, только внимая речам Пифагора, но не видя его, пока не проходили испытания; и лишь затем они допускались в его жилище и к его лицезрению. Кипарисовыми гробами они не пользовались, потому что из кипариса сделан скипетр Зевса (об этом говорит Гермипп во II книге «О Пифагоре»).

(11) Видом, говорят, был он величествен, и ученикам казалось, будто это сам Аполлон, пришедший от гипербореев. Рассказывают, что однажды, когда он разделся, у него увидели золотое бедро, а когда он переходил реку Несс, многие уверяли, что она воззвала к нему с приветствием. И Тимей (в книге I «Истории») пишет, что сожительницам мужей он давал божественные имена, называя их Девами, Невестами и потом Матерями.

Это он довел до совершенства геометрию, после того как Мерид открыл ее начатки (так пишет Антиклид во II книге «Об Александре»). (12) Больше всего внимания он уделял числовой стороне этой науки. Он же открыл и разметку монохорда; не пренебрегал он и наукой врачевания. А когда он нашел, что в прямоугольном треугольнике квадрат гипотенузы равен квадрату катетов, то принес богам гекатомбу (как о том говорит Аполлодор-Исчислитель); и об этом есть такая эпиграмма:

В день, когда Пифагор открыл свой чертеж знаменитый,
Славную он за него жертву быками воздвиг.

Говорят, он первый стал держать борцов на мясной пище, и первого среди них – Евримена (так утверждает Фаворин в III книге «Записок»), между тем как раньше они укрепляли тело сухими смоквами, мягким сыром и пшеничным хлебом (как сообщает тот же Фаворин в VIII книге «Разнообразного повествования»). (13) Впрочем, некоторые утверждают, что такое питание установил не философ Пифагор, а какой-то Пифагор-умаститель, ибо философ запрещал даже убивать животных, а тем более ими кормиться, ибо животные имеют душу, как и мы (такой он называл предлог, на самом же деле, запрещая животную пищу, он приучал и принаравливал людей к простой жизни, чтобы они пользовались тем, что нетрудно добыть, ели невареную снедь и пили простую воду, так как только в этом – здоровье тела и ясность ума). Разумеется, единственный алтарь, которому он поклонялся, был делосский алтарь Аполлона-Родителя, что позади алтаря, сложенного из рогов, – ибо на нем приносят лишь безогненные жертвы: пшеницу, ячмень и лепешки, а жертвенных животных – никогда (так говорит Аристотель в «Государственном устройстве делосцев»).

(14) Говорят, он первый заявил, что душа совершает круг неизбежности, чередую облекаясь то в одну, то в другую жизнь; первый ввел у эллинов меры и веса (так говорит Аристоксен-музыковед); первый сказал, что Геспер и Фосфор одна и та же звезда (так говорит Парменид).

Он внушал такое удивление, что даже ближних его называли вещателями божьего гласа; сам же он в своем сочинении утверждает, что вышел к людям, пробыв двести семь лет в Аиде. Вот почему его держались и к речам его сходились и луканы, и певкетии, и мессапы, и римляне. (15) Учение Пифагорова невозможно было узнать до Филолая: только Филолай обнаружил три прославленные книги, на покупку которых Платон послал сто мин. И вот на ночные его рассуждения сходились не менее шестисот слушателей, а кто удостоивался лицезреть его, те писали об этом домашним как о великой удаче. В Метапонте дом его называли святилищем Деметры, а переход при нем – святилищем Муз (так пишет Фаворин в «Разнообразном повествовании»). И остальные пифагорейцы говорили, что не все для всех молвится (как пишет Аристоксен в X книге «Воспитательных законов»); (16) там же он сообщает, что пифагореец Ксенофил на вопрос, как лучше всего воспитывать сына, ответил: «Родить его в благозаконном государстве». Многих и других по всей Италии сделал Пифагор прекрасными и благородными мужами, например законодателей Залевка и Харонда, ибо велика была сила его дружбы, и когда он видел человека, знакомого с его знаками, то принимал его тотчас в товарищи и делал себе другом.

(17) Знаки у него были такие: огонь ножом не разгребать; через весы не переступать; на хлебной мере не сидеть; сердце не есть; ношу помогать не взваливать, а сваливать; постель

держат свернутой; изображения бога в перстне не носить; горшком на золе следа не оставлять; малым факелом сиденья не осушать; против солнца не мочиться; по неторным тропам не ходить; руку без разбора не подавать; ласточек под крышей не держать; кривокогтых не кормить; на обрезки ногтей и волос не наступать и не мочиться; нож держать острием от себя; переходя границу, не оборачиваться. (18) Этим он хотел сказать вот что. Огонь ножом не разгребать – значит во владыках гнев и надменный дух не возбуждать. Через весы не переступить – значит равенства и справедливости не преступать. На хлебную меру не садиться – значит о нынешнем и будущем заботиться равно, ибо хлебная мера есть наша дневная пища. Сердца не есть – не подтачивать душу заботами и страстями. Уходя на чужбину, не оборачиваться – расставаясь с жизнью, не жалеть о ней и не обольщаться ее уладами. По этому же подобию истолковывается и остальное, на чем нет надобности останавливаться.

(19) Более же всего заповедовал он не есть краснушки, не есть чернохвостки, воздерживаться от сердца и от бобов, а иногда (по словам Аристотеля) также и от матки и морской ласточки. Сам же он, как повествуют некоторые, довольствовался только медом или сотами или хлебом, вина в дневное время не касался, на закуску обычно ел овощи вареные и сырые, а изредка – рыбу. Одежда его была белая и чистая, постельная ткань – белая шерстяная, ибо лен в тех местах еще не стал известен. В излишествах он никогда не был замечен – ни в еде, ни в любви, ни в питье; (20) воздерживался от смеха и всяких потех вроде издевок и пошлых рассказов; не наказывал ни раба, ни свободного, пока был в гневе. Наставление он называл «напряжением». Гадания совершал по голосам, по птицам, но никогда по сжигаемым жертвам, разве что по ладану; и живых тварей никогда не приносил в жертву, разве что (по некоторым известиям) только петухов, молочных козлят и поросят, но никак не агнцев. Впрочем, Аристоксен уверяет, что Пифагор воздерживался только от пахотных быков и от баранов, а остальных животных дозволял в пищу.

(21) Тот же Аристоксен говорит (как уже упоминалось), что учение свое он воспринял от Фемистоклеи Дельфийской. А Иероним говорит, что, когда Пифагор сходил в Аид, он видел там, как за рассказни о богах душа Гесиода стонет, прикованная к медному столбу, а душа Гомера повешена на дереве среди змей, видел и наказания тем, кто не хотел жить со своими женами; за это ему и воздавали почести в Кротоне. И Аристипп Киренский в книге «О физике» говорит, будто Пифагором его звали потому, что он вещал истину непогрешимо, как пифия.

(22) Ученикам своим, говорят, он предписывал всякий раз, входя в свой дом, повторять:

Что я свершил? и в чем согрешил? и чего не исполнил?

Предписывал он не допускать закляний богам и поклоняться лишь бескровным жертвенникам; не клясться богами, а стараться, чтоб вера была твоим собственным словом; чтить старейших, ибо всюду предшествующее почтеннее последующего: восход – заката, начало жизни – конца ее и рождение – гибели. (23) Богов чтить выше демонов, героев выше людей, а из людей выше всего – родителей. В общении держаться так, чтобы не друзей делать врагами, а врагов друзьями. Ничего не мнить своею собственностью. Закону пособлять, с беззаконием воевать. Домашние растения не повреждать и не губить, равно как и животных, если они не опасны людям. Скромность и пристойность – в том, чтобы ни хохотать, ни хмуриться. Тучности избегать, в дороге умерять усталость отдыхом, память упражнять, в гневе ничего не говорить и не делать, гадание всякое чтить. (24) Петь под звуки лиры, песнями возносить должное благодарение богам и хорошим людям. От бобов воздерживаться, ибо от них в животе сильный дух, а стало быть, они более всего причастны душе; и утроба наша без них действует порядочнее, а оттого и сновидения приходят легкие и бестревожные.

Александр в «Преимствах философов» говорит, что в пифагорейских записках содержится также вот что. (25) Начало всего – единица; единице как причине подлежит как веще-

ство неопределенная двоица; из единицы и неопределенной двоицы исходят числа; из чисел – точки; из точек – линии; из них – плоские фигуры; из плоских – объемные фигуры; из них – чувственно воспринимаемые тела, в которых четыре основы – огонь, вода, земля и воздух; перемещаясь и превращаясь целиком, они порождают мир – одушевленный, разумный, шаровидный, в середине которого – земля; и земля тоже шаровидна и населена со всех сторон. (26) Существуют даже антиподы, и наш низ – для них верх. В мире равнодольны свет и тьма, холод и жар, сухость и влажность; если из них возобладает жар, то наступит лето, если холод – зима, если сухость – весна, если влажность – осень, если же они равнодольны – то лучшие времена года. В году цветущая весна есть здоровье, а вянущая осень – болезнь; точно так же и в сутках утро есть расцвет, а вечер – увядание, и поэтому вечер – болезненней. Воздух около земли – застойный и нездоровый, и все, что в этом воздухе, – смертно; а высший воздух – вечнодвижущийся, чистый, здоровый, и все, что в нем есть, – бессмертно и потому божественно. (27) Солнце, луна и прочие светила суть боги, ибо в них преобладает тепло, а оно – причина жизни. Луна берет свой свет от солнца. Боги родственны людям, ибо человек причастен к теплу, – поэтому над нами есть божий промысел. Рок есть причина расположения целого по порядку его частей. Из солнца исходит луч сквозь эфир, даже сквозь холодный и плотный (холодным эфиром называют воздух, а плотным эфиром – море и влажность), тот луч проникает до самых глубин и этим все оживотворяет.

(28) Живет все, что причастно теплу, поэтому живыми являются и растения; душа, однако, есть не во всем. Душа есть отрывок эфира, как теплого, так и холодного – по ее причастности холодному эфиру. Душа – не то же, что жизнь: она бессмертна, ибо то, от чего она оторвалась, бессмертно. Живые существа рождаются друг от друга через семя – рождение от земли невозможно. Семя есть струя мозга, содержащая в себе горячий пар; попадая из мозга в матку, оно производит ихор, влагу и кровь, из них образуются и плоть, и жилы, и кости, и волосы, и все тело, а из пара – душа и чувства. (29) Первая плотность образуется в сорок дней, а затем, по законам гармонии, созревший младенец рождается на седьмой, или на девятый, или, самое большее, на десятый месяц. Он содержит в себе все закономерности жизни, неразрывная связь которых устрояет его по закономерностям гармонии, по которым каждая из них выступает в размеренные сроки. Чувство вообще и зрение в частности есть некий пар особенной теплоты; оттого, говорят, и возможно видеть сквозь воздух и сквозь воду, что теплота встречает сопротивление холода, а если бы пар в наших глазах был холодным, он растворился бы в таком же холодном воздухе. Недаром Пифагор называет очи вратами солнца. Точно так же учит он и о слухе и об остальных чувствах.

(30) Душа человека разделяется на три части: ум (νοῦς), рассудок (φρήν) и страсть (θυμός). Ум и страсть есть и в других живых существах, но рассудок – только в человеке. Власть души распространяется от сердца и до мозга: та часть ее, которая в сердце, – это страсть, а которая в мозге – рассудок и ум; струи же от них – наши чувства. Разумное бессмертно, а остальное смертно. Питается душа от крови. Закономерности души – это дуновения; и она, и они незримы, ибо эфир незрим. (31) Скрепки души – вены, артерии, жилы; а когда она сильна и покоится сама в себе, то скрепками ее становятся слова и дела. Сброшенная на землю, душа скитается в воздухе, подобная телу. Попечитель над душами Гермес, оттого он и зовется Вожаком, Привратником и Преисподним, ибо это он вводит туда души из тел и с земли, и с моря. Чистые души возводит он ввысь, а нечистые ввергаются эриниями в несокрушимые оковы, и нет им доступа ни к чистым, ни друг к другу. (32) Душами полон весь воздух, называются они демонами и героями, и от них посылаются людям сны и знаменья недугов или здравия, и не только людям, но и овцам и прочим скотам; к ним же обращены и наши очищения, умилования, гадания, вещания и все подобное.

Главное для людей, говорил Пифагор, в том, чтобы наставить душу к добру или злу. Счастлив человек, когда душа у него становится доброю; но в покое она не бывает и ровным

потоком не течет. (33) Справедливость сильна, как клятва, потому и Зевс именуется Клятвенным. Добродетель есть лад (ἁρμονία), здоровье, всякое благо и бог. Дружба есть равенство ладов. Богам и героям почести следует воздавать неодинаковые: богам – непременно в благом молчании, одевшись в белое и освятившись, героям же – после полудня. Освящение состоит в очищении, омовении, окроплении, в чистоте от рождений, смертей и всякой скверны, в воздержании от мертвечинного мяса, от морской ласточки, чернохвостки, яиц, яйцеродных тварей, бобов и всего прочего, что запрещено от справляющих обряды. (34) От бобов воздерживаться Пифагор велел (по словам Аристотеля в книге «О пифагорейцах») то ли потому, что они подобны срамным членам, то ли вратам Аида, то ли потому, что они одни – не коленчатые, то ли вредоносны, то ли подобны природе целокупности, то ли служат власти немногих (ибо ими бросают жребий). Не поднимать упавшего он велел, чтобы привыкать к сдержанности за едой, а может быть, потому что это указание на чью-то смерть: ведь и Аристофан в «Героях» говорит, что упавшее принадлежит героям:

И вкушать того не вздумай, что упало со стола!

Не касаться белого петуха он заповедовал, потому что петух – проситель и посвящен Месяцу; просительство же есть доброе дело, а Месяцу он посвящен, потому что кричит в урочные часы; кроме того, белый цвет – от благой природы, а черный – от дурной. Не касаться рыб, которые священны, потому что не должно богам и людям располагать одним и тем же, точно так же как свободным и рабам. (35) Не преломлять хлеб – потому что в старину друзья ели от одного куска, как варвары и посейчас, а того, что сводит людей, делить не нужно (впрочем, иные говорят, будто это – к посмертному суду; иные – что от этого робеют на войне; а иные – что от этого начинается целокупность).

Из фигур он считал прекраснейшими среди объемных – шар, а среди плоских – круг. Старость подобна всему, что умалывается, молодость – всему, что нарастает. Здоровье есть сохранение образа, болезнь – его разрушение. Соль, говорил он, нужно ставить перед собою, чтобы помнить правду, ибо соль сохраняет все, что ни примет, а рождается от чистейшего солнца и чистейшего моря.

(36) Все это, говорит Александр, он нашел в пифагорейских записках, а дополнение к ним сообщает Аристотель.

Величавость Пифагора не упускает случая задеть и Тимон в «Силлах», где пишет так:

А Пифагор, преклоняясь к волхвам, болтающим бредни,
Ищет людей уловлять, величавых речей говоритель.

О том, что Пифагор в иное время был иными людьми, свидетельствует и Ксенофан в элегии, которая начинается так:

Ныне другую я речь укажу и другую дорогу, —

а о Пифагоре упоминает вот каким образом:

Как-то в пути увидав, что кто-то щенка обижает,
Он, пожалевши щенка, молвил такие слова:
«Полно бить, перестань! живет в нем душа дорогого
Друга: по вою щенка я ее разом признал».

(37) Так пишет Ксенофан. Насмехается над Пифагором и Кратин в «Пифагорейке»; а в «Тарентинцах» он говорит так:

Едва завидят человека пришлого,
Тотчас к нему пристанут с переспросами,
Чтоб сбился бедный с толку и запутался
В противоречьях, сходствах, заключениях,
Потоплен в бездне мудрости блуждающей.

Мнесимах в «Алкмеоне»:

Мы Аполлона чтим пифагорически:
В чем есть душа, того к столу не требуем.

(38) Аристофонт в «Пифагорейце»:

Он видел всех, спускаясь в преисподнюю,
И ах, он говорит, какая разница
Меж мертвецами и пифагорейцами!
Лишь их зовет к столу за благочестие Плутон-владыка.
– Странный вкус, поистине:
С подобной мразью тешиться приятельством!

И еще там же:

Пьют воду, а едят сырые овощи;
Плащи их вшивы, тело их немытое, —
Никто другой не снес бы этой участи!

(39) Погиб Пифагор вот каким образом. Он заседал со своими ближними в доме Милона, когда случилось, что кто-то из недопущенных в их общество, позавидовав, поджег этот дом (а иные уверяют, будто это сделали сами кротонцы, остерегаясь грозящей им тирании). Пифагора схватили, когда он выходил, — перед ним оказался огород, весь в бобах, и он остановился: «Лучше плен, чем потоптать их, — сказал он, — лучше смерть, чем прослыть пустословом». Здесь его настигли и зарезали; здесь погибла и большая часть его учеников, человек до сорока; спаслись лишь немногие, в том числе Архипп Тарентский и Лисид, о котором уже упоминалось. (40) Впрочем, Дикеарх утверждает, что Пифагор умер беглецом в метапонтском святилище Муз, сорок дней ничего не евши; и Гераклид (в «Обзоре Сатаровых „Жизнеописаний“») рассказывает, будто, похоронив Ферекида на Делосе, Пифагор воротился в Италию, застал там Килона Кротонского за пышным пиршеством и, не желая это пережить, бежал в Метапонт и умер от голодания. А Гермипп рассказывает, что была война между акрагантянами и сиракузянами и Пифагор с ближними выступил во главе акрагантян, а когда началось бегство, он попытался обогнуть стороной бобовое поле и тут был убит сиракузянами; остальные же его ученики, человек до тридцати пяти, погибли при пожаре в Таренте, где они собирались выступить против государственных властей.

(41) Тот же Гермипп передает и другой рассказ о Пифагоре: появившись в Италии, говорит он, Пифагор устроил себе жилье под землей, а матери велел записывать на дощечках все, что происходит и когда, а дощечки спускать к нему, пока он не выйдет. Мать так и делала; а Пифагор, выждав время, вышел, иссохший, как скелет, предстал перед народным собранием

и заявил, будто пришел из Аида, а при этом прочитал им обо всем, что с ними случилось. Все были потрясены прочитанным, плакали, рыдали, а Пифагора почли богом и даже поручили ему своих жен, чтобы те у него чему-нибудь научились; их прозвали «пифагорейками». Так говорит Гермипп.

(42) У Пифагора была жена по имени Феано, дочь Бронтина Кротонского (а другие говорят, что Бронтину она была женой, а Пифагору ученицею), и была дочь по имени Дамо, как о том говорил Лисид в письме к Гиппасу: «Многие мне говорят, будто ты рассуждаешь о философии перед народом, что всегда осуждал Пифагор, ведь и дочери своей Дамо он доверил свои записки лишь с наказом никому не давать их из дому. И хоть она могла продать его сочинения за большие деньги, она того не пожелала, предпочтя золоту бедность и отцовский завет, а ведь она была женщина!» (43) Был у них также сын Телавг, который стал преемником отца и (по некоторым известиям) учителем Эмпедокла; недаром Эмпедокл, по словам Гиппобота, говорит:

Славный Телавг, дитя Феано, дитя Пифагора!

Телавг, говорят, не оставил сочинений, а мать его Феано оставила. Она же, говорят, на вопрос «На который день очищается женщина после мужчины?» сказала: «После своего мужа – тотчас, а после чужого – никогда». Женщине, которая идет к своему мужу, она советовала вместе с одеждою совлекать и стыд, а вставая, вместе с одеждою облекаться и в стыд. Ее переспросили: «Во что?» Она ответила: «В то, что дает мне право зваться женщиною».

(44) Пифагор же, по словам Гераклида, сына Сарапиона, скончался в восемьдесят лет, в согласии с собственной росписью возрастов, хоть по большей части и утверждает, будто ему было девяносто. У нас о нем есть такие шуточные стихи:

Одушевленных созданий не трогаешь хищной рукою
Ты не один, Пифагор: делаем то же и мы.
В том, что проварено, в том, что зажарено, в том, что под солью,
Верно, уж нету души – есть лишь законная снедь.

И еще:

Был Пифагор такой уж мудрец, что пищу мясную
В рот принимать не желал – грех-де несправедный в том!
Всем остальным он, однако же, мясо давал без запрета:
«Сам, – говорил, – не грешу: пусть остальные грешат!»

(45) И еще:

Если ты хочешь постичь умом своим дух Пифагора —
Взгляд обрати лишь на щит, с коим сражался Евфорб.
«Жил я до жизни моей!» – таково Пифагорово слово.
Что ж! Коли был он, не быв, – стало быть, был он ничто.

И еще, о кончине его:

Горе, горе! Зачем, Пифагор, ты бобам поклонялся?
Вот и погиб ты среди собственных учеников.
Не пожелал ты пятою попать бобовое поле

И на распутье ты пал под акрагантским мечом.

Расцвет его приходится на 60-ю олимпиаду, а установления его держались еще девять или десять поколений (46) – ибо последними из пифагорейцев были те, которых еще застал Аристоксен: Ксенофил из фракийской Халкидики, Фантон Флиунтский, Эхекрат, Диокл и Полимнаст – тоже из Флиунта; они были слушателями Филолая и Еврита Тарентских.

Пифагоров было четверо, и жили они одновременно и неподалеку: первый – кротонец, человек тиранического склада; второй – флиунтянин, занимавшийся телесными упражнениями (умаститель, как говорят иные); третий – закинфянин; четвертый – тот, о ком шла речь, кто открыл таинства философии и учил им, от кого пошло выражение «сам сказал». (47) Говорят, что был и еще один Пифагор, ваятель из Регия, первый поставивший своею заботою соразмерность и ритм; и другой, скверный ритор; и третий, врач, писавший о грыже и составивший что-то о Гомере; и четвертый, сочинитель «Истории дорян» (как рассказывает Дионисий). Этот последний, по словам Эратосфена (которые приводит Фаворин в VIII книге «Разнообразного повествования»), впервые стал заниматься кулачным боем по-ученому, в 48-ю олимпиаду: длинноволосый, в пурпурной одежде, он был с насмешками исключен из состязания мальчиков, но тут же вступил в состязание мужчин и вышел победителем. (48) Это явствует из эпиграммы, сочиненной Феэтетом:

Странник, знаком ли тебе Пифагор, Пифагор из Самоса,
Длинноволосый борец, многой воспетый хвалой?
Знай: Пифагор – это я; а чем я стяжал мою славу,
Ты у элидян спроси: трудно поверить, но верь!

Фаворин говорит, что наш Пифагор стал употреблять определения для математических предметов; еще шире это стали делать Сократ и близкие к нему, потом Аристотель и стоики. Далее, он первый назвал небо мирозданием, а землю шаром (хотя Феофраст говорит, что это был Парменид, а Зенон – что это был Гесиод). (49) Противником его был, говорят, Килон, как противником Сократа – Антилох.

О борце Пифагоре передают еще и такую эпиграмму:

Этот борец Пифагор, самосским рожденный Кратетом,
Мальчиком в Альгис пришел для олимпийских побед.

Философу принадлежит такое письмо:

Пифагор – Анаксимену. «Если бы ты, лучший из людей, не превосходил Пифагора родом и славою, право, ты бы снялся и покинул Милет; и удерживает тебя от этого только добрая слава твоих предков, как и меня бы она удерживала, будь я подобен Анаксимену. Но если вы, лучшие люди, покинете города свои, то весь порядок в них разрушится, а угроза от мидян станет сильней. (50) Не всегда хорошо вперяться умом в эфир – лучше бывает принять заботу об отечестве. Я ведь тоже не весь в моих вещаниях – я и в тех войнах, какими ходят друг на друга италийцы».

Закончив рассказ о Пифагоре, надлежит сказать о знаменитых пифагорейцах, а потом – о тех философах, которых иные называют «разрозненными»; и это преемство достойнейших мы замкнем Эпикуром, как и намеревались. О Феано и Телавге уже было рассказано; теперь следует прежде всех сказать об Эмпедокле, который, по некоторым известиям, тоже был слушателем Пифагора.

«ЭЗОПОВЫ БАСНИ» БАБРИЯ В ЯМБИЧЕСКИХ ЧЕТВЕРОСТИШИЯХ ⁶²

1

Льва человек топтал в картине каменной.
«Вот наша сила!» – говорит прохожий льву.
Но тот в ответ: «А будь у львов художники,
Здесь человек бы оказался попраным».

8

Под смех рабочих мышь несла из кузницы
Другую мышь, от голода издохшую,
И так сказала: «Следовало плакать бы,
Что даже мышь вы прокормить не можете».

15

Ел ворон сыр; лиса хитрить пустилася:
«Будь голос у тебя – ты стал великим бы!»
Закаркал глупый, сыр из клюва выронив;
А та: «Есть голос у тебя, да мозгу нет».

19

Осел надел на плечи шкуру львиную
И пастухам прохожим говорит: «Я – лев!»
Но чуть узнали люди, кто под шкурою, —
И живо он свою припомнил мельницу.

22

В большом сраженьи меж зверьми и птицами
Ливийский страус, попадая в плен к врагам,
Зверям назвался зверем, птицам – птицею,
И показал тем – ноги, этим – голову.

23

Лисица, видя гроздь в винограднике,
Под ними долго прыгала, измучилась
И прочь пошла, а про себя промолвила:
«Напрасный труд: они еще зеленые!»

25

Орел, стрелою в грудь смертельно раненный,
Страдал, роняя в муке слезы горькие,
И молвил, видя перья на конце стрелы:
«Увы! Разит перо меня, пернатого».

⁶² Текст дается по изданию: «Эзоповы басни» Бабрия в ямбических четверостишиях / Пер. М. Л. Гаспарова // Памятники византийской литературы IV–IX веков / Отв. ред. Л. А. Фрейберг. М.: Наука, 1968. С. 268–269.

26

Трусливый ловчий пастуха расспрашивал:
«Скажи, ты не видал ли следа львиного?»
А тот: «Видал и льва я, он поблизости».
«Нет, нет, – сказал охотник, – льва не надо мне».

29

Чужими галка перьями украсившись,
Уже кичилась красотой над птицами,
Но общипали птицы (первой – ласточка)
Свое добро, оставив галку голою.

41

С лисою и ослом делил добычу лев.
«Вот эту треть, – сказал он, – как ловец беру;
Вторую треть беру себе как царь зверей;
А третьей кто коснется, сам заплатится».

42

Бык лягушонка раздавил копытами.
«Таков ли был он?» – мать спросила в ярости.
Но дети ей в ответ: «Ты лопнешь, матушка,
И все же с этим зверем не сравняешься».

46

В стрельбе тягался Аполлон с отцом своим,
Напряг он тетиву и вдаль пустил стрелу.
А Зевс, единый шаг шагнув, догнал ее
И спрашивает: «Где ж тут мне стрелять, мой сын?»

52

Однажды звездочет, следя за звездами,
В колодец провалился, и сказал ему
Прохожий, услышав его стенания:
«Паря умом, что ж не смотрел ты под ноги?»

57

Осел с мешками соли через реку шел,
Упал, а груз растаял и полегче стал.
Пошел вторично, нагруженный губками,
Упал нарочно и, увы, пошел ко дну.

ОТРЫВКИ ИЗ ПОЭТОВ-ЛИРИКОВ – СОВРЕМЕННОКОВ КАТУЛЛА

ЛИЦИНИЙ КАЛЬВ⁶³

«Безделки»

1. Курий, в кости игру преизучивший...
2. Сел суровых бежит и работающих...
3. Тигеллий Сард, прогнивший лоб, идет с торга!..

Эпиграммы

- 4⁽¹⁸⁾. Страх наводящий Помпей головку пальчиком чешет.
В чем сомненье его, кто ему надобен? Муж.
- 5⁽¹⁷⁾. ...и все остальное,
Чем у вифинцев владел Цезарев задний дружок.

Квинтилия

- ...а уже – буду я пепл золотой!
- 8⁽¹⁶⁾. Будет этому рад, может быть, самый твой пепл.

Эпиталамии

- 9⁽⁴⁾. Ногтем белым бродящая
Режет лилию нимфа...
- 10⁽⁵⁾. Блеск перед собой потряся закатный...
- 11⁽⁶⁾. И научила законам святым, и тела сочетала
Милые браком, и градам дала основанье великим...
- 12⁽⁷⁾. И Венера, властительный бог...
- 13⁽⁸⁾. ...такого достойная дара.

⁶³ Фрагменты 1, 2, 4, 8–9, 11, 15–16, 18–19 даны в переводе В. Я. Брюсова, сделанном для задумывавшейся им антологии «безвестных римских поэтов». Текст дается по изданию: *Гай Валерий Катулл Веронский*. Книга стихотворений / Изд. подгот. С. В. Шервинский, М. Л. Гаспаров. М.: Наука, 1986. С. 142–152. Нумерация фрагментов дается по изданию: *Granarolo J. L'époque néoterique ou la poésie romaine d'avantgarde au dernier siècle de la République // Aufstieg und Niedergang der römischer Welt. Bd. I.3. Berlin, 1973. S. 278–360*, в скобках (в случае расхождения) – по: *Fragmenta poetarum Romanorum / Ed. Aem. Baehrens. Lipsiae, 1886. – Прим. ред.*

Ио

- 14(9). Ах, несчастная дева! пастишь тебе горькой травую...
15(10). Дух мой суровый, себе предвещающий все в исступленьи...
16(11). Строгий, безмерным когда был сном зрачок покоряем...
17(12). Хладный бистонский край уже минуется быстро...
18(13). Не забывает и Солнце в пути отдохнуть непрерывном...
19(14). ...в тяжелом носила рождение чреве...

Разное

20. Почва все рождает сама...
21. Заплело язык и ноги
Вино...

ГЕЛЬВИЙ ЦИННА

«Бездежки»

1. А меня мимо ветел ценоманских
Мчит повозка на карликовых мулах...
2. Пунийские так сонную змею псиллы...

Эпиграммы

- 3(11). Эти песни в бессонных ночах при лампаде Арата
Сочинены, чтобы знать тайны небесных огней;
Их, как в книжку, вписав на листья подсушенной мальвы,
Я на прусейской ладье вез в подношенье тебе.
4(14). Пусть же в долгих веках живет «Диктинна» Катона!
5(12). Шлемом отважился он снабдить несчастных девчонок...
6(13). ...Альпийская камедь...

Напутствие Поллиону

- 7(3). Не подивишься на те даренья, груды которых

В неисчисляемые скопились старинные века
С тех времен, когда рождался город Белидов,
И кекропический град, и тирийским ставленный Кадмом...
8(4). Ярко сияет когда верхушка мачтовой щеглы...
9(5). Крепкий рейный канат пусть твердо блюдет направление...
10(6). И собирает блестящий кристалл, подобие снега...

Смирна

12(8). Видел тебя в слезах Эой, светило рассвета,
Видел тебя по свершении дня тождественный Геспер...
13(9). А преступленье росло в нечистом чреве у Смирны...

КВИНТ КОРНИФИЦИЙ

1. Я, пронзительным голосом болтая...
2. ...усмирать двухчленных кентавров...
3. ...как сени листвия,
Деревьями рождаемые плодными...

ТИЦИДА

1. О, постель, ты единая,
Столько страстью блаженная...
Кто понимает, для тех «Лидия» – трудная вещь!

ФУРИЙ БИБАКУЛ

«Безделки»

1. Лишь грамматик Катон, сирена римлян,
И читает и создает поэтов.
2. Друг мой Галл, а Катонovo именье
Все с торгов распродал заимодавец!
Удивительно, как такой наставник,
Знаменитый грамматик, стихотворец,
Находивший решенья всех вопросов,
Не нашел поручителя себе же,—
То-то ум Зенодота, дух Кратеса!

3. Кто увидит у нашего Катона
Домик, крытый раскрашенною дранкой,
С парой грядок под стражею Приапа, —
Подивится, какой такой наукой
Он дошел до великого уменья
Полуфунтом муки, да кочерыжкой,
Да двумя виноградными гроздьями
Пропитаться до старости глубокой.
4. А где Орбилий, позабывший грамоту?..
5. Оскский старик, гетера из Кум, катанийский мальчишка...
6. ...на моей кровати...

Летопись

- 7⁽⁸⁾. Между тем Аврора, восстав с Океанова ложа...
- 8⁽⁹⁾. Тяжкой раною вдруг надломленный, сразу поводья
Он выпускает из рук, и рушится наземь, и латы
Медный звук издают...
- 9⁽¹⁰⁾. ...и смягчительный сон по сердцам расточает.
- 10⁽¹¹⁾. Меч на меч, ступня на ступню, на воина воин...
- 11⁽¹²⁾. Что сей за род людской, о святейшее чадо Сатурна?..
- 12⁽¹³⁾. Сеют за слухами слухи, чинят расспросы о многом...
- 13⁽¹⁴⁾. Каждого он зовет по имени, напоминает:
Срок пришел исполнению слов...
- 14⁽¹⁵⁾. И укрепляя речами, бодрит горячие души
Встать достойно на брань и умы возбуждает к сраженью...
- 15⁽¹⁶⁾. Снегом Юпитер седым плюет на зимние Альпы...
- 16⁽¹⁷⁾. Здесь, где широкие рвы вели черту межевую...

ПУБЛИЙ ТЕРЕНЦИЙ ВАРРОН АТАЦИНСКИЙ

Землеописание

12. Видел он мир, на эфирной оси кружимый вращеньем,
Семь кругов, один другому надежной опорой,
Каждый свой звук издает, и нет небожителям лучше
Радости. Им же вослед стократ сладчайшей десницей
Феб, измыслив, выводит на свет подобные звуки...
13. Так меж обителю Солнца и тем семизвездьем полярным
Распростираясь, лежит земля, а ей омывает
Внешний брег – Океан, а внутренний – волны Нептуна...

14. Пять эфирных легли поясов на всемирную сферу,
Опустошает края – мороз, и жар – середину,
А между теми и той простираются людные земли,
Где никогда не чрезмерен огонь могучего солнца...
15(16). ...безопасен на собственном месте...
16(17). И укрепленный поселок Карал...
17(18). Окружена Океаном, и Нилом, и морем Ливийским...
18(20). В Индии есть тростник, он не ниже высокого древа,
В гибких его корнях выжимается сладкая влага —
Сок, с которым и мед не мог бы поспорить, тягаясь...

Эфемерида

- 19(21). ...облака, словно шерсти волокна,
Встанут...
20(22). Можно видеть птиц морских и даже болотных,
Как они вновь и вновь неумно тянутся в воду
И обливают себя, как с отвычки, разбрызганной влагой;
Или же звонкая вкруг озерков облетает касатка;
Или же бык, возрев в небеса (нечасто увидишь!),
Ноздри раздует и тянет в себя полный запаха ветер;
Или из полых теснин муравей выносит яички...

Секванская война

Легкой они соблазнясь волною сладкого вкуса...

Элегии

24. Схожий заботами с ним, стенает из твердого камня...

ГАЙ МЕММИЙ

1. В блеске Фортуна своем да не сходит с крутого уклона...

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

1. Известный Руф, прекраснейший из двух Планков,

- Который так отменно лебедей жарит,
На выборах не смог добрать семи пунктов;
Так за лебязжи оплатил народ души!
2. Где, ослабивши огненные вожжи,
Над землею все ниже рыщет солнце...
3. Жив, резвишься и рад, любим и любишь...
4. Ну что, легка ль любовь тебе, Эпидия?..
5. Та, что была рождена Ликаоновым семенем, нимфа,
И вознеслась в небеса с холодных вершин Нонакрийских,
Ты, кого к океанской волне не пускает Тефида,
Ибо осмелилась ты с ее питомицей спорить...
...Каллисто сияет в светилах
И обновляет свои пламена, не касаясь пучины...
7. Ты, Луна, ночных грехов единственный зритель,
Будь твое имя Кретея иль будь твое имя Диктинна...
8. Канонические струны италийским правит смычком...
9. Шли, куда под силу, не шли, куда не под силу...
10. Крепкую шею его покрывали небрежные кудри —
Крепкая шея была светла сквозь небрежные кудри...
11. Сколько раз простирал я руки к движимой тени!
Сколько раз отводил я руки от движимой тени!..
12. Ибо соленый пот в трудах проступает на теле...
13. Сколько, Луцилий, в тебе недостатков,— готов доказать я,
Даже Катона в свидетели взяв,— ведь Катон, твой поклонник,
Сам принужден у тебя исправлять неудачные строки.
Тонко работает он — понятно, что вкус его лучше,
Чем у иного, в которого смолоду палкой и плеткой
Вбили готовность прийти во всеоружье науки,
Чтобы почет поддержать писателей древних, на коих
Мы, молодые, глядим свысока...
14. ...кто не знает стыда, а краснеет, —
Знать, у того под полой красная рыба зудит.
15. ...И похититель немалых словес седого Катона —

ПУБЛИЙ ОВИДИЙ НАЗОН ⁶⁴

СКОРБНЫЕ ЭЛЕГИИ

Книга III

8.
О, как я бы хотел в колесницу ступить Триптолема,
Кто непривычной земле вверил впервые посев;
Как бы желал я взнуздать драконов, которые в небе
Мчали Ээтову дочь от эфирейских твердынь;
⁵ Как я мечтал бы владеть опереньем крыльев летучих —
Или твоих, о Персей, или твоих, о Дедал, —
Чтобы раздвинуть, летя, воздушные легкие струи,
Чтобы увидел я вновь милую землю отцов,
Дальний покинутый дом, и друзей, не забывших о друге,
¹⁰ И наконец, наконец, милую сердцу жену!
Ах, чудак ты, чудак! не ребячься в мечтаньях, которым
Сбыться, увы, не дано ни под какую звездой!
Если не можешь молчать – молись августейшему богу,
Богу, чью дивную мощь ты испытал на себе.
¹⁵ Он тебе властен один подарить колесницу и крылья —
Пусть лишь скажет: вернись, – сразу же станешь крылат!
Стану об этом молить (ведь о большем молить я не вправе),
Но и такая мольба в меру ли будет скромна?
Позже, когда божество справедливым насытится гневом,
²⁰ Впору будет припасть с трепетной просьбой к нему.
Ныне же не о большом, а о малом даре прошу я.
Пусть мне будет дано эту покинуть страну!
Здесь не к добру ни суша, ни влага, ни небо, ни воздух,
Здесь неотступно меня гложет, несчастного, хворь:
²⁵ То ли измученный дух заражает страданием тело,
То ли причина всех бед – самая эта земля, —
С первого дня меня здесь ночные бессонницы мучат,
Сохнет плоть на костях, в горло кусок не идет;
Как на осенних ветвях, поражаемых ранним морозом,
³⁰ Блекнет лиственный цвет в первом дыханье зимы,
Так и мое выцветает лицо, истощаются силы,
И неотлучная скорбь долгие жалобы льет.
Страждет тело мое, но душа не менее страждет:
Боль в обоих одна бременем давит двойным.

⁶⁴ Текст дается по изданию: *Публий Овидий Назон. Скорбные элегии. Письма с Понта* / Изд. подгот. М. Л. Гаспаров, С. А. Ошеров. М.: Наука, 1978. С. 44–45; 104–116; 158–160.

³⁵ А перед умственным взором стоит, как зримое тело,
Ясно читаясь в былом, образ судьбины моей:
Прежние вижу места, и людей, и нравы, и речи
И вспоминаю, кем был, и понимаю, кем стал,
И умереть я хочу, и на Цезарев гнев я пеняю,
⁴⁰ Что за обиды свои он не карает мечом.
Но коли он пожелал и во гневе явить свою милость,
Пусть мою казнь смягчит; край мне укажет иной.

ПИСЬМА С ПОНТА

Книга II

1. Германику Цезарю

В край, куда лишь с трудом доносятся южные ветры,
Ныне молва донеслась: Цезарь справляет триумф.
Скифия мне никогда не казалась отрадной землею —
Все же немного милей стала и Скифия мне.
⁵ В туче досадных забот голубое забрезжилось небо —
И благодарную речь я обращаю к судьбе.
Цезарь меня пожелал лишить всех радостей жизни —
Эту, однако, отнять радость не в силах и он.
Даже и боги хотят, чтобы люди их чтили весельем, —
¹⁰ В праздник велят нам они мысли от грусти отвлечь.
Пусть безумно признание, но я не могу не признаться:
Будь на веселье запрет, я бы попрал и запрет.
Сколько ни сеет Юпитер дождей на полезные злаки,
А меж посевов, упрямя, тянется к солнцу сорняк.
¹⁵ Я – бесполезный сорняк, но и я животворную чую
Влагу и пользуюсь ей, воле его вопреки.
Радости Цезаря нам как свои: в душе мы их делим;
Чуждого нам ничего в доме у Цезаря нет.
Благодаренье тебе, о молва: от окраины гетской
²⁰ Вижу я шестивенный блеск, вижу я праздничный чин.
Благодаренье тебе: я узнал, сколь много народов
В римские стены стеклось для лицезренья вождя.
Рим, в просторных стенах уж объявший, казалось, все земли,
Еле место нашел, чтобы гостей приютить.
²⁵ Ты рассказала, молва, что южный облачный ветер
Вот уже многие дни сеял дождями на Рим,
Но уступил, по воле небес, перед солнечным светом,
Чтоб небосвод просветлел, как просветлела душа.
Ты рассказала о том, как раздал победитель награды

30 И похвалу произнес тем, кто достоин наград.
Прежде чем тело облечь в одежды, достойные славы,
Он на святых очагах сладкий возжег фимиам,
Благочестивую дань тебе принося, Справедливость,
Коей незыблемый храм в сердце воздвигнут отца.

35 Ты рассказала, молва, что куда бы он путь ни направил,
Плеск раздавался толпы, камни краснели от роз.
Из серебра перед ним литые несли изваянья
Взятых им городов и побежденных врагов,
Изображения рек, и гор, и лесов, где гремели

40 Битвы, и груды щитов, дротиков, копий, мечей;
Золотом солнце горит на золоте этой добычи,
И от него по всему форуму – блеск золотой.
Столько он вел мятежных вождей в оковах на шее,
Что представлялось, идет вся их несчетная рать.

45 Большею частью они получили и жизнь и прощенье —
Даже виновник войны, главный меж главных, Батон.
Так неужели я сам оставлю мечту о пощаде,
Глядя, как божество милует даже врагов?
В шествии этом твою знаменуя, Германик, победу,

50 Павшие перед тобой целые шли города;
Их от тебя не сумели спасти ни мечи осажденных,
Ни неприступность их мест, ни необорность их стен.
Да ниспосллют тебе долгую жизнь благосклонные боги —
Все остальное ты сам в доблести явишь своей.

55 Сбудется слово мое: не праздны вещанья поэтов —
Мне, молящему, бог доброе знаменье дал.
Скоро ликующий Рим приветит тебя на священном
Всходе Тарпейской скалы, в блеске венчанных побед.
Радостен будет отец, любясь на почести сына,

60 Видя наследье свое, в зрелый пошедшее рост.
Помни же эти мои слова пророка-поэта,
Юноша, лучший из всех в бранных и мирных делах.
Сам я, быть может, сложу стихи и об этом триумфе,
Ежели выживу я в бедственной доле моей,

65 Ежели кровью моей не упьются скифские стрелы,
Ежели голову мне гетский не срубит клинок.
Если же я доживу до лавров твоих неврединно —
Сам согласишься, что я – дважды правдивый пророк.

2. Мессалину

Тот, кто в вашем доме всегда был почтительным гостем,
Тот, кто ныне живет в ссылке, где плещет Евксин,
Я, Овидий Назон, из гетской земли непокорной
Шлю Мессалину привет – вместо прямого в письме.

⁵ Ах, как боюсь я, что ты, прочитав мое бедное имя
И посуровев лицом, дальше не станешь читать!
Но дочитай: ведь стихи не сосланы вместе с поэтом,
Рим, закрытый для нас, нашим писаньям открыт.
Я ведь совсем не хотел, громоздя Пелионы на Осы,
¹⁰ Ясных небесных светил дерзкой коснуться рукой.
Я не пытался идти по безумным стопам Энклада
И подниматься войной на всемогущих богов.
Я не хотел подражать Тидееву буйному сыну,
Не угрожал божествам медным ударом копья.
¹⁵ Я виноват, тяжело виноват, но вины моей бремя

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.